

Темный Рассвет

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ
ЧАСТЬ ЦИКЛА
«НЕНОЧЬ»

18+

ДЖЕЙ КРИСТОФФ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ THE NEW YORK TIMES

Хроники Неночи

Джей Кристофф

Темный рассвет

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

Кристофф Д.

Темный рассвет / Д. Кристофф — «Издательство АСТ»,
2019 — (Хроники Неночи)

ISBN 978-5-17-118816-0

В Итрее воцарился хаос. Мия Корвере убила кардинала Дуомо, а слухи о гибели консула Скаевы разлетаются по улицам Годсгрейва со скоростью лесного пожара. Но прямо под этими улицами, глубоко в древних костях города, скрыта тайна, которая навсегда изменит республику... Долгая дорога Мии к желанной цели – мести за убийство семьи – подходит к концу. Опасное путешествие юной убийцы приведет ее к эпичному финалу: в поисках истины ей придется спуститься в недра старинного метрополиса, пересечь Море Мечей, вернуться в библиотеку Тихой горы и добраться до мифической Короны Луны. Мия узнает правду о происхождении даркинов и о том, какая судьба ждет ее и весь мир. Но сможет ли она выжить, когда три солнца зайдут за горизонт... когда приблизится истинотьма?

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-118816-0

© Кристофф Д., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Книга 1. Тьма внутри	11
Глава 1. Брат	11
Глава 2. Кладбище	19
Глава 3. Уголек	25
Глава 4. Дар	33
Глава 5. Прозрения	42
Глава 6. Император	49
БЫТЬ	57
Глава 8. Мерзавец	67
Глава 9. Грезы	75
Книга 2. Умирающий свет	77
Глава 10. Неверующие	77
Глава 11. Поджог	83
Глава 12. Истина	88
Глава 13. Заговор	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Джей Кристофф Темный рассвет

Jay Kristoff
DARKDAWN

Designed by Steven Seighman

Maps by Virginia Allyn

© А. Харченко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Моим читателям.

Без вас я бы тоже не справился

Ну, вот мы и снова вместе, дорогие друзья.

Полагаю, я обязан принести вам извинения. За финал второй части истории Мии, а также за состояние, в котором вы пребывали после него. Выглядели вы, мягко говоря, раздосадованными. Но заверяю вас – в нашем последнем танце не будет никаких оборванных концов. Как и было обещано, вы увидели рождение Мии и прожили ее жизнь. Осталась только смерть.

Но прежде чем мы приступим к похабщине и резне, позвольте в последний раз кое о чем напомнить тем, у кого память столь же надежна, как ваш рассказчик. А затем вернемся к убийству нашей смертоносной маленькой сучки, согласны?

DRAMATIS PERSONAE

Мия Корвере – ассасин Красной Церкви, гладиат Соколов Рема и ныне самая скандально известная убийца в Итрейской республике. Дитя неудавшегося восстания, она восемь лет мечтала отомстить людям, которые уничтожили ее семью.

Узнав, что Красная Церковь приложила руку к убийству ее отца, Мия покинула строй ассасинов и продала себя в гладиатскую коллегию. После победы в грандиозных играх Годсгрейва ее ждало несколько ошеломляющих открытий, последовавших одно за другим:

- Ее младшего брата Йоннена, считавшегося мертвым, похитил заклятый враг Мии, консул Юлий Скаева, чтобы растить как собственного сына.
- Йоннен действительно сын Скаевы. А значит, мать Мии спала с мужчиной, который позже повесил ее мужа и отправил Алинне умирать в Философский Камень.
- Как и Мия, Йоннен – даркин, то есть обладает способностью контролировать тени.

В финале грандиозных игр Мия убила великого кардинала Франческо Дуомо и, по всей видимости, пронзила клинком Скаеву. Похитив брата, она прыгнула в воду, кишасшую штормовыми драками, навстречу верной смерти.

...Зубы Пасти, это был захватывающий финал, правда?

Мистер Добряк – компаньон Мии с детства. Демон, спутник или фамилляр (смотря кто спрашивает), способный поглощать страхи людей. Сделан из теней и сарказма. Несмотря на все свое ехидство и колкости, отпускаемые в адрес Мии, он определенно испытывает к ней глубокую и неизменную любовь. Только ему не говорят.

Он носит кошачье обличье, но внешность его обманлива.

Эклипс – еще один демон из теней. Когда-то она была спутником Кассия, бывшего Лорда Клинков Красной Церкви, и после его смерти последовала за Мией.

Эклипс приняла обличье волчицы, и, как большинство кошек и собак, они с Мистером Добряком не ладят.

Эшлин Ярнхайм – ваанианка и бывший аколит Красной Церкви. Эшлин предала Духовенство, чтобы отомстить за своего отца Торвара, и чуть не поставила Красную Церковь на колени. После того, как Мия сорвала ее планы, Эшлин стала служить кардиналу Дуомо. Ее первым заданием было найти карту неизвестных земель в древнем Ашкахе – карту, жизненно важную для Красной Церкви. Остерегаясь предательства, Эшлин нанесла карту себе на спину архимическими чернилами, которые исчезнут в случае ее гибели.

Эшлин помогла Мие победить в играх «Венатус Магни», и впоследствии они стали возлюбленными¹. После завершения игр ее схватило Духовенство, и консул Скаева – вполне себе живой, – раскрыл Мие, что та убила всего лишь его двойника, сотворенного ткачихой плоти Мариэль, и все это время он работал с Красной Церковью, чтобы избавиться от своего конкурента, кардинала Дуомо.

А на десерт он рассказал, что на самом деле это он – отец Мии.

На Эшлин напали ассасины Красной Церкви, но в последний момент ее спасла знакомая тенистая личность...

Трик – аколит Красной Церкви итрейско-двеймерского происхождения и бывший любовник Мии. Убит Эшлин Ярнхайм, которой пришлось столкнуть его с Тихой горы, чтобы осуществить свой план по захвату Духовенства.

Судя по всему, Трик воскрес, хоть и существует теперь в более мрачной, магической форме. Он помог Мие в некрополе Галанте и сделал несколько загадочных предупреждений, но свою личность не раскрыл. Позже он спас Эшлин от убийц Красной Церкви.

Как он вернулся из царства Черной Матери и почему спас девушку, которая убила его, – остается лишь догадываться.

Старик Меркурио – до поступления Мии в Красную Церковь был ее наставником и доверенным лицом. Меркурио и сам много лет служил Клинком Церкви, а затем и епископом Годсгрейва. Несмотря на крайне сварливый характер, старый хрыч поддержал замысел Мии убить Дуомо и Скаеву, полностью отдавая себе отчет, что его действия вызовут ярость Духовенства.

Во время финала грандиозных игр его схватили прислужники Церкви и забрали в Тихую гору, как приказал...

Юлий Скаева – трижды избранный консул Итрейской республики, также известный как «народный сенатор». Обычно этот пост занимают два человека, но со времен Восстания Царетворцев, произошедшего восемь лет назад, Скаева руководит единолично.

Воспользовавшись восстанием как предлогом для продления срока, консул нанял Красную Церковь, чтобы ее служители помогли ему получить титул императора и постоянные чрезвычайные полномочия в республике. Он руководил казнью Дария Корвере, приговорил свою любовницу, Алинне Корвере, к смерти в Философском Камне, похитил младшего брата Мии, а ее саму приказал утопить в канале, хотя знал, что Мия его дочь.

Даже слово «манда» не может описать его в полной мере.

Но кстати о них...

¹ Ох уж эти подростковые гормоны, дорогие друзья. Что-то с чем-то, да?

Друзилла – Леди Клинков Красной Церкви и, несмотря на свой далеко не юный возраст, одна из самых опасных убийц в республике. Вопреки заявлениям о своей преданности Черной Матери, Нае, Друзилла заключила союз с консулом Скаевой, чтобы потешить его самолюбие и помочь ему захватить власть в Итрейской республике.

Леди Клинков испытывает неприязнь к Мие с тех самых пор, как та провалила испытания, будучи аколитом Красной Церкви. Вероятно, недавнее предательство Мии не улучшило ее репутацию в глазах Друзиллы.

Солис – Достопочтенный Отец и шахид песен, мастер искусства стали и самый угрюмый мужчина в мире. Он слеп, но, по всей видимости, это не мешает ему во время битв. Солис перенес заключение в Философском Камне и является единственным бывшим узником, пережившим кровавый отбор, известный под названием «Снижение», когда заключенных поощряют массово убивать друг друга в обмен на свободу. Эта победа дала Солису его имя, которое на древнеашкахском означает «последний».

Во время их первого спарринга в Тихой горе Мия порезала ему лицо. В отместку он отрубил ей руку. Солис предпочел сохранить свой шрам от пореза, вместе с обидой на девушку, которая его превзошла.

Паукогубица – шахид Зала Истин и госпожа ядов. Когда-то Мия была одной из самых многообещающих аколитов Паукогубицы, но шахид перестала ей симпатизировать еще до того, как Мия решила пренебречь постулатами Церкви.

Если она когда-нибудь предложит вам пропустить бокальчик золотого вина, я бы посоветовал отказаться.

Маузер – мастер воровства и шахид карманов. Очаровательный мужчина с юным лицом и глазами старика, любитель носить женское белье.

Маузер не был враждебно настроен к Мие до ее предательства, но можно предположить, что ныне, после ее недавних хреноподвигов, она вычеркнута из списка людей, которым он вручает подарки на Великое Подношение.

Аалея – госпожа секретов и шахид масок. Красавица и искусительница, послужной список убийств которой может сравниться только с количеством зарубок на ее кровати.

До предательства Мии она испытывала к той только теплые чувства, но ни один член церковного Духовенства не получил свою должность благодаря сентиментальности.

Мариэль – одна из двух колдунов-альбиносов на службе у Красной Церкви. Мариэль – мастерица кожеплетения, древней разновидности магии, которую практиковали в падшей империи Ашках. Она может лепить плоть и мышцы, как если бы те были глиной, но плата за подобную силу ужасна – ее собственная плоть кошмарно изуродована, и с этим ничего не поделать.

Вдобавок к не располагающей внешности Мариэль не располагает к себе еще и тем, что питает чересчур сильную любовь к своему брату Адонаю.

Адонай – второй колдун, крововещатель, служит в Тихой горе. Он манипулирует человеческой кровью – с ее помощью он может передавать послания и перемещать людей и некогда живые предметы через бассейны крови в часовнях Красной Церкви. Благодаря способностям сестры Адонай не имеет себе равных по красоте.

Во время атаки люминатов на гору он убил брата Эшлин, Осрика, и теперь в долгу перед Мией, спасшей ему жизнь.

«Я повинен тебе кровью, вороненок. И кровью тебе воздастся».

Элиус – летописец Тихой горы, заведует великой читальней Красной Церкви – просторной и постоянно растущей библиотекой, где хранятся книги, которые были уничтожены, преданы забвению или вообще никогда не написаны. Помимо прочего, Элиус борется с огромными плотоядными «книжными червями», ползающими во тьме между полок. Его задачу ничуть не облегчает тот факт, что он, как и всё в библиотеке Черной Матери, мертв.

И все же это какая-никакая жизнь...

Наив – Десница Красной Церкви, организующая снабженческие экспедиции в ашкаскую Пустыню Шепота. Несмотря на некоторые первоначальные трудности, они с Мией стали близкими подругами.

Когда-то у Наив с Адонаем был роман, и Мариэль, поддавшись ревности, изуродовала соперницу. Но после того, как Мия помешала захвату Тихой горы, ткачиха вернула Наив былую красоту в знак благодарности своей спасительнице.

Наив предпочитает скрывать не только свое лицо, но и чувства.

Тишь – полноправный Клинок Красной Церкви. Он нем и общается на языке жестов, известном как «безъязыкий».

Хотя они с Мией вместе учились, и он помог ей в одном из испытаний, Тишь остается верен Духовенству. Ему приказали схватить Эшлин, но девушке удалось сбежать с помощью Трика.

Франческо Дуомо – великий кардинал Церкви Света и самый могущественный член духовенства Всевидящего. Несмотря на их союз с Юлием Скаевой, кардинал и консул, как выяснилось, были непримиримыми соперниками. Вместе со Скаевой и судьей Марком Ремом он выносил приговор участникам неудавшегося Восстания Царетворцев – в том числе и отцу Мии, Дарию.

Можно смело сказать, что Мия восприняла поступок кардинала близко к сердцу – она подстригла ему бороду вплоть до самых костей черепа на глазах у десятков тысяч кричащих зрителей.

Алинне Корвере – мать Мии и грозный политик, которой почти удалось захватить власть в Итрейской республике. Выяснилось, что ее брак с судьей Дарием был основан на дружбе и политической целесообразности. На самом же деле Алинне была любовницей Юлия Скаевого и родила ему двух детей: Мию и Йоннена.

Несмотря на их связь, Скаева, не моргнув глазом, отправил любовницу на верную смерть после неудавшегося мятежа ее мужа. Алинне заключили в Философский Камень, где она умерла от безумия и горя.

Мия лишь недавно узнала, что ее мать не была образцом совершенства, какой она всегда ее считала.

Дарий «Царетворец» Корвере – мужчина, которого Мия звала отцом, бывший судья легиона люминатов. Дарий заключил союз со своим возлюбленным, генералом Гаем Максимом Антонием, надеясь совершить переворот и сделать Антония королем Итреи.

Но оба они были схвачены прислужниками Красной Церкви накануне битвы, и Дария повесили рядом с его несостоявшимся королем, Антонием.

Сказать, что Мия плохо восприняла его смерть, это ничего не сказать.

Йоннен Корвере – младший брат Мии. Долгое время считалось, что он погиб, как и мать, но недавно Мия узнала, что Скаева растил его как родного сына под именем Люций – судя по всему, жена Скаевы, Ливиана, бесплодна.

Йоннен понятия не имеет о своем истинном происхождении, поскольку в момент похищения был слишком мал, чтобы помнить свое настоящее имя или сестру.

Фуриан – Непобедимый, чемпион Коллегии Рема. Как и Мия, он был даркином и мог повелевать тенями, однако у него не было спутника, и он отказывался признавать свой дар, считая его темным колдовством.

Мия убила Фуриана в финале грандиозных игр. В момент его гибели она мельком увидела ночное небо с огромным светящимся шаром и услышала слова: *«Многие были одним. И станут снова»*.

Вскоре после этого видения Мия поняла, что ее тень стала достаточно темной для четверых.

Сидоний – бывший легионер люминатов, служивший Дарию Корвере. Когда он отказался участвовать в подготовке восстания генерала Антония против Сената, его выгнали из легиона. Сидона продали в рабство, и, в конце концов, он попал в Дом Рема, чтобы сражаться в боях гладиаторов на «Венатус Магни».

Когда Мию купила та же коллегия и Сидоний узнал, кто она на самом деле, мужчина взял ее под свое крыло и стал опекать девушку, словно приемный старший брат.

У него, конечно, козлиные манеры, но зато львиное сердце.

Соколы Рема – Мечница, Брин, Волнозор, Мясник, Феликс и Албаний – гладиаторы Коллегии Рема, а также друзья и союзники Мии по играм. Мия организовала им побег из Годсгрейва, убедив всех, что она якобы предала и убила их.

Ныне они прячутся где-то в Итрее и, предположительно, пьют до беспамятства.

Аа – глава итрейского пантеона, Отец Света, также известный как Всевидящий. Говорят, что три солнца – Саан (Провидец), Саай (Знатор) и Шиих (Наблюдатель) – это его глаза. В небе почти постоянно светит одно или два из них, а посему настоящая ночь, или же истинотьма, наступает раз в два с половиной года и длится всего одну неделю. К моменту происходящих в этой истории событий истиносвет – период, когда в небе светят все три солнца – уже почти подошел к концу.

Приближается истинотьма, дорогие друзья.

Цана – Леди Огня, Та-Кто-Испепеляет-Грехи, Непорочная, покровительница женщин и воинов, первая дочь Аа и Наи.

Кеф – Леди Земли, Та-Кто-Вечно-Дремлет, Очаг, покровительница мечтателей и глупцов, вторая дочь Аа и Наи.

Трелен – Леди Океанов, Та-Кто-Изопьет-Мир, Судьба, покровительница моряков и негодяев, третья дочь Аа и Наи и сестра-близнец Налипсы.

Налипса – Леди Бурь, Та-Кто-Помнит, Милосердная, покровительница целителей и предводителей, четвертая дочь Аа и Наи и сестра-близнец Трелен.

Ная – Пасть, Мать Ночи, Леди Священного Убийства, сестра и жена Аа. Ная правит той частью потустороннего, что лишена света и зовется Бездной. Изначально они с Аа делили

власть над небесами на равных условиях. Ная получила от мужа наказ рожать только дочерей, но впоследствии ослушалась Аа и понесла ему сына.

В наказание муж изгнал ее с небес, позволив возвращаться лишь на короткий период времени каждые пару лет.

А что же случилось с их сыном?..

Что ж, дорогие друзья, полагаю, пришло время ответов.

Книга 1. Тьма внутри

*Когда всё – кровь, кровь – это всё.
Девиз семьи Корвере*

Глава 1. Брат

Восемь лет ядов, убийств и дерьма.

Восемь лет крови, пота и смерти.

Восемь лет.

Она падала все ниже и ниже, крепко сжимая липкими алыми руками своего младшего брата. Наверху – жаркие и ослепительные три солнца, внизу – затопленная арена и багровая от крови вода. Вокруг – рев толпы, возмущенной и растерянной из-за убийства их великого кардинала и любимого консула, совершенного рукой чемпиона, которого они так почитали. Величайшие игры в истории Годсгрейва закончились самым дерзким убийством в истории республики. Арена погрузилась в хаос. Но, несмотря на все это, – крики, рев, ярость, – Мия Корвере ощущала лишь триумф.

После восьми лет.

Восьми гребаных лет.

«Мама.

Папа.

У меня получилось.

Я убила их ради вас».

Мия на скорости врезалась в поверхность воды и начала быстро погружаться. Все звуки арены Годсгрейва поглотили тьма и тишина. Соль жалила глаза. Воздух опалял легкие. В ушах по-прежнему звучали отголоски воплей. Йоннен, ее младший брат, брыкался и извивался в руках, как рыба на суше. Она чувствовала змееобразные тени штормовых драков, плывущих к ней в темноте. С острыми улыбками и мертвыми глазами.

Даже здесь, под водой, истиносвет был неумолим. Но, невзирая на три отвратительных солнца в небе, невзирая на негодование Всевидящего, тени остались при ней. Достаточно темные для четверых. Мия потянулась к стоку в полу арены – широкому желобу, из которого вытекала струя соленой воды – и

шагнула

в

тени

внутри него.

Из-за этого у нее закружилась голова и скрутило живот. Сверху до сих пор лился ослепительный солнечный свет. Тяжелая броня из черного железа и мокрые соколиные крылья тянули девушку вниз. Все еще держа Йоннена, Мия с глухим лязгом стукнулась о дно сточной трубы. У нее оставались считанные секунды, воздух в легких неумолимо заканчивался, да и планом не предусматривался брыкающийся ребенок.

Проплыв вместе с мальчишкой вдоль трубы, она нашла воздушный карман в напорном клапане, обещанный Эшлин. Мия вынырнула с порывистым вдохом и подняла брата над водой. Тот закашлялся, но продолжил кричать и тянуть руки к ее лицу.

– Отпусти меня, девка!

- Прекрати! – выдохнула Мия.
- *Отпусти!*
- Йоннен, пожалуйста, перестань!

Мия крепко обхватила мальчика, прижимая его руки к телу, чтобы он не мог размахивать кулаками. Его вопли эхом поднимались по трубе. Другой рукой она боролась с ремешками и креплением брони, снимая одну часть за другой. Сбрасывая кожу гладиатора, ассасина, дочери возмездия; соскребая эти восемь лет со своих костей. Все это того стоило. Все. Дуомо мертв. Скаева мертв. А Йоннен, ее родная кровь, малыш, который считался давно погребенным...

«Мой брат жив».

Мальчик бился, брыкался, кусался. Ни слезинки по зарезанному отцу, только раскаленная, мерцающая ярость. Мия думала, что ее брат давно умер, – что его поглотили недра Философского Камня, вместе с их матерью и последними ее надеждами. Но если где-то глубоко внутри Мию и точили сомнения, действительно ли он Корвере, действительно ли сын ее матери, то кровожадный гнев мальчика положил им конец.

- Йоннен, послушай меня!
- Меня зовут Люций! – перешел он на визг, и его голос отразился от железа.
- Люций так Люций, только выслушай меня!
- Нет! – рявкнул он. – Ты у-убила моего отца! *Убила* его!

В сердце Мии проклюнулась жалость, но она стиснула челюсти и не поддавалась ей.

– Мне жаль, Йоннен. Но твой отец... – Она покачала головой и глубоко вдохнула. – Слушай, нам нужно выбираться отсюда, пока на арене не начали сливать воду. По этой трубе поплывут штормовые драки, ты понимаешь?²

- Пусть! Надеюсь, они *сожрут* тебя!
- ...*О, он мне нравится...*
- ...*И почему меня это не удивляет?..*

Мальчик повернулся к темным очертаниям, возникшим на стене рядом. Вокруг них резко похолодало. На него смотрели своими не-глазами кот из теней и теневая волчица. Хвост Мистера Добряка вилял из стороны в сторону, пока он изучал ребенка. Эклипс просто наклонила голову, слегка подрагивая. Йоннен на секунду замолчал, взгляд его округлившись темных глаз метался от спутников Мии к схватившей его девушке.

- Ты тоже их слышишь... – выдохнул он.
- Я такая же, как ты, – Мия кивнула. – Мы одинаковые.

Мальчик уставился на нее, вероятно, тоже чувствуя тошноту, голод, *тоску*. Мия смотрела на него со слезами в глазах. Все те мили, все те годы...

– Ты не помнишь меня, – прошептала она дрожащим голосом. – Ты был младенцем, когда тебя забрали. Но я тебя помню.

На мгновение ее охватила буря эмоций. Слезы обжигали ресницы, а из горла вырвался всхлип. Она вспомнила о малыше в пеленках, лежавшем на кровати матери, когда убивали их отца. Смотревшем на нее своими круглыми темными глазками. Почувствовала зависть оттого, что он был слишком маленьким, чтобы осознать, что их отцу пришел конец, а вместе с ним – и всему миру.

«Но он не был отцом Йоннена, не так ли?»

² Из трех видов драков, которые водятся в итрейских водах, – белого, шашечного и штормового, – последний, безусловно, считается самым глупым. Эти звери едят практически все, что помещается в пасть, включая других штормовых драков и собственное потомство. Полный список странных вещей, обнаруженных в их брюхах, хранится в зоологическом архиве Железной Коллегии и включает в себя, в произвольном порядке, следующее: • Целые доспехи • Кожаную кушетку • Двухметровую пилу для лесоматериалов • Семейство (предположительно, страшно недовольное) дикобразов Из-за привычки поглощать все, что представляет хоть какой-то интерес, итрейские рыбаки дали им прозвище «морская канализация», поскольку, поймав и разрезав одного из них, вы, вероятно, обнаружите много разных диковин... В общем, да. Мысль вы уловили.

Мия помотала головой и сморгнула ненавистные слезы.

«О, мама, как же ты могла...»

Сейчас, глядя на мальчика, она едва могла говорить. Едва могла заставить себя разомкнуть челюсти, наполнить легкие воздухом, вытолкнуть губами слова, обжигавшие грудь. У него были такие же кремнево-черные глаза, такие же чернильные волосы, как у нее самой. Мия так отчетливо видела в нем их мать, будто смотрела на нее в зеркало. Но, помимо черт матери, в форме его маленького носа, в линии пухлых щек...

Она видела его.

Скаеву.

– Меня зовут Мия, – наконец выдавила она. – Я твоя сестра.

– У меня нет сестер, – сплюнул мальчишка.

– Йонн... – Мия вовремя осеклась. Облизнула губы и почувствовала на них соль. – Люций, нам нужно выбирать отсюда. Клянусь, я все тебе объясню. Но здесь опасно.

– ...*Все будет хорошо, дитя...*

– ...*Дыши спокойно...*

Мия наблюдала, как ее демоны соскальзывают в тень мальчика и пожирают его страх. Но если паника в глазах ребенка поутихла, ярость, напротив, разгорелась, и внезапно мышцы его маленьких рученок напряглись. Он снова начал извиваться и, освободив одну руку, потянулся к ее лицу.

– Отпусти меня!

Мия зашипела, когда он задел пальцем ее глаз, и с рычанием отвернулась.

– Прекрати! – рывкнула она, теряя терпение.

– Отпусти!

– Если сам не успокоишься, я тебя успокою!

Мия крепко прижимала брата к трубе, пока он пинался и плевался. Его ярость можно было понять, но, по правде говоря, сейчас было не до его уязвленных чувств. Мия свободной рукой отстегнула от нагрудника и наплечников оставшиеся кожаные ремешки, и доспехи упали на пол. Обувь, шипованная кожаная юбка и изношенная, запятнанная кровью туника остались на ней. Затем, закрепив по одному ремешку на запястьях и щиколотках мальчика, она связала своего брата, как свинью на убой.

– Отпусти м... *ффлгмм!*

Возражения Йоннена стихли, когда она заткнула ему рот еще одним ремешком. Мия взяла мальчика на руки и строго посмотрела ему в глаза.

– Нам придется плыть. На твоём месте я бы не стала тратить воздух на крики.

Его темные глаза, глядевшие на нее, сверкали ненавистью. Но, похоже, мальчишке хватило ума, чтобы прислушаться, и в конце концов он сделал глубокий вдох.

Мия нырнула вместе с ним на руках и поплыла так быстро, как только могла.

Спустя полчаса они вынырнули в сапфировом море под звон колоколов.

Крепко прижимая к себе Йоннена, Мия пересекла огромные резервуары под ареной по гулким и темным, защищенным от любого воздействия сливным трубам, переводя дыхание, когда появлялась возможность, и наконец выплыла в километре к северу от гавани Правой Руки. Несмотря на связанные руки, ноги и рот, всю дорогу Йоннен испепелял ее взглядом.

Мия чувствовала себя ужасно из-за того, что ей пришлось связать собственного брата словно ягненка, но она понятия не имела, как еще следовало с ним поступить. Вряд ли стоило оставлять мальчика на постаменте победителя рядом с хладными трупами его отца и Дуомо. Она бы ни за что его не оставила. Но, увы, при обсуждении плана с Эшлин и Меркурио никто не задавался вопросом, как справиться с девятилетним мальчишкой после того, как убьешь его отца прямо у ребенка на глазах.

Его отца.

Мысль маячила перед глазами – слишком мрачная и тяжелая, чтобы долго на нее смотреть. Мия отмахнулась от нее и сосредоточилась на том, чтобы выплыть на мелководье. Эш с Меркурио ждали ее на борту быстрой галеры под названием «Песнь Сирены», пришвартованной в Правой Руке. Чем скорее они уплывут из Годсгрейва, тем лучше. Слухи о смерти Скаевы разлетятся по метрополису, и вскоре Красная Церковь узнает, что их самый богатый и могущественный покровитель мертв. И тогда на голову Мии обрушится буря клинков и поток дерьма.

Подплывая к докам Правой Руки, она увидела, что на улицах метрополиса царит хаос. Над Городом мостов и костей раздавался погребальный звон, издаваемый колоколами всех соборов Годсгрейва. Из таверн и домов на дорогу высыпали ошеломленные, разгневанные, испуганные люди; новости об убийстве Скаевы расходились по городу, расплываясь, словно капли крови в воде. Повсюду сновали легионеры, их броня сверкала в лучах ужасных солнц.

Во всей этой суматохе вряд ли кто-то заметил мокрую и истекающую кровью рабыню, медленно плывшую к берегу с мальчишкой в руках. Осторожно пробираясь между гондолами и лодками, покачивающимися на причале Правой Руки, Мия добралась до тени под длинной деревянной набережной.

– Я спрячу нас ненадолго, – пробормотала она брату. – Ты ничего не увидишь, но ты должен быть храбрым.

В ответ она получила злобный взгляд из-под темных кудряшек. Мия вытянула руку и накинула на них с Йонненом плащ из теней. На это потребовалось много сил, учитывая яркий, палящий свет трех солнц. Но хотя ее спутники перешли к брату, тень под Мией была вдвое темнее, чем до смерти Фуриана. Ее хватка теперь казалась сильнее. Крепче. Надежнее.

Мия вспомнила видение, посетившее ее, когда она убила Непобедимого на глазах обожающей его толпы. Небо, но не яркое и ослепляющее, а крошечное-черное и усеянное звездами. И там, прямо над ее головой – бледный идеальный шар.

Как солнце, но... не совсем.

«Многие были одним. И станут снова».

По крайней мере, так сказал голос. Вторя посланию безочажного призрака с клинками из могильной кости, который спас ее шкуру в некрополе Галанте.

Мия не знала, что это значит. У нее никогда не было наставника, который объяснил бы, что такое быть даркином. Никогда не было ответов на вопросы о том, как с этим жить. Она ничего не знала. *Не могла* знать. Но зато она знала совершенно точно, так же, как свое имя, что с той минуты, как Фуриан погиб от ее руки, в ее жилах течет новая сила.

Каким-то образом она стала... кем-то *большим*.

Едва Мия натянула плащ из теней, мир расплылся чернотой, а они с братом превратились в акварельные пятна на холсте мира. Йоннен шурился в темноте, подозрительно поглядывая на сестру, но его трепыхания на время прекратились. Мия последовала указаниям Мистера Добряка и Эклипс и, придерживая Йоннена одной рукой, медленно поднялась по облепленной ракушками лестнице. Затем уселась в тени рыболовного судна и стала ждать: ноги скрещены, с одежды капает, руки крепко держат брата.

Мистер Добряк возник у ног Йоннена; он облизывал полупрозрачную лапу. Эклипс отделилась от тени мальчика. Она мелькала черными очертаниями на фоне корпуса судна.

– ...*Я скоро вернусь*... – прорычала не-волчица.

– ...*Нам будет тебя не хватать*... – промурлыкал не-кот.

– ...*Как тебе языка, когда я вырву его из твоей пасти?*..

– Перестаньте, – прошипела Мия. – Поторопись, Эклипс.

– ...*Как угодно*...

Тенистая волчица подернулась рябью и исчезла. Ее легкая тень просочилась сквозь щели между досками набережной и поползла вверх по стене гавани.

– ...*Ненавижу эту дворняжку*... – вздохнул Мистер Добряк.

– Ага, ты уже говорил, – буркнула Мия. – Примерно тысячу раз.

– ...*Да ну, наверняка больше?*..

Хотя она смертельно устала, ее губы невольно расплылись в улыбке.

Мистер Добряк продолжил свое бессмысленное омовение, а Мия в течение долгих минут сидела неподвижно, прижимая к себе брата. Ее мышцы горели, соль, оставшаяся на коже, пощипывала царапины, сверху жарили солнца. Она была измождена, избита; раны, нанесенные ей во время испытаний на арене, кровоточили. Адреналин, игравший в крови от чувства триумфа после победы, постепенно улетучивался, оставляя после себя пронизывающую до костей усталость. Чуть ранее этой переменной Мия сразилась в двух важных битвах, спасла друзей-гладиаторов из Коллегии Рема от рабства, зарезала несколько десятков людей, включая Дуомо и Скаеву, победила в величайшем состязании в истории республики и осуществила все свои планы.

Но вместо ликования сердце медленно заполняла пустота. Она чувствовала слабость, от которой дрожали руки. Ей хотелось лечь в мягкую кровать, выкурить сигариллу и слизнуть золотого вина Албари с губ Эшлин. Слиться с ней телами, а потом спать тысячу лет. Но, что важнее, глядя на своего брата, она поняла, что помимо всего этого – помимо тоски, усталости и боли, – она испытывает...

Голод.

Похожий на тот, что она испытывала в присутствии лорда Кассия и Фуриана. Мия ощутила это еще тогда, когда впервые увидела мальчика на плечах отца, стоявшего на постаменте победителя. И ощущала, глядя на него сейчас, – мучительное желание найти последний элемент головоломки.

«Но что это значит? – гадала она. – И чувствует ли это Йоннен?»

– ...*У меня дурное предчувствие, Мия*...

Шепот Мистера Добряка заставил ее оторвать взгляд от затылка брата. Тенистый кот перестал притворяться, что вылизывает лапу, и смотрел на Город мостов и костей из тени Йоннена.

– Чего бояться? – пробормотала она. – Дело сделано. И, если подумать, все прошло удачно. Так что выше сиськи.

– ...*Какая разница, в каком направлении смотрит твоя грудь?*..

– Говорит тот, у кого ее никогда не было.

Мистер Добряк покосился на мальчика, чью тень временно оседлал.

– ...*Похоже, у тебя непредвиденный багаж*...

Йоннен пробубнил что-то неразборчивое под кляпом. Мия несколько не сомневалась, что его комментарий был отнюдь не лестным, но не отвела взгляда от не-кота.

– Ты слишком беспокоишься.

– ...*А ты – недостаточно*...

– И кто в этом виноват? Это *ты* поглощаешь мои страхи.

Демон наклонил голову, но ничего не сказал. Мия молча ждала, глядя на город из-под завесы теней. Плащ приглушал шум столицы, все ее краски превратились в грязно-белые и терракотовые пятна. Но девушка по-прежнему слышала звон колоколов, топот ног, испуганные крики вдалеке.

«Консул и кардинал убиты!»

«Ассасин! Ассасин!»

Мия взглянула на Йоннена и, увидев в глазах мальчика неприкрытую злобу, услышала его мысли так же четко, как если бы он произнес их вслух.

«Ты убила моего отца».

– Он отправил нашу мать в тюрьму, Йоннен, – сказала Мия. – Обрек ее на мучительную смерть в Философском Камне. Он убил *моего* отца и сотню других в придачу. Разве ты не помнишь, как он швырнул тебя, тогда, на постаменте победителя, чтобы спасти собственную жалкую шкуру? – Она покачала головой и вздохнула. – Прости. Знаю, это тяжело понять. Но Юлий Скаева был чудовищем.

Внезапно мальчик неистово задергался и ударил ее лбом в подбородок. Мия прикусила язык, выругалась и крепко схватила брата, взявшегося за старое. Он теребил намокшие ремни, перетянув себе кожу в попытках освободиться. Но при всей своей ярости он был всего лишь девятилетним ребенком. Мия просто держала брата, пока у того не иссякли силы. Его приглушенные крики смолкли, и наконец он обмяк с тихим злобным всхлипом.

Сглотнув кровь, Мия просто обняла брата.

– Однажды ты поймешь, – пробормотала она. – Я люблю тебя, Йоннен.

Он снова взбрыкнул, но потом замер. В наступившей неловкой тишине Мия почувствовала, как по спине побежал холодок. На коже выступили мурашки, ее тень потемнела, а из досок под ногами раздался низкий рык.

– ...*Их там нет*... – объявила Эклипс.

Мия часто заморгала, желудок скрутило. Щурясь от яркого света, она посмотрела на темное пятно «Песни Сирены», легонько покачивающееся в паре причалов от них.

– Ты уверена?

– ...*Я осмотрела корабль от носа до кормы. Меркурио и Эшлин нет на борту*...

Мия с трудом сглотнула вязкую от соли слюну. По плану ее бывший наставник и Эш должны были встретиться в часовне Годсгрейва, собрать вещи и направиться к гавани, чтобы ждать Мию на судне. Учитывая, сколько у нее ушло времени на то, чтобы пересечь вплавь арену, выбраться в море и затем на сушу...

– Они должны быть уже здесь, – прошептала она.

– ...*Ш-ш-ш-ш*... – раздалось у ее ног. – ...*Слышишь это?*..

– Что?

– ...*Похоже на звук... обвисающих сисек?*..

Мия насупилась и откинула влажные волосы на плечо. Ее сердцебиение ускорилося, мысли завертелись. Меркурио и Эш никак не могли опоздать... не когда на кону все их жизни.

– С ними что-то произошло.

– ...*Я могу обыскать часовню и вернуться с новостями*...

– Нет. Если она... Если они... – Мия закусила губу и, несмотря на усталость, поднялась на ноги. – Мы пойдем вместе.

– ...*Даже наш новый багаж прихватишь?*..

– Мы не можем просто бросить его, Мистер Добряк, – огрызнулась Мия. Не-кот вздохнул.

– ...*А сиськи продолжают стремительно опускаться*...

Мия посмотрела на своего брата. Похоже, что угрюмый, дрожащий и притихший мальчик на время смирился с поражением. Он весь промок, в темных глазах все еще сверкала злоба. Но, по крайней мере, с Мистером Добряком в своей тени он не испытывал страха. Поэтому Мия подняла Йоннена и, скривившись, закинула на плечо. Он был тяжелым, как мешок с кирпичами, костлявые локти и коленки упирались ей в самые не подходящие места. Но после месяцев тренировок в Коллегии Рема Мия стала крепкой, как гвозди, и, несмотря на раны, не сомневалась, что сможет нести его какое-то время. Медленно двигаясь под плащом из теней и прислушиваясь к тихому плеску воды под ногами, их сомнительный квартет направился по причалу к людной набережной, Мия, следуя за шепотом своих спутников, крадучись миновала патрули легионеров и люминатов и выскользнула из гавани на улицы города. Мышцы ныли, протестуя против веса брата на плече. Она шла по лабиринту глухих переулков Годсгрейва, пульс стучал в жилах; внутри все похолодело, желудок скрутило. Эклипс шагала впереди. Мистер Добряк

по-прежнему не покидал тень Йоннена. Лишившись поддержки спутников, Мия вынуждена была сама бороться с пугающими мыслями о том, что же могло задержать Меркурио с Эш.

«Люминаты? Духовенство?

Что могло пойти не так?

Богиня, если из-за меня с ними что-то случилось...»

Осторожно продвигаясь по узким улочкам и маленьким мостикам через каналы, группа наконец добралась до ограды из кованого железа, опоясывавшей городской некрополь. Мия почти бесшумно ступила на гравий и вытянула перед собой руку, двигаясь наощупь. Шепот Эклипс, едва различимый из-за звона соборных колоколов, повел ее через витые ворота в дом мертвых, вдоль рядов величественных мавзолеев и замшелых могил. В заросшем сорняками углу старой части некрополя находилась дверь с рельефно вырезанными человеческими черепами. За ней открывался выход к кладбищу.

Наконец можно было укрыться от лучей нещадных солнц – как манны небесной ждала она этой минуты. Пот пощипывал раны. Откинув плащ из теней, Мия спустила Йоннена с плеча. Может, он и маленький, но, Богиня тому свидетель, легким его не назовешь. Ноги и спина Мии чуть не расплакались от облегчения, когда она поставила мальчика на пол часовни.

– Я развяжу тебе ноги, – сказала Мия. – Но если попытаешься сбежать – свяжу их еще крепче.

Мальчик не издал ни звука, просто наблюдал, как она присаживается и расстегивает ремешок на его щиколотках. Мия видела недоверие в его черных глазах, неослабевающий гнев, но он не пытался удрать. Прodeв ремень через путы на его запястьях, Мия встала и потянула брата за собой, как вредного пса на мокром поводке.

Она тихо шла по извилистым туннелям, составленным из бедренных костей и ребер – останков обездоленных и безымянных, слишком бедных, чтобы позволить себе собственные могилы. Нажав на скрытый в стене рычаг, Мия отворила потайную дверь за горсткой пыльных костей и наконец скользнула в часовню Красной Церкви.

Теперь Мия кралась по лабиринту коридоров из скелетов давно усопших людей. Йоннен, плетущийся сзади, смотрел на кости круглыми глазами. Оказавшись в окружении мертвых, мальчик мог бы впасть в панику, но в его тени прятался Мистер Добряк, ослабляя страхи, пока они забирались все дальше в часовню.

В коридорах было темно.

Тихо.

Пусто.

Неправильно.

Мия почти сразу это почувствовала. Учужа в воздухе. Слабый запах крови был привычен в часовне Леди Священного Убийства, но не следы воню от бомбы и паленого пергамента.

В часовне было слишком тихо, воздух казался слишком неподвижным.

Подозрительность всегда была ее жизненным кредо, так что Мия притянула Йоннена ближе к себе и накинула им на плечи плащ из теней, пробираясь дальше почти вслепую. Дыхание мальчика казалось слишком громким в этой гробовой тишине, руки Мии, державшие поводок, стали влажными от пота. Она прислушивалась к малейшему звуку, но часовня казалась заброшенной.

Мия остановилась в устланном костями коридоре, и волосы на ее шее встали дыбом. Она поняла все даже до того, как услышала предупреждение Эклипс:

– ...*Сзади*...

Из тьмы, сверкая серебром, со скоростью молнии вылетел потемневший от яда клинок. Мия успела уклониться, ее влажные черные волосы взметнулись, спина выгнулась идеальной дугой. Клинок пролетел в миллиметре от ее подбородка. Свободной рукой девушка уперлась в пол и, оттолкнувшись, выпрямилась с колотящимся сердцем.

Все мысли сбились в кучку. Мия в недоумении нахмурила лоб. Да, под плащом из теней она была почти слепа, но весь мир должен быть так же слеп к ней.

Слеп.

«О Богиня».

Из мрака бесшумно выступил коренастый силуэт. Кожаное серое облачение натянулось на широких плечах. На поясе висели вечно пустые ножны с тиснением в форме концентрических колец, напоминавших глаза. На предплечье виднелись тридцать шесть шрамов – по одному за каждую жизнь, которую он забрал во имя Красной Церкви. Его глаза были, как прежде, молочно-белыми, но Мия заметила, что у него напрочь отсутствуют еще и брови. Некогда светлый пушок на голове стал черным, словно его опалили, а четыре острые иглы, в которые была заплетена борода, превратились в обугленные обрубки.

– Солис.

Его лицо было окутано тенями, слепые глаза смотрели в потолок. Он вытащил из-за спины два коротких обоюдоострых меча, окрашенных ядом. И, хотя Мия была не видна под плащом, он произнес, повернувшись к ней:

– Лживая ебаная сучка.

Мия потянулась к клинку из могильной кости. С бьющимся сердцем осознала, что оставила его в груди Скаевы. И прошептала:

– Вот дерьмо.

Глава 2. Кладбище

Подняв мечи, Достопочтенный Отец Красной Церкви перешел в наступление.

– Я все гадал, хватит ли тебе глупости вернуться сюда, – процедил он.

Мия крепче ухватила потными ладонями поводок брата. Почувствовав какое-то движение, оглянулась и увидела стройного юношу с пронзительно голубыми глазами, выходящего из теней некрополя. Мертвенно-бледного, в обугленном черном камзоле. В его руках сверкнули два острых клинка с почерневшими от яда лезвиями.

Тишь.

– Ну? – протянул Солис. – Тебе нечего сказать, шавка?

Мия хранила молчание, гадая, как Солис определил ее местонахождение, если она была укрыта плащом из теней. Может быть, по звуку? По запаху пота и крови? Так или иначе, она была измождена, безоружна и ранена – в общем, не в том состоянии, чтобы драться. Почувствовав ее страх, растекавшийся холодом в животе, Мистер Добряк скользнул из тени мальчика в ее собственную, чтобы подавить его. Но как только демон сбежал из тьмы у ног мальчика, малыш Йоннен со всей силы пнул Мию по голени и выдернул поводок из ее потных ладоней.

– Йоннен! – вскрикнула она.

Мальчишка развернулся и побежал. Мия потянулась за ним, чтобы поймать. А Солис просто замахнулся мечами, опустил голову и кинулся в атаку.

Мия качнулась в сторону, и клинки шахида со свистом пролетели совсем рядом с ее щекой. Сзади подбирался Тишь. Быстро повернувшись, она откинула плащ и опутала ноги юноши его собственной тенью. Он споткнулся и упал, а Мия нырнула под очередной решительный удар Солиса. Глянув в сторону сырого темного коридор позади шахида, Мия увидела, как Йоннен бежит туда, откуда они пришли. И, крепко сжав челюсти,

шагнула
во мрак
за спиной Солиса

и кинулась в погоню за братом.

– Йоннен, стой!

Эклипс рыкнула в знак предостережения, и, повернувшись, Мия увидела, как из черноты вылетает один из коротких мечей Солиса. Он вонзился в череп какого-то давно скончавшегося человека как раз в тот момент, когда она добежала до крутого поворота. Мия вытащила левой рукой меч и помчалась дальше.

Йоннена, улепетывающего на своих пока еще коротких ножках, было легко догнать. Оглянувшись на бегущую за ним Мию, он прибавил скорость. Его руки были по-прежнему связаны, но мальчишке удалось вытащить кляп изо рта, поэтому, когда Мия подхватила его под мышку, он истошно завопил, яростно извиваясь:

– Отпусти меня, девка!

– Йоннен, не дергайся! – прошипела она.

– *Отпусти!*

– ...*Он по-прежнему тебе нравится?..* – прошептал Мистер Добряк из тени Мии.

– ...*С каждой секундой все меньше и меньше...* – ответила Эклипс, выбегая вперед.

– ...*Ну, теперь ты понимаешь, что я чувствую по отношению к тебе...*

– Заткнитесь оба! – пропыхтела Мия.

Она оттолкнулась от костяной стены и завернула за очередной угол. Солис и Тишь следовали за ней по пятам. Распахнув дверь гробницы, Мия взлетела по крошащимся ступенькам и

вновь оказалась под нестерпимым светом трех палящих солнц. Хотя Мистер Добряк пожирал ее страх, сердце Мии билось так сильно, что грозило выскочить из груди.

Мия, всю перемену боровшаяся за жизнь, сейчас была не готова вступить в бой с хорошо вооруженным Клинком Красной Церкви, не говоря уже о бывшем шахиде песен. Несмотря на опаленные брови, Солис с мечом был одним из самых опасных мужчин на свете. Когда они сцепились в схватке в прошлый раз, он отрубил ей руку до локтя. Тишь тоже был не промах, и, какая бы между ними ни возникла связь в перемены обучения, похоже, она испарилась без следа. В его глазах Мия была предательницей Красной Церкви, достойной лишь медленной и очень болезненной смерти.

Она оказалась в меньшинстве. А в ее нынешнем состоянии – еще и крайне уязвимой.

«Как, ради бездны, Солис меня видит?»

Мия перешагнула через тени и начала двигаться, чтобы выиграть себе хоть немного времени, но под тремя солнцами, горевшими в небе, изможденная после грандиозных игр девушка смогла преодолеть всего пару метров. Зацепившись ногой за надгробие, она едва не упала. Можно было бы снова надеть плащ из теней, но Солис, похоже, был способен найти ее и под плащом. И, по правде говоря, она слишком устала, чтобы суметь справиться со всем этим – с брыкающимся мальчишкой в руках, с отчаянной погоней, со следовавшими за ней по пятам убийцами. Мия обезумевшими глазами искала путь к отступлению.

Девушка запрыгнула на низкую мраморную гробницу и перелезла через кованую ограду некрополя. Неудачно приземлившись, ахнула, вновь чуть не растянувшись на земле. Теперь Мия находилась на территории часовни Аа, построенной прямо посреди дома мертвых. За церковным двором виднелась широкая мощеная дорога, по которой разгуливали местные жители. Улицу обрамляли высокие дома с цветами на подоконниках. Сама часовня была сделана из известняка и стекла, три солнца на колокольне отражали три солнца в небе.

Черная Мать, они были такими яркими, такими жгучими, такими...

– ...Мия, берегись!..

Из руки Тиши вылетел кинжал и со свистом помчался к ней. Мия вскрикнула и отпрыгнула, клинок перерезал прядь ее длинных темных волос, пролетев так близко к щеке со шрамом, что она учуяла запах яда на лезвии. Это «перекос» – быстро действующее парализующее средство. Одна царапинка – и Мия будет беспомощна, как младенец.

«Я нужна им живой», – осознала она.

– Освободи меня, негодяйка! – крикнул ее брат, вновь забрыкавшись.

– Йоннен, пожалуйста...

– Меня зовут Люций!

Мальчишка извивался и бился локтями, по-прежнему пытаясь вырваться из ее хватки. Ему удалось выпростать руку из мокрого кожаного ремня, и он бросил ремешок прямо в лицо Мие. И тогда, словно в небе внезапно погасли солнца, весь мир почернел.

Мия оступилась в мгновенно окутавшей ее темноте. Она зацепилась сандалией за обломок разрушенной каменной плиты, и ноги девушки подкосились. Падая на землю, она расплапала до крови ладони и колени. Зашипев от боли, Мия стиснула зубы. Йоннен со вскриком покатился по гравию и отнюдь не грациозно распластался на траве.

Секундой позже мальчишка поднялся с земли. Мальчишка, которого она считала давно погибшим. Мальчишка, который должен был ненавидеть мужчину, из чьих цепких рук его выхватили.

– Убийца! – завопил он. – *Убийца здесь!*

А затем со всех ног ринулся на улицу.

Мия часто заморгала и помотала головой. Она слышала удаляющиеся крики Йоннена, но ничего не видела. И тут она внезапно осознала – каким-то образом брат закрыл ей глаза тенями и тем самым полностью ослепил. Такому фокусу она никогда не училась, даже не пыталась,

и Мия непременно бы оценила по достоинству изобретательность мальчика, если бы он не оказался таким проблемным маленьким засранцем.

Но она могла управлять тенями не хуже Йоннена, а смерть уже наступала ей на пятки. Мия согнула пальцы и сорвала тьму с глаз как раз в ту секунду, когда Достопочтенный Отец и его молчаливый приспешник перепрыгнули через железную ограду и приземлились в церковном дворе прямо позади нее.

Мия рывком поднялась и часто заморгала от яркого света. Руки будто налились свинцом. Ноги дрожали. Повернувшись к Солису с Тишью, она едва смогла поднять украденный меч. Ее тень извивалась вокруг высоких кожаных сандалий, пока два ассасина подступали к ней с разных сторон.

– Позовите стражу! – кричал Йоннен с улицы. – *Убийца!*

Горожане удивленно пялились на него, не понимая, из-за чего переполох. Из дверей часовни вышел священник Аа в торжественном облачении. Группа итрейских легионеров, стоявших в конце квартала, обернулась на крики мальчика. Но Мие все это было не важно.

Солис замахнулся, целясь ей в шею. Его меч превратился в расплывчатое пятно. Подпитываясь новообретенной темной силой, Мия в отчаянии вытянула руку и, прежде чем шахид успел до нее добраться, запутала ему ноги шахида в его собственной тени. Солис раздраженно зарычал, его удар так и не попал в цель. Тишь метнул еще один нож, и Мия со вскриком отбила его на лету украденным мечом, вызвав бурю искр. Затем набросилась на молчаливого юношу, намереваясь уравновесить чаши весов, пока Солис не вырвался из хватки теней.

Тишь достал рапиру из-за пояса и скрестил с Мией сталь. За время обучения в залах Тихой горы Мие удалось немного разговорить собрата-аколита. Она узнала, откуда он, кем был до того, как присоединился к Церкви, почему всегда молчит. Нет, молчит он совсем не потому, что ему не хватает знания языка, – просто в детстве владельцы дома удовольствий, взявшие Тишь в рабство, выбили ему все зубы, чтобы он мог лучше обслуживать клиентов.

Мия училась владению мечом с десяти лет. В то время Тишь еще ползал на четвереньках по шелковым простыням. Правда, оба тренировались у Солиса, и юноша в период обучения показал себя отнюдь не новичком с мечом в руках. Но последние девять месяцев Мия изучала искусство гладиатских боев под кнутом Аркада, Алого Льва Итреи, – одного из величайших воинов среди ныне живущих. И хоть она устала, истекала кровью, и все ее тело ныло от побоев, мышцы Мии были крепкими, руки – огрубевшими от мозолей, движения – отточенными бесконечными часами тренировок под жаркими солнцами.

– Стража! – не прекращал кричать Йоннен. – Она *тут!*

Мия сделала низкий выпад, ее меч со свистом рассек воздух, и Тишь отступил, двигаясь с грацией танцора и сверкая голубыми глазами. Мия подняла клинок, делая вид, что собирается нанести новый удар, но затем ловко поддела сандалией грязь – старый гладиатский трюк – и пнула горсть прямо в лицо противнику.

Тишь попытался, а меч Мии прочертил линию на его груди, остановившись всего в паре сантиметров от ребер. Края рассеченного камзола юноши и плоть под одеянием разошлись в разные стороны, словно разделенные струей воды, но Тишь все равно не издал ни звука. Покачнувшись, он прижал руку к ране, и Мия замахнулась для смертельного удара.

– ...*Мия!*..

Она обернулась и, ахнув, едва успела парировать удар, который мог бы разрубить ей череп пополам. Солис разулся, оставив ботинки в щупальцах собственной тени, и бросился в атаку босиком. От столкновения с дородным мужчиной Мия отлетела в сторону и разодрала о камни бедра и зад при приземлении. Перекатившись и грязно выругавшись, она вскочила, чтобы отбить град ударов в голову, шею, грудь, в отчаянии пытаясь сделать ответный выпад. Ее одежда пропиталась потом, длинные черные волосы липли к коже. Мистер Добряк и Эклипс работали изо всех сил, поглощая ее страх.

– Стража!

На сей раз Мия боролась не с новобранцем Церкви, вот уж нет. Ее противником был самый опасный мечник во всей конгрегации. Тут не помогут дешевые трюки, выученные на арене. Только навыки. И сталь. И непреклонная, кровавая воля.

Мия сделала выпад, их мечи со звоном скрестились, сверкая под яркими солнцами. Незрячие глаза Солиса прищуренно смотрели в пустоту над ее левым плечом. Но мужчина двигался так, будто видел каждое ее движение за версту. Заставлял ее отступать. Осыпал ударами. Выматывал.

У ворот часовни уже собралась толпа зевак, слетевшихся на крики Йоннена, как мухи. Мальчишка стоял посреди дороги и махал группе легионеров, которые даже в такой момент не бежали, а шли строгим маршем. Мия устала, ослабла и все еще сражалась в одиночку – она сможет продержаться лишь несколько мгновений, прежде чем ее положение станет окончательно дерьмовым.

– Где Эшлин и Меркурио? – резко спросила она.

Клинок Солиса едва не задел ее подбородок, и мужчина улыбнулся.

– Если хочешь увидеть своего бывшего наставника живым, девочка, то лучше тебе бросить меч и пойти со мной.

Мия прищурилась и резанула его по коленям.

– Не смей называть меня «девочкой», убудок, оно звучит так, словно это синоним слова «дерьмо»!

Солис рассмеялся и нанес еще один удар, чуть не отрубив Мие голову. Она увернулась, на глаза упала мокрая от пота челка.

– Может, ты слышишь только то, что хочешь услышать, девочка?

– Ага, смейся-смейся, – пропыхтела Мия. – Но что ты будешь делать без своего любимого Скаевы? И когда другие покровители Церкви узнают, что спаситель гребаной республики пал от руки одного из ваших Клинков?

Шахид наклонил голову вбок, и от его широкой улыбки сердце Мии замерло в груди.

– Разве?

– Стоять! Именем Света!

Легионеры ворвались в ворота часовни – в блестящей броне и с кроваво-алым плюмажем на шлемах. Тишь стоял на коленях, яд с украденного меча Мии почти полностью его обездвижил. Мия и Солис замерли с поднятыми клинками, а легионеры быстро рассредоточились по дворику. Главный центурион был плотно сбитым крепышом, напоминавшим мешок кирпичей; под сверкающим шлемом щетинились его густые брови и борода.

– Граждане, опустите оружие! – рявкнул он.

Мия глянула на центуриона, на его отряд, арбалеты, нацеленные ей прямо в грудь. Йоннен протолкнулся сквозь строй солдат, указал на нее пальцем и заорал что есть мочи:

– Это она! Убейте ее, сейчас же!

– Отойди, мальчик! – цыкнул главный.

Йоннен окинул его хмурым взглядом и выпятил грудь, выпрямившись во весь рост.³

– Я – Люций Аттикус Скаева, – сплюнул он. – Первенец консула Юлия Максимилиана Скаевы. Эта *рабыня* убила моего отца, и я *приказываю* вам убить ее!

Солис слегка наклонил голову, словно впервые обратил внимание на мальчишку. Центурион вскинул бровь, разглядывая маленького выскочку с головы до пят. Несмотря на потрепанный вид мальчишки, грязь на его лице и мокрую мантию, невозможно было не заметить, что одежда ребенка ярко-фиолетового цвета – цвета итрейской знати. А нашивка на груди – герб люминатов с тремя солнцами.

³ Сто тридцать сантиметров.

– *Убейте ее!* – взревел мальчик, топая ногой.

Арбалетчики крепче схватились за спусковой механизм. Центурион перевел взгляд на Мию и набрал в легкие побольше воздуха, чтобы отдать приказ.

– Оп...

Внезапно всех обдало холодом – легионеров, ассасинов, толпу, собравшуюся на улице. Несмотря на удушающую жару, на голой коже Мии выступили мурашки. Позади солдат выросла знакомая фигура в мантии с капюшоном и мечами из могильной кости, зажатыми в чернильно-черных руках. Мия мгновенно его узнала: существо, спасшее ей жизнь в некрополе Галанте. Существо, которое передало ей загадочное послание.

«НАЙДИ КОРОНУ ЛУНЫ».

Его лицо было скрыто капюшоном. Дыхание Мии срывалось с губ белыми облачками, и, несмотря на зной, девушку била дрожь.

Не произнеся ни слова, существо ударило ближайшего солдата мечом из могильной кости, с легкостью пронзив нагрудник. Другие легионеры закричали в знак предупреждения об опасности и нацелили арбалеты на противника. Когда тот замахнулся сверкающими клинками, они выстрелили. Арбалетные болты попали в цель, вонзившись в грудь и живот существа. Но это его не остановило. Толпу на улице охватила паника, а существо продолжало кружить среди солдат, разрезая их на кровавые куски, заливая все вокруг алым.

Невзирая на усталость, Мия проворно схватила отбивающегося брата за шкуру. Солис бежал к ней по сломанным плитам, и она выставила меч, чтобы блокировать удар. Выпады шахида были смертельно быстрыми и безупречными. Как Мия ни старалась, какой ловкой ни была, один удар прорвал ее оборону и пришелся по плечу.

Ассасин отшатнулась и с криком выронила украденный клинок. Уже через пару секунд почувствовала яд в своих жилах и обездвиживающий холод, который распространялся от раны по всей руке. Закряхтев от усердия, Мия вскинула другую руку и снова запутала ноги Солиса в его тени, прежде чем рухнуть на спину. Она по-прежнему крепко прижимала к груди брата. Шахид покачнулся и выругался, силясь освободить босые ноги из ее хватки. На камнях между ними возникли Мистер Добряк и Эклипс, теневой кот шипел и выгибался, от рыка теневой волчицы завибрировала земля.

– ...*Назад, ублюдок...*

– ...*Не смей прикасаться к ней...*

Загадочное существо завершило свою мрачную работу. Теперь церковный дворик напоминал пол скотобойни, усеянный ошметками легионеров. Все зеваки испуганно разбежались. Капая кровью с могильных костей, незнакомец прошел по плитам и встал над лежавшей девушкой, наставив меч на горло Солиса. Несмотря на трех созданий из тени, выстроившихся перед ним, Достопочтенный Отец Красной Церкви оставался невозмутимым. Его губы изогнулись, обнажая два ряда зубов, в воздухе повисло белое облачко его дыхания.

Первым заговорило загадочное существо, в его голосе слышался странный отзвук.

– *МАТЬ РАЗОЧАРОВАНА В ТЕБЕ, СОЛИС.*

– Кто ты, демон? – потребовал ответа тот.

– *ТЫ И ВПРАВДУ СЛЕП. НО КОГДА ТЬМА ВЗОЙДЕТ, ТЫ УВИДИШЬ.*

Существо присело рядом с Мией. Ее правая рука немела, голова опускалась все ниже и ниже, но она все равно мертвой хваткой цеплялась за брата. После стольких лет, крови и миль... да будь она проклята, если пройдя этот путь и узнав, что он жив, она потеряет его вновь. Йоннен же будто оцепенел от страха, замерев с той минуты, когда этот странный призрак развязал свою кровавую бойню.

Существо протянуло руку – черную и блестящую, словно ее только что окунули в свежую краску. Когда оно коснулось раненого плеча, Мия испытала укол боли, ледяной и черной,

достигшей самого сердца. Она зашипела, а земля под ней будто разверзлась, и весь мир закружился в морозном вихре.

Она чувствовала печаль. Боль. Бесконечный холод одиночества.

Чувствовала, что падает.

А затем больше ничего не чувствовала.

Глава 3. Уголек

Меркурио очнулся во тьме.

Голова трещала, как после трехдневного запоя, но недавних дебошей он не припоминал. Челюсти ныли, на языке ощущался привкус крови. Постанывая и прижимая руку ко лбу, он медленно сел в кровати, застеленной мягким серым меховым одеялом. Он понятия не имел, где находится, но что-то... возможно, аромат в воздухе... напомнило ему о молодости.

– Здравствуй, Меркурио.

Повернувшись влево, он увидел пожилую женщину у своей кровати. Она выглядела его ровесницей, длинные седые волосы были заплетены в аккуратные косы. На ней была темно-серая мантия, вокруг холодных голубых глаз ветвились глубокие морщины. На первый взгляд могло показаться, что такой женщине место в кресле-качалке у теплого очага, со старым котом на коленях и толпой внуков вокруг. Но Меркурио-то знал.

– И тебе здравствуй, кровожадная старая манда.

Друзилла, Леди Клинков, улыбнулась в ответ.

– Ты всегда был острым на язык, мой друг.

Женщина подняла горячую чашку чая с блюдца, стоявшего у нее на коленях, и медленно отпила. Ее взгляд не отрывался от Меркурио, пока он осматривал спальню и, вдохнув поглубже, наконец понял, где находится. В темном и прохладном воздухе звучало эхо невидимого хора. Меркурио чувствовал запах свечей и благовоний, стали и дыма. Вспомнил, как его схватило Духовенство в часовне Годсгрейва. Царапину от отравленного клинка в руке Паукोगубицы. И догадался, что привкус на его языке – это свиная кровь.

«Они забрали меня в гору».

– Вижу, ты почти не поменяла интерьеры, – вздохнул он.

– Ты же знаешь, расточительность – это не про меня.

– Когда я лежал в этой кровати последний раз, то сказал, что это *точно* больше не повторится. Но если бы я знал, что ты так жаждешь повторного представления...

– О, умоляю, – фыркнула Друзилла. – В твоем возрасте потребуется полиспасть, чтобы поднять его. А твое сердце едва выдерживало, даже когда нам было по двадцать.

Меркурио невольно улыбнулся.

– Рад видеть тебя, Зилла.

– Хотела бы я сказать то же самое, – Леди Клинков покачала головой и вздохнула. – Безмозглый старый дурак.

– Ты правда притащила меня в Тихую гору, чтобы почитать нотации? – Меркурио потянулся к плащу за сигариллами и не обнаружил ни того, ни другого. – Могла бы просто отгрызть мне яйца в Годсгрейве.

– О чем ты только думал? – требовательно спросила Друзилла, отставляя чашку с чаем. – Помогая этой идиотке с ее идиотскими затеями? Ты хоть понимаешь, что натворил?

– Я тебе не салага, Зилла.

– Нет, ты епископ Годсгрейва! – Женщина встала и принялась рассказывать вдоль кровати, сверкая глазами. – Годы верного служения. Присяга Темной Матери. Но ты все равно помог Клинку Церкви нарушить Красную клятву и убить одного из наших покровителей!⁴

⁴ Как вы, наверное, помните, дорогие друзья, даже смертоносные ублюдки Красной Церкви руководствуются своеобразным кодексом, известным как Красная клятва. Его пять правил таковы: • **Неизбежность** – ни одно жертвоприношение, принятое Церковью, не остается незавершенным. • **Неприкосновенность** – нынешний заказчик Церкви не может быть выбран ее целью. • **Конфиденциальность** – Церковь не раскрывает личности своих заказчиков. • **Верность** – Клинок обязан служить временно только одному заказчику. • **Иерархия** – все подношения должны быть одобрены Лордом/Леди Клинков или Достопочтенным Отцом/Матерью. Стоит отметить, что с момента ее принятия Красная клятва ни разу не нарушалась церковным

– Богиня, только не надо строить из себя несчастную последовательницу, – прорычал Меркурио. – Ваш гадюшник желал смерти Дуомо – это и дураку ясно. Все вы годами лезли в постель к Скаеве. Лорд Кассий знал? Или вы сговорились за его спиной?

– Тебе ли причитать о сговорах, милый.

– Зилла, как, по-твоему,отреагирует вся конгрегация? Если узнает, что Духовенство добровольно прогнулось и раздвинуло булки перед нашим любимым народным сенатором? Что десницы Наи на этой земле стали ручными песиками гребаного тирана?

– Мне стоило бы *убить* тебя за это предательство, – процедила Друзилла.

– Однако не могу не заметить, что я до сих пор жив. – Старик заглянул под одеяло. – И без трусов. Уверена, что я здесь не для повтора на бис? За это время я научился паре новых трюков...

Леди Клинков швырнула в голову Меркурио серую робу.

– Ты здесь, чтобы служить червяком, коим и являешься.

– ...Наживкой? – он покачал головой. – Ты действительно считаешь ее настолько глупой, чтобы прийти за мной? После всего, через что она прошла, после всего, что она...

– Я знаю Мию Корвере, – рявкнула Друзилла. – Эта девушка пожертвовала последним шансом на нормальную жизнь и личное счастье, чтобы отомстить за родителей. Продала себя в рабство, чтобы осуществить план, который даже чокнутый посчитал бы безумным, ради единственной возможности убить тех, кто уничтожил ее семью. Она бесстрашна. Безрассудна до невозможного. Если я что и узнала о твоём вороненке, так это вот что: эта девушка ради семьи пойдет на всё. *На всё*.

Леди Клинков склонилась над кроватью и посмотрела в глаза старика.

– А ты, дорогой Меркурио, для нее больше отец, чем ее настоящий отец *когда-либо* им был.

Он посмотрел на нее в ответ и ничего не сказал. Сглотнул желчь, наполнившую рот. Друзилла просто улыбнулась и подалась немного ближе. Меркурио по-прежнему видел красоту под шрамами времени. Помнил их последнюю неночь, проведенную в этой спальне много-много лет назад. Пот, кровь и сладкий, сладкий яд.

– Можешь гулять по горе сколько угодно. Уверена, ты помнишь, где что находится. Конгрегацию оповестили о твоём предательстве, но тебе гарантирована неприкосновенность. Пока ты нам нужен живым. Но, пожалуйста, не испытывай наше дружелюбие новыми глупостями.

Друзилла запустила руку под одеяло и крепко сжала его между ног. Меркурио ахнул.

– В конце концов, без этого мужчина тоже может жить.

Женщина подержала его еще с секунду, а затем выпустила из своей ледяной хватки. Продолжая улыбаться, как матрона, Леди Клинков взяла блюдо с чашкой, развернулась и направилась к выходу из спальни.

– Друзилла.

Клинком. Последователи культа Матери Священного Убийства считают это Очень-Ответственным-Делом и пойдут на все, чтобы его принципы оставались незыблемыми. В одной популярной истории о самоотверженности рассказывается о Клинке, известной только как Форд, которую наняли убить Агвальда III, короля Ваана. Агвальд получал больше удовольствия от транжирства, чем от управления королевством. Часто пуская шапку по кругу, его придворным какое-то время удавалось наскреести нужную сумму, чтобы он мог делать это с размахом. А в неночь тридцатилетия короля Форд проникла в его спальню и стала дожидаться в темноте свою цель. Агвальд решил отметить круглую дату с шиком. После долгой пьянки с придворными король удалился в свою комнату с шестью наложницами и целым поросенком. Во время последовавшего разврата Агвальд решил съесть порцию ребрышек, пока его обслуживали одновременно три фаворитки. К сожалению, этот подвиг требовал куда большей координации, чем он думал, и, в отличие от своих наложниц, славный король вдохнул, когда следовало бы слотнуть. Схватившись за горло и медленно синея, Агвальд рухнул на пол. Но тут, под изумленными взглядами королевских наложниц, Клинок вышла из тени и начала стучать Агвальду по спине, пока, откашливаясь, он не выплюнул злополучное ребрышко. Форд принесла благодарному королю стакан воды и успокоила его нервы. И как только государь полностью расслабился, пронзила его сердце шесть раз и перерезала горло от уха до уха. «Зачем? – вскрикнула испуганная наложница. – Зачем было спасать ему жизнь, лишь чтобы убить потом?» Клинок посмотрела на свиное ребрышко и пожала плечами. «Я обещала».

Она оглянулась.

– Да?

– Ты действительно та еще манда. Знаешь это?

– Лстишь, как всегда. – Пожилая женщина вновь повернулась к нему, и ее улыбка испарилась. – Но такой мужчина, как ты, должен знать, куда приведет лесть с такой женщиной, как я.

Меркурио сидел во мраке после ее ухода, в беспокойстве нахмутив морщинистый лоб.

– Ага, – пробормотал он. – В глубокое дерьмо.

Меркурио еще пару часов сновал по комнате, лелея раскалывающуюся голову и утешая оскорбленное эго. Но в конце концов скука взяла верх, заставив его надеть серую робу, выданную Друзиллой, и перевязать талию кожаным поясом. Вооружиться он даже не пытался – знал, что выбраться из Тихой горы можно только двухнедельным путешествием через ашкахскую Пустыню Шепота, кровавым бассейном вещателя Адоная или прыжком через перила Небесного алтаря в бесформенную ночь за ними.

Сбежать оттуда без помощи или без крыльев было попросту невозможно.

Он вышел из спальни в сумрак Тихой горы, опираясь на (очень любезно) оставленную ему трость. Окинул угрюмым от рождения взглядом тьму вокруг. Тихая песня бестелесного хора доносилась одновременно отовсюду и ниоткуда. Коридоры из черного камня освещались обманчивым солнечным светом, льющим через витражные окна, и были украшены гротескными статуями из кости и плоти. Каждый сантиметр стен покрывали спиралевидные узоры, замысловатые и сводящие с ума.

Как только ноги Меркурио ступили на плитку за спальней Друзиллы, он ощутил присутствие человека в мантии, наблюдающего за ним из темноты. Несомненно, один из Десниц Друзиллы, приставленный к нему тенью на все время пребывания в горе.⁵ Меркурио проигнорировал его и пошел своей дорогой, прислушиваясь к шагам сзади. Хрустя старыми суставами, он спускался по винтовой лестнице в лабиринт тьмы, пока наконец не дошел до Зала Надгробных Речей.

Старик окинул взглядом просторное помещение, после стольких лет все еще невольно восхищаясь его великолепием. По кругу зал обрамляли гигантские каменные колонны, наверху виднелись фронтоны, вырезанные в самой горе. На гранитном полу значились имена бесчисленных жертв Церкви. Вдоль стен тянулись безымянные склепы последователей.

Большую часть зала занимала огромная статуя самой Наи. Ее черные глаза будто следили за Меркурио, пока он подходил ближе, шурясь в искусственном свете. В ее руках были весы и острый меч; лицо прекрасное, холодное и безмятежное. На эбонитовой мантии, как звезды в истинотемном небе, мерцали драгоценные камни.

Та, кто все и ничего.

Дева, Мать и Матриарх.

Меркурио коснулся глаз, губ и сердца, глядя на свою Богиню затуманенным взором. Пока он стоял в зале, по ступенькам снизу поднялась группа молодежи. Проходя мимо, они настороженно косились на старого епископа, лишь изредка встречаясь с ним взглядом. Гладкая кожа,

⁵ Как вы помните, последователи Матери Священного Убийства делятся на две основные категории: Клинки, которые служат ее ассасинами в республике, и Десницы, выполняющие почти все остальное. Хотя многие присоединяются к ордену Темной Матери, стремясь совершать кровавые убийства во имя ее, увы, мало кто обладает уникальным сочетанием навыков, черствости и фанатизма, чтобы стать профессиональным убийцей. Большинство людей, присоединяющихся к Церкви, в итоге занимаются снабжением и помогают управлять, что не очень-то романтично. Едва ли подходящий материал для масштабного эпического фэнтези. Но зато средняя продолжительность жизни Клинка – примерно двадцать пять лет, а большинство Десниц доживает до пенсии. Что бы вы предпочли, дорогие друзья: прожить так ярко, чтобы о вас писали книги, или прожить так долго, чтобы прочесть книги о других? Нам редко предоставляется и та, и другая возможность.

ясные глаза и чистые руки – все подростки. Новые аколиты, судя по виду, только приступившие к тренировкам.

Меркурио мечтательно смотрел им вслед, вспоминая собственное обучение в этих стенах, свою преданность Матери Ночи. Как давно это было, как сильно он заледенел внутри с тех пор. Когда-то он был пламенем. Дышал им. Истекал им. Плевал им. Но теперь от него остался лишь уголек, и горел он только ради нее – этой сопливой, заносчивой, капризной мелкой сучки, которая ворвалась в его лавочку много лет назад, держа в руке серебряную брошь в форме вороны.

У него никогда не было времени на семью. Быть Клинком Матери значило жить со смертью – с пониманием, что каждая перемена может быть последней. Казалось несправедливым искать себе жену, чтобы, вероятно, оставить ее вдовой, или заводить ребенка, который вырастет сиротой. Меркурио не испытывал желания стать отцом. Если бы вы спросили у него, почему он приютил ту черноволосую беспризорницу, скорее всего, он бы пробубнил что-то о ее даре, ее выдержке, ее хитрости. И уж точно рассмеялся бы, скажи вы, что он нуждался в ней не меньше, чем она в нем. Перерезал бы вам глотку и закопал глубоко в земле, если бы вы сказали, что однажды он полюбит ее, как родную дочь, которой у него никогда не было.

Но в глубине души, даже приканчивая вас, он бы знал, что это правда.

И вот к чему это привело. Теперь он червяк на крючке Друзиллы. Несмотря на свой блеф, Меркурио понимал, что Леди Клинков не ошиблась, – Мия любила его, как родного. Она ни за что не позволит ему умереть, если посчитает, что у нее есть шанс его спасти. А с этими проклятыми демонами, живущими в ее тени и пожирающими страхи, по мнению Мии, шанс был *всегда*.

Старик взглянул на гранитного колосса над собой. На меч и весы в ее руках. На эти безжалостные глаза, буравящие в ответ.

– Ну и где ты, бездна тебя побери? – прошептал он.

Старый епископ покинул зал и поковылял по горному лабиринту, громко стуча тростью по черному камню. Десница Друзиллы крался в тени и держался на почтительном расстоянии. Когда Меркурио добрался до цели, его колени ныли – он не помнил, чтобы в этом месте было столько ступенек. Перед ним выросли две темные деревянные двери, украшенные тем же узорчатым мотивом, что и стены. Каждая из них весила под тонну, но, протянув крючковатую руку, старик с легкостью распахнул створки.

За ними обнаружился бельэтаж с видом на лес резных полок, выстроенных как садовый лабиринт и тянувшихся так далеко во тьму, что им не виделось края. На каждой полке стояли ряды книг всех форм, размеров и описаний. Пыльные тома, пергаментные свитки, тонкие дневники и тому подобное. Великая читальня Богини Смерти, населенная мемуарами королей и завоевателей, теоремами еретиков и шедеврами безумцев. Мертвые книги, утерянные книги и книги, которых никогда даже не существовало, – их сожгли на кострищах верующие, их поглотило время, или они попросту были слишком опасными, чтобы их писать.

Бесконечный рай для любого читателя и сущий ад для любого библиотекаря.

– Так-так-так, – раздался сиплый голос. – Взгляните-ка, кого нелегкая принесла.

Повернувшись, Меркурио увидел старого лиизианца в потрепанном жилете, облокотившегося на тележку с книгами. По бокам лысеющей головы топорщились два пучка белых волос, крючковатый нос венчали очки с невероятно толстыми стеклами. Он так горбил спину, что напоминал ходячий вопросительный знак. В его бескровных губах тлела дорогая сигарилла.

– Здравствуй, летописец, – поздоровался Меркурио.

– Далековато ты забрел от Годсгрейва, епископ, – прорычал Элиус.

Он подошел к Меркурио вплотную, испепеляя его взглядом, и вытянулся во весь рост. Пока они стояли нос к носу, Элиус будто увеличивался в размерах, его тень становилась длин-

нее. Воздух потрескивал от темных разрядов, вдали между полок слышался шорох колоссальных существ. Подползающих ближе.

Черные глаза Элиуса вспыхнули, голос с каждым словом звучал тверже и холоднее:

– Если тебя вообще можно еще называть епископом, – сплюнул он. – Я думал, что после твоей выходки тебе будет стыдно показываться из-за двери спальни! Не говоря уж о том, чтобы притащиться сюда! Что привело твой предательский зад в библиотеку Черной Матери?

Меркурио показал на запасную сигариллу, вечно торчавшую за ухом летописца.

– Покурим?

Элиус застыл на секунду, сверкая молниями в черных глазах. А затем, тихо рассмеявшись, распростер руки и похлопал Меркурио по худому плечу. Прикурив сигариллу, вручил ее старику.

– Ну что, у тебя все хорошо, мелюзга?

– Разве похоже, что у меня все хорошо, старый хрыч? – парировал Меркурио.

– Выглядишь дерьмово. Но не спросить было бы невежливо.

Меркурио прислонился к стене и посмотрел на библиотеку, вдыхая сладкий серый дым. На вкус он был клубничным, от сладости бумаги пощипывало язык.

– Таких больше не выпускают, – вздохнул он.

– Так можно сказать обо всем в этой библиотеке, – ответил Элиус.

– Как ты вообще, старый убудок?

– Как мертвец.⁶ – Летописец прислонился к стене рядом с ним. – А ты?

– Примерно так же.

Элиус фыркнул, выдыхая серое облачко.

– Насколько я вижу, в твоих жилах до сих пор бьется пульс. Зачем, ради бездны, ты притащил сюда свой хандрящий зад, сынок?

Меркурио затянулся сигариллой.

– Это долгая история, дедуля.

– История о твоей Мие, как я полагаю?

– ...Как ты догадался?

Элиус пожал костлявыми плечами, в его глазах за невероятно толстыми очками выплясывала смешинка.

– Она всегда казалась мне девушкой с историей.

– Боюсь, мы приближаемся к финалу.

– Ты слишком юн, чтобы быть таким пессимистом.

– Мне шестьдесят два гребаных года! – рыкнул Меркурио.

– Как я и сказал, слишком юн.

Меркурио невольно рассмеялся, и с его губ сорвался теплый дым. Почувствовав покалывание никотина в крови, он вновь прислонился к стене.

– Как давно ты здесь, Элиус?

– О-о-о, давно, – протянул летописец. – Но я никогда не считал года – нет смысла. Можно подумать, я могу уйти в любой момент.

– Мать оставляет только то, что ей нужно, – пробормотал Меркурио.

– Это так.

⁶ По легенде, раньше мертвых отправляли на попечение Наи, и она вечно держала их в своих теплых объятиях. Но когда Черная Мать впала в немилость, было решено, что опекой над праведными мертвецами займется ее дочь Кеф. Чтобы согреть их, Цана, Богиня Огня, создала во владениях сестры великий очаг. И там они пребывают в свете и счастье, пока не наступит конец мира. Однако злым душам отказывают в месте у очага. Их называют безочажными, они часто упоминаются в итрейском фольклоре и обвиняются во всех мирских бедах. Пропала овца? Должно быть, это безочажные. Не можешь найти ключи? Проклятые безочажные. Кто-то съел последний кусок торта? Это не я, милая, это *безочажные*! Зачем люди вечно винят сверхъестественные силы, вместо того чтобы признать собственные ошибки, – одна из величайших загадок жизни. И все же из них вышла неплохая страшилка.

Старик откинул голову и прищуренно посмотрел на мертвые книги.

– Ты ненавидишь ее за это?

– Богохульство! – упрекнул его летописец.

– Разве? Ей не плевать, что мы говорим или делаем?

– И что натолкнуло тебя на эту мысль?

– Ну, сам посмотри, во что превратилось это место, – прорычал Меркурио, обводя тростью тьму. – Когда-то оно было логовом волков. Каждое убийство – подношение нашей Благословенной Леди. Чтобы утолить ее голод. Сделать сильнее. Ускорить ее возвращение. А теперь? – Он плюнул на пол. – Это бордель! Духовенство утоляет только свою жадность, а не Пасть. Их руки омыты золотом, а не кровью.

Меркурио покачал головой и, затянувшись, продолжил:

– О да, мы талдычим молитвы, повторяем нужные жесты. «Эта плоть – твой пир, эта кровь – твое вино». Но как только молитва заканчивается, мы опускаемся на колени перед кем-то вроде Юлия ебаного Скаевы. Как ты можешь говорить, что Нае не наплевать, если она позволяет этому яду разъедать ее собственный дом?

– Зубы Пасти! – Элиус вскинул белоснежную бровь. – Кто-то проснулся не с той ноги.

– Ой, иди на хрен, – проворчал старик.

– Чего ты от нее хочешь? – спросил летописец. – Ее изгнали с неба на тысячелетия, мальчик. Позволили править всего несколько перемен каждые два с половиной года. По-твоему, она может вмешаться во все это? Как, по-твоему, она может повлиять, оказавшись в тюрьме, созданной ее мужем?

– Если она такая бессильная, почему мы вообще зовем ее гребаной богиней?

Элиус нахмурился.

– Я не говорил, что она бессильна.

– Потому что ты никогда не был из тех, кто замечает очевидное.

Летописец строго посмотрел на Меркурио.

– Я помню ту перемену, когда ты впервые прибыл сюда, юнец. Зеленым, как трава. Мягким, как детская кашка. Но ты *верил*. В нее. В это. Чем ярче свет, тем гуще тени.

Меркурио насутился.

– Твои ашкахские пословицы мне так же нужны, как вторая пара яиц, старик.

– Возможно, теперь они нужны тебе больше, чем ты думаешь, с юной Друзиллой на тропе войны. – Элиус усмехнулся. – Суть в том, что в тебе теплилась вера, мальчик. Куда она подевалась?

Меркурио поднес сигариллу к губам и надолго задумался.

– Я все еще верю, – наконец ответил он. – В Бога Света, Богиню Ночи и в их Четырех гребаных Дочерей. Ведь существует же это место. *Ты* существуешь. Очевидно, у Темной Матери еще есть какие-то козыри в рукаве. – Меркурио пожал плечами. – Но этим миром правят люди, а не божества. И несмотря на всю кровь, все смерти, все жизни, которые мы забрали во имя ее, она по-прежнему охренительно далеко.

– Ближе, чем ты думаешь.

– Клянусь всем святым, если ты скажешь, что она живет в храме моего сердца, мы выясним, может ли кто-то воскреснуть дважды.

– Вообще-то не может, – летописец пожал плечами. – Даже у Матери нет такой силы. Умерев однажды, ты можешь вернуться с ее благословения. Но если пересечешь границу Бездны дважды? Исчезнешь навеки.

– Эта угроза была риторической.

Элиус усмехнулся, затушил сигариллу о стену и спрятал окурочек в карман жилета.

– Иди за мной.

Летописец навалился на свою тележку и покатил ее вниз по длинному пандусу с бельэтажа в читальню. Затягиваясь сигариллой, Меркурио наблюдал, как он ковыляет.

– Пошевеливайся, мелюзга! – рявкнул Элиус.

Епископ Годсгрейва тяжело вздохнул и, оттолкнувшись от стены, последовал за летописцем по пандусу в библиотечную обитель. Плечом к плечу они бродили по лабиринту из полок в окружении красного дерева и пергамента. Элиус то и дело останавливался и бережно ставил на положенное место одну из возвращенных книг из тележки. Полки были слишком высокими и заслоняли обзор, а все проходы выглядели одинаково. Вскоре Меркурио безнадежно запутался в них и гадал, как, ради Матери, Элиусу удавалось не потеряться в этом месте.

– Куда, ради бездны, мы идем? – проворчал он, потирая ноющие колени.

– В новую секцию. Они постоянно тут возникают. По крайней мере, когда хотят, чтобы их нашли. Я наткнулся на нее почти два года назад. Прямо перед прибытием твоей девчонки.

Оказавшись во тьме, Меркурио услышал шорох гигантских книжных червей, снующих среди полок. Их кожистые шкуры царапали каменный пол, вибрирующий от низкого, громоподобного рычания. В прохладном и сухом воздухе раздавалось слабое эхо песни прекрасного хора. Несомненно, в этом месте чувствовалась умиротворенность. Но Меркурио сомневался, что смог бы провести тут вечность с тем же спокойствием, с каким это делал Элиус.

Они завернули за длинную, слегка загибающуюся полку. Подходя к рядам пыльных томов в старых кожаных и полированных деревянных переплетах, Меркурио осознал, что поворот медленно сужается – что полка превратилась в постепенно закручивающуюся спираль. И где-то у ее сердца, окутанного тьмой, Элиус остановился.

Летописец потянулся к верхней полке, достал толстую книгу и вручил ее Меркурио.

– Мать оставляет только то, что ей нужно, – сказал он. – И делает, что может. Теми способами, которые ей доступны.

Меркурио поднял бровь и, по-прежнему зажимая между губами тлеющую сигариллу, принялся изучать книгу. Черная, как истинотыма, в кожаном переплете. Ее обрез был окрашен кроваво-алым цветом, на обложке вытеснена глянцево-черная ворона в полете.

Он открыл книгу и посмотрел на титульную страницу.

– «Неночь», – пробормотал старик. – Какое дурацкое название.

– Зато любопытное чтиво, – отозвался Элиус.

Меркурио открыл страницу с прологом и слезящимися глазами изучил текст.

CAVEAT EMPTOR

Люди часто обдeldываются, когда умирают.

Их мышцы ослабевают, души вырываются на свободу, ну а все остальное... просто выходит наружу. Несмотря на ярое пристрастие зрителей к смерти, драматурги редко...

Он перевернул еще пару страниц и тихо фыркнул.

– В ней есть сноски? Какой придурок пишет роман со сносками?

– Это не просто роман, – возразил Элиус несколько оскорбленным тоном. – Он биографический.

– О ком?

Летописец просто кивнул на книгу. Меркурио пролистал еще несколько страниц и просмотрел начало третьей главы.

...отбросила кота под ноги приближающейся служанке, которая с громким воплем упала. Рассвирепевшая донна Корвере, сохраняя царственную осанку, повернулась к дочери.

– Мия Корвере, убери это мерзкое животное, чтобы оно не мешалось под ногами, или мы оставим его тут!

И, вот так просто, мы узнали ее имя.

Мия.

Меркурио замер. Сигарилла повисла во внезапно пересохших губах. С застывающей в жилах кровью, он наконец понял, что держит в руках. Глянул на полки вокруг себя. Мертвые книги, утерянные книги и книги, которых никогда даже не существовало – их сожгли на кострищах верующие, их поглотило время, или они...

«Попросту были слишком опасными, чтобы их писать».

Элиус пошел дальше по закручивающемуся ряду, спрятав руки в карманы и бормоча себе под нос, позади него вился тонкий завиток серого дыма. Но Меркурио словно прирос к месту. Совершенно зачарованный. Он начал быстрее переворачивать страницы, пробегая взглядом по курсивному тексту, в спешке улавливая лишь фрагменты.

Книги, которые мы любим, отвечают нам взаимностью.

– Я передам от тебя привет брату.

– Кто или что такое Луна? – спросила она.

Меркурио дошел до конца и повертел книгу в руках. Гадая, почему страницы вдруг закончились, и осматривая библиотеку мертвых в немом восторге и страхе.

– Я нашел еще одну, – сказал Элиус, возвращаясь к нему. – Около трех месяцев назад. Накануне ее не было, а на следующую перемену появилась.

Летописец передал Меркурио еще один тяжелый том. Похожий на предыдущий, но с голубым обрезом, а не красным. С тиснением в виде черного волка, а не вороны. Зажав первую книгу под мышкой, он перевернул обложку второй и всмотрелся в название.

– «Годсгрейв».

– Продолжение первой, – кивнул Элиус. – Думаю, эта понравилась мне больше. Меньше страданий херней в начале.

В призрачном мраке звучала песня хора, разносясь эхом по великой читальне. Сигарилла Меркурио выпала изо рта, руки дрожали, пока он тянулся за первой книгой и вновь открывал титульную страницу.

И там обнаружил его.

«НЕНОЧЬ»

КНИГА 1 В СЕРИИ «ХРОНИКИ НЕНОЧИ»

Меркурио из Лииза

Старик закрыл книгу, изумленно воззрился на летописца Наи и выдохнул:

– Твою ж мать.

Глава 4. Дар

На сводчатых потолках мерцали архимические сферы, музыка отдавалась в груди, повсюду сверкало золото и белая кость. Мия стояла между родителями, цепляясь за них маленькими ручками, и смотрела на балльный зал изумленными круглыми глазами. Элегантные дамы в потрясающих платьях из алых, перламутровых и черных шелков кружились в руках лощеных донов в длинных сюртуках. На серебряных подносах стояли в ряд аппетитные закуски и звонкие хрустальные бокалы, наполненные игристыми напитками.

– Ну что, голубка? – спросил отец. – Что думаешь?

– Тут так красиво, – выдохнула Мия.

Девочка чувствовала на себе взгляды гостей, пока они всей семьей стояли на вершине винтовой лестницы. Швейцар объявил об их прибытии в гранд-палаццо, и все присутствующие обернулись посмотреть на бравого судью легиона люминатов, Дария Корвере, и его очаровательную и грозную жену Алинне. Родители Миш прошли через костеродную толпу, мило улыбаясь и вежливо кивая, их лица скрывались за изысканными карнавальными масками. Зал палаццо был переполнен до предела, на праздник прибыло все высшее общество Годсгрейва – избрание нового консула всегда привлекало лучших из людей.

– Станицем, дорогая? – спросил Дарий.

Алинне Корвере тихо фыркнула, прижав руку к сильно округленному животу. Мия знала, что ребенок скоро родится, и надеялась, что это будет мальчик.

– Только если у тебя припрятаны носилки под этим камзолом, милый, – ответила она.

– Увы. – Дарий потянулся за полы костюма. – Но зато есть это.

Отец Миш вручил ее матери кроваво-алую розу и низко поклонился, чтобы потешить зрителей. Алинне улыбнулась и, приняв цветок, глубоко вдохнула его аромат. Но затем вновь провела рукой по животу, выражая отказ одним только многозначительным взглядом темных глаз.

Отец Миш повернулся и присел перед ней.

– А ты, голубка? Станицуешь со мной?

Откровенно говоря, Мия всю неделю чувствовала себя странно. С наступлением истиноты в ее животе зародился трепет и все чувствовалось как-то иначе. Однако, когда отец протянул ей руку, она не смогла сдержать улыбки, купаясь в тепле его глаз.

– Да, отец, – прошептала девочка.

– Мы должны поздравить нового консула, – напомнила Алинне.

– Скоро. – Кивнул Дарий, беря Мию за руку. – Ми донна?

Пара вошла в круг танцующих, остальные костеродные расступались, чтобы освободить им дорогу. Мие было всего девять, ей не хватало роста, чтобы танцевать, как положено. Но Дарий Корвере поставил ее маленькие ножки на свои и осторожно повел в сторону быстрой и манящей музыки. Другие пары улыбались им, очарованные красивым судьей и его развитой не по годам дочерью. Мия восторженно осматривалась, увлеченная музыкой, платьями и мерцающим светом наверху.

Неделю назад три солнца скрылись за горизонтом, но короткое царствование Матери Ночи на небесах уже подходило к концу. Мия слышала взрывы фейерверков, которые должны были отпугнуть Ночь и вернуть обратно в Бездну. Люди по всему Годсгрейву ютились у очагов, ожидая, когда Аа вновь распахнет свои три глаза. Но здесь, в руках отца, Мия обнаружила, что ни капельки не боится. Она чувствовала себя в безопасности.

Сильной.

Любимой.

Она знала, что ее отец красивый мужчина, и была достаточно взрослой, чтобы заметить тоскливые взгляды костеродных дам, наблюдавших, как он кружит по бальному залу. Но невзирая на лучших донн Годсгрейва (и немалого количества донов), мечтательно глядящих ему вслед, отец Миш смотрел только на нее.

– Я люблю тебя, Мия.

– И я тебя.

– Обещай, что всегда будешь помнить об этом. Что бы ни случилось.

Девочка недоуменно улыбнулась.

– Обещаю, папа.

Они продолжили танцевать, кружа под волшебную песню по полированному дощатому полу. Мия подняла взгляд к потолку, такому светлому и сверкающему. Роскошное палатко консула находилось у основания первого Ребра, неподалеку от Сенатского Дома и Хребта. Пол балльного зала представлял собой орнаментальную мозаику из трех солнц, кружащих вокруг друг друга, подобно танцорам. Дворец был вырезан из могильной кости в самом Ребре, как и меч на поясе ее отца и броня, которую он надевал на войну. Сердце Итрейской республики, высеченное из костей давно павшего титана.

Мия окинула взглядом толпу и увидела свою мать на возвышении в конце зала, говорившую с каким-то мужчиной. На нем была ярко-фиолетовая мантия, на лбу красовался золотой венок, а на пальцах – золотые кольца. Густые темные волосы и еще более темные глаза. Мия никогда бы не признала этого вслух, но, возможно, он был на крошечную долю красивее ее отца.

Ее мать поклонилась красивому мужчине. Элегантная женщина, сидевшая на возвышении, явно была недовольна тем, что в ответ мужчина поцеловал руку Алинне Корвере.

– Отец, кто это? – спросила Мия.

– Наш новый консул, – ответил он, проследив за ее взглядом. – Юлий Скаева.

– Мамин друг?

– В некотором роде.

Мия наблюдала, как красивый мужчина опускает ладонь на живот Алинне. Секундное касание, легкое, как перышко. И быстрый, как ртуть, обмен взглядами.

– Он мне не нравится, – заявила девочка.

– Не бойся, голубка, – ответил судья. – Твоей маме он нравится за вас двоих. Всегда нравился.

Мия моргнула и посмотрела на отца прищуренными черными глазами. Вместо платка на его шее оказалась веревка, завязанная в идеальную петлю.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она.

– О, проснись, Мия, – вздохнул он.

– Отец, я...

– Проснись.

– Проснись!

Мия почувствовала сильный пинок в живот. Будто издалека, услышала детский голос:

– Да проснись же, чтоб тебя!

Еще один пинок – на сей раз в свежую рану на ее плече. Мия ахнула от боли и, открыв глаза, увидела во мраке склонившийся над ней силуэт. Не задумываясь, схватила его здоровой рукой за горло. Кто-то запищал и забился в ее ладони, впиваясь маленькими пальцами в предплечье. Лишь тогда, сквозь боль и рассеивающуюся дымку яда, она узнала...

– ...Йоннен?

Мия так резко отпустила шею мальчишки, словно ее кожу ошпарило раскаленным металлом. Крайне смущенная, попыталась поправить его грязную фиолетовую тогу.

– О, Йоннен, мне так жа...

– Меня зовут Люций! – сплюнул мальчик, отбиваясь от ее рук.

Мия перевела дыхание и постаралась успокоить колотившееся сердце. Она была в ужасе от себя – от того, что, пусть и неумышленно, чуть не причинила ему боль. В ее сознании витали образы мерцающего бального зала, истинотемного неба и руки Скаевы на животе ее матери. Арены, полной кричавших людей, когда она вонзила клинок из могильной кости в консульскую грудь. Лица Йоннена, бледного и исполненного ужаса, когда она положила отца к его ногам.

– Мне жаль, – повторила она. – Тебе ведь не больно, правда?

Мальчишка просто насупился, его глаза были такими же темными и бездонными, как у Мии. Она осмотрелась, гадая, где они очутились. Их окружало темное пространство, освещаемое сиянием одного-единственного фонарика, стоявшего рядом с ней на земле. Призрачный свет распространялся всего на метр, а за ним простиралась непостижимая темень.

Пол под ней был неровным, и Мия осознала, что он целиком сделан из человеческих лиц и рук – каменные рельефы, вырезанные из самого белоснежного фундамента. Все лица принадлежали женщинам – нет, одной и той же женщине. С прекрасными чертами и длинными, слегка завивающимися локонами. Но ее лицо изображало муку, ужас, каменный рот широко открывался в безмолвном крике. Все руки тянулись к невидимому потолку, словно тот вот-вот должен рухнуть.

Мия часто заморгала, пытаясь вспомнить, как она очутилась тут. В голове всплыло воспоминание о схватке с Солисом и Тишью. О призрачном существе, которое спасло ей шкуру в некрополе Галанте и еще раз в доме мертвых Годсгрейва. В ее жилах по-прежнему тек яд Солиса, но рану на плече перевязали лоскутом темной ткани. Мия чувствовала вялость и зябкость из-за морозного воздуха. Чувствовала боль ран и натянутую от запекшейся крови кожу. А за всем этим – безымянную, бесформенную злость. И, осмотрев море застывших испуганных лиц, подобно человеку, который давно потерял слух и внезапно услышал звук, Мия поняла, что испытывает...

Страх.

Она прошлась взглядом по тьме вокруг. Выискивая своих спутников среди каменных рук и открытых ртов и неожиданно осознавая, что больше не чувствует их. Ее кожу покалывало, живот крутило. Зашипев от боли, она заставила себя подняться на ноги.

– Мистер Добряк? Эклипс?

Никакого ответа. Ничего, кроме учащенного пульса в жилах и жуткой пустоты от их отсутствия. Эклипс была с ней с тех пор, как погиб лорд Кассий, Мистер Добряк – с тех пор, как повесили ее отца. Мия не оставалась без них уже целую вечность, не считая тех случаев, когда сама просила об этом. Но теперь, оказавшись в полном одиночестве...

– Где мы? – прошептала девушка, изучая море лиц и рук.

– Я не знаю, – ответил Йоннен с легкой дрожью в голосе.

Сердце Мии смягчилось, и она потянулась к брату во тьме.

– Все в порядке, Йоннен, я с то...

– Меня зовут Люций! – прокричал он, топая ножкой. – Люций Аттикус Скаева! Я первенец консула Юлия Максимилиана Скаевы, и честь обязывает меня убить тебя! – Мальчик обвинительно ткнул в нее пальцем, его щеки порозовели от злости. – *Ты убила моего отца!*

Мия убрала руку и всмотрелась в его лицо. Оскаленные зубы и подрагивающая губа. Темные, мрачные глаза, так похожие на ее. Так похожие на *его*.

– Я часто пела тебе песни. Когда ты был маленьким, и снаружи начиналась гроза. Ты ненавидел гром, – Мия невольно улыбнулась своим воспоминаниям. – Пищащий, розоволицый крикун с такими голосовыми данными, что и мертвого разбудишь. Няни ничем не могли тебя успокоить. Я единственная, кому это удавалось. Ты помнишь?

Она прочистила горло и сипло запела:

*– В мрачайшие дни, в темнейших краях,
Когда ветер холодный подует...*

– Ты воешь как голодная гарпия, – прорычал мальчишка.

Мия закусила губу, пытаясь обуздать свой печально известный темперамент. Почти восемь лет она замышляла убийство людей, уничтоживших ее семью. Шесть лет тренировалась у самых опасных ассасинов в республике, целый год служила Красной Церкви и еще около года сражалась за жизнь на песках итрейских арен, окуная руки в кровь. Но за все это время она ни разу не имела дела с испорченным костеродным юнцом, оплакивающим потерю своего ублюдка-отца. Тем не менее она старалась представить себя на его месте. Представить, что он чувствовал, глядя на девушку, убившую его отца.

По правде говоря, понять его было не так уж сложно. Она помнила себя в такой момент, случившийся много лет назад. Как она наблюдала за людьми, повесившими ее отца на Форуме. Свою клятву отомстить им, звеневшую в голове, раскаленную ненависть, разъедающую жилы, словно кислота.

Испытывал ли Йоннен подобные чувства к ней?

«Я – его Скаева?»

– Йоннен, мне жаль, – сказала Мия. – Я знаю, что это тяжело. Знаю, что ты напуган и зол, но есть вещи, которые ты...

– Не разговаривай со мной, рабыня! – сплюнул он.

Ее рука взметнулась к архимическому клейму на щеке. К двум пересекающимся кольцам, которые делали ее собственностью Коллегии Рема. Она чувствовала шрам на другой щеке. Царапину, идущую через бровь и загибающуюся в грубый крюк – сувенир на память об испытаниях на песках. Мия вскользь подумала о Сидоние. О Мечнице и других Соколах. О том, получилось ли у них добраться в безопасное место.

– Я не рабыня, – сказала она, и в ее голосе послышалась сталь. – Я – твоя сестра.

– У меня нет сестер, – пробурчал Йоннен.

– Тогда сводная сестра. У нас одна мать.

– Ты лгунья! – воскликнул он, снова топая ножкой. – *Лгунья!*

– Я не вру, – настаивала Мия, сжимая переносицу пальцами, чтобы остановить боль. – Йоннен, пожалуйста, выслушай меня... ты был слишком маленьким, чтобы запомнить. Но в младенчестве тебя забрали от матери. Ее звали Алинне. Алинне Корвере.

– Корвере? – фыркнул он, прищуривая темные глаза. – Жена Царетворца?

Мия часто заморгала.

– ...Ты знаешь о восстании?

– Я тебе не какой-то уличный оборванец, рабыня, – фыркнул Йоннен, поправляя грязную тогу. – Моя память острее мечей, все учителя так говорят. Я знаю о Царетворце. Отец отправил его на виселицу, а его потаскуху – в Философский Камень.

– Следи за языком, – предупредила Мия, подняв палец и теряя самообладание. – Ты говоришь о своей матери.

– Я – сын консула! – вспыхнул мальчик.

– Да. Но Ливиана Скаева не твоя мать.

– Как ты смеешь?! – Йоннен сжал свои маленькие ручки в кулаки. – Ты, может, и дочь какой-то предательской проститутки, но я не бас...

От ее пощечины мальчик попятился и тяжело шлепнулся на задницу. Вены Мии наполнились набухающей и клубящейся яростью, грозящей поглотить ее целиком. Йоннен изумленно уставился на нее, на его глаза накатились слезы, рука поднялась к горящей щеке. Он был костеродным маленьким лордом, наследником огромных владений, ребенком знатного рода.

Мия полагала, что прежде к нему никто не смел прикасаться таким образом. И уж тем более не кто-то с рабским клеймом. Но все же...

– Брат ты мне или нет, – предостерегла она, – но я не потерплю подобных высказываний о ней.

Несмотря на злость, Мия была в ужасе от самой себя. Усталая, испуганная, с пробирающей до костей болью. Все эти годы она считала Йоннена мертвым, иначе ни за что бы не оставила его в руках Скаевы. Ей бы стоило обнимать его от радости, а не сбивать мальчишку с ног на его напыщенный маленький зад.

«Особенно не за то, что он сказал правду».

От Сидония Мия узнала, что брак ее родителей был заключен по расчету, а не по страсти. Дарий Корвере любил генерала Антония, мужчину, который стремился стать королем Итреи. Отношения Царетворца с женой были политическим альянсом, а не великой историей любви. И в этом нет ничего сверхъестественного – такова жизнь многих костеродных домов республики.

Но как из всех мужчин в мире Алинне Корвере могла выбрать *Юлия гребаного Скаеву* в любовники и отцы ребенку?!

Йоннен вытер глаза, на его щеке остался отпечаток руки Мии. Она видела, что он едва сдерживает слезы. Но мальчик подавил их, сцепил зубы и обратил свою обиду в ненависть.

«Зубы Пасти, он и вправду мой брат».

– Прости, – сказала Мия ласковым голосом. – Я говорю суровую правду. Но твой отец был злым человеком, братец. Тираном, который жаждал вытесать себе трон из костей республики.

– Как Царетворец? – сплюнул Йоннен.

Мия с трудом сглотнула, слова мальчика ударили ее словно кулаком в живот. Несмотря на все попытки сдерживаться, злость снова начинала брать верх. Словно гнев Йоннена каким-то образом разжигал и ее ярость.

– Ты просто мальчишка. Ты слишком юн, чтобы понять.

– Ты лгуня! – Йоннен встал на ноги и повысил голос. – Мой отец победил твоего, и теперь ты просто бесишься!

– Ну естественно, я в бешенстве!

– Ты обманула его! На постаменте победителя. Ты спрятала нож в броне, иначе ни за что бы к нему не прикоснулась!

– Я сделала то, что было необходимо, – огрызнулась Мия. – Юлий Скаева заслуживал смерти!

– Ты сражаешься бесчестно!

– Бесчестно? – воскликнула она. – Он убил нашу *мать*!

– У тебя нет ни чести, ни...

Голос мальчика затих, оскал на лице сменился немым изумлением. Мия проследила за его взглядом, посмотрев на пол, на картину из плачущих лиц и тянущихся рук, освещаемую призрачным сиянием одного-единственного фонаря. И там, на могильном камне, увидела их тени, такие темные и мрачные в тусклом свете. Они двигались.

Тень Йоннена отползала как змея, готовящаяся к удару. Тень Мии, напротив, тянулась к нему, ее волосы развевались, будто от легкого ветерка. Но уже через секунду тень Йоннена накинута на ее и сомкнула руки на шее соперницы. Тень Мии дернулась и покрылась мелкой дрожью. Они били и кромсали друг друга – внезапная жестокость, нарисованная рябщей чернотой, – хотя Мия и Йоннен были неподвижны и невредимы.

Мия видела чистосердечную ярость в глазах брата, отражавших войну во тьме между ними. Казалось, будто тени воплощали их самые сокровенные чувства: его ненависть, ее отвергнутую любовь. И в эту секунду она четко поняла – этот мальчик убил бы ее, если бы мог. Перерезал бы глотку и оставил на съедение крысам. Мия наблюдала за клочьями тьмы и

вспоминала, что ее тень реагировала точно так же в присутствии Фуриана. Глядя на брата, она испытывала ту же тошноту и тоску, что и при других даркинах. Словно уснула рядом с кем-то, а проснулась одна. Это чувство чего-то... недостающего.

Она заставила себя говорить спокойно. Усмирила свою тень.

– Я – твоя *сестра*, Йоннен. Мы с тобой одинаковые.

Мальчик не ответил, просто устремил на нее взгляд, полный ненависти. Но вражда между тенями постепенно прекратилась, и они вернулись к своим естественным очертаниям. Лишь легкая рябь отличала их от обычных теней. Во мраке царила гробовая тишина. Тысячи широких глаз на тысячах каменных лиц наблюдали за ними.

– Как давно она начала с тобой говорить? – тихо спросила Мия. – Тьма?

Йоннен хранил молчание. Маленькие ручки сжались в маленькие кулачки.

– Я была немногим старше тебя, когда она впервые заговорила со мной. – Мия вздохнула, усталая до глубины души. – В перемену, когда твой отец повесил моего, приказал утопить меня и вырвал тебя из рук матери. В перемену, когда он все разрушил.

Мальчик посмотрел на их тени, и его темные глаза затуманились.

– У меня ушло на это восемь долгих лет, – продолжила она. – Все те мили, вся та кровь. Но теперь все кончено. К добру или нет, но Юлий Скаева мертв. А мы – снова семья.

– Мы – потерялись, – сплюнул Йоннен, – Царетворец.

Мия всмотрелась в темень за кругом света от их фонарика. По морозному воздуху и окутывавшей их тишине можно было догадаться, что они глубоко под землей. Вероятно, в какой-то скрытой части некрополя.

Зачем безочажный спас ей жизнь и бросил здесь?

Где Мистер Добряк и Эклипс?

Меркурио?

Эшлин?

Почему она по-прежнему оцепенело стоит на месте, как испуганная девица?

Мия подняла фонарик. На его поверхности, бледной и гладкой, был вырезан рельеф причудливой серповидной формы.

«Могильная кость»⁷, – поняла она.

Она все еще чувствовала тоску. Поглядела на брата, на их тени на полу. Но было что-то еще. Что-то манящее ее к себе в этом мраке и холоде. Взяв фонарик в другую руку, Мия заметила, что их тени не сдвинулись с места. Вместо этого, оставаясь неподвижными, они смотрели в одном направлении, как железо, тянущееся к магниту.

Мия устала до такой степени, что уже даже сон не привел бы ее в чувство. Ушибленная, истекающая кровью, испуганная. Но воля, приказывающая ей двигаться, когда все, казалось, было потеряно, когда весь мир был настроен против нее, когда задача представлялась непосильной, ныне требовала, чтобы она шла вперед. Мия не знала, где они, но знала, что здесь оставаться нельзя. И поэтому протянула брату руку.

– Пойдем.

⁷ Могильная кость – очень любопытный материал, который можно найти лишь в одном месте во всей республике – в Ребрах и Хребте в центре Годсгрейва. Он легкий, как дерево, и при этом прочнее стали, но секрет его добычи утерян – или, по крайней мере, строго охраняется Железной Коллегией. Даже если бы у предприимчивого вора найдутся инструменты, чтобы отсечь кусочек, ничего не выйдет: порча любой части Ребер и Хребта карается распятием. В результате оружие и броня из могильной кости считаются очень ценным имуществом. Обладание любым предметом, сделанным из этого чудесного материала, – это признак престижа и богатства, и итрейская знать славится своими коллекциями. До мятежа, свергнувшего ее мужа, королева Изабелла, жена Франциско XV, страстно собирала могильные артефакты – говорили, что она копила безделушки в надежде открыть музей для «маленьких людей», как она ласково называла граждан Годсгрейва. Ее коллекция мелочей из могильной кости включала в себя канцелярские ножи, рожки для обуви, зубные кольца, множество расчесок, гребешков и булавок, обеденный сервиз из семидесяти четырех предметов и дюжину «военных пожертвований», сделанных по меньшей мере семью разными итрейскими королевами. И кто сказал, что счастье не в деньгах?

– Куда?

Она кивнула на их тени на полу.

– Они знают дорогу.

Мальчик посмотрел на нее с гневом и недоверием в глазах.

– У нашей семьи был девиз, – сказала Мия. – До того, как твой отец ее уничтожил. «*Не диис лус'а, лус диис'а*». Знаешь, что это значит?

– Я не говорю на лиизианском, – проворчал Йоннен.

– Когда всё – кровь, кровь – это всё.

Она вновь протянула руку и повторила:

– Кровь – это всё, братец.

Мальчик взглянул на нее. Во тьме, среди прекрасных кричащих лиц, тянущихся рук и призрачного света могильной кости, Мия видела отражение его отца в этих бездонных черных глазах.

Но в конце концов он взял ее за руку.

– Ты это чувствуешь?

Голос Мии эхом раскатывался во тьме – так громко, что становилось неудобно. Казалось, они преодолели уже целые мили, шагая по извилистому лабиринту туннелей. Стены и неровный пол были сделаны из все тех же каменных рук и лиц.

Было отчего-то крайне неприятно наступать на разъявленные в безмолвном крике рты. Мия не сомневалась, что они находятся где-то в некрополе Годсгрейва, но все вокруг выглядело незнакомым. Она даже представить себе не могла, что побудило кого-то потратить годы на подобную резьбу на стенах и полу. Чем глубже они заходили, тем беспокойней она себя чувствовала. Иногда она замечала какое-то движение боковым зрением, готовая поклясться, что одна из каменных рук пошевелилась, или что одно лицо повернулось следом за ней. Но когда девушка смотрела прямо на них, они оставались неподвижными.

Темнота казалась удушающей, воздух – тяжелым, пот обжигал порезы и раны на коже. В груди, без особой причины проклеивался безымянный, бесформенный гнев. С каждым шагом ощущение, которое преследовало Мию с тех пор, как она очнулась в этом месте, становилось все сильнее. Тяга мотылька к огню.

Пока что страх темноты брал верх над ненавистью, и хоть Йоннен отказался долго держать Мию за руку, далеко он не отходил. Ведя его по туннелям, держа перед собой фонарик из могильной кости, Мия время от времени оглядывалась и видела, что брат смотрит на нее с неприкрытой злобой.

Целиком игнорируя призрачное сияние фонарика, их тени упорно тянулись дальше по коридору, неестественно удлиняясь.

С каждым шагом притяжение росло.

Ярость загоралась ярче в груди.

– Мне здесь не нравится, – прошептал Йоннен.

– Мне тоже, – ответила Мия.

Они пошли дальше, стараясь держаться вместе. Мия ощущала гнев, пульсирующий в воздухе. Чувство глубокой и неизменной злости. Боли, жажды и голода – все вперемешку. То же чувство охватило ее во время Резни в истинотьму. Во время победы на арене.

Озлобленность, укоренившаяся в самих костях города.

Воздух казался плотным и маслянистым; Мия могла поклясться, что учуяла кровь. Лица на стенах определенно двигались, пол ходил ходуном, руки тянулись к ним, каменные губы беззвучно произносили слова. Сердце Мии чуть не выпрыгнуло из груди, когда кто-то коснулся ее пальцев. Опустив взгляд, она увидела, что Йоннен снова крепко взял ее за руку, его глаза расширились от страха.

Голода.

Гнева.

Ненависти.

Туннель закончился очередной комнатой – такой просторной, что даже стен не было видно. Исполненные мук лица спускались вниз и образовывали большой пруд, который едва можно было разглядеть в тусклом свете фонарика. Берег был сделан из рук и открытых ртов. Мия принялась рассматривать жидкость внизу – черную, бархатистую гладь, заливающую глаза и рты, которые находились ближе к краю. Она напоминала смолу, но вонь было ни с чем не перепутать. Солоноватую, медную, с привкусом гнили.

«Кровь. Черная кровь».

И там, на бесшумно кричащем берегу, Мия заметила два знакомых силуэта. Смотрящих на черный пруд своими не-глазами.

– Мистер Добряк! Эклипс!

Ее спутники даже не шелохнулись, пока она лезла по лицам и рукам, чтобы присесть рядом с ними. Вздохнув от облегчения, Мия провела руками по своим демонам, их очертания исказились и завихрились, как дым на ветру. Но ни один из них не оторвал взгляда от пруда бархатистой тьмы.

Мистер Добряк наклонил голову и заговорил как во сне:

– ...*Ты это чувствуешь?*..

– ...*Чувствую*... – ответила Эклипс.

– Мия?

Она обернулась на голос, ее сердце подскочило в груди. И там во мраке, среди каменных глаз и беззвучных криков, увидела самое прекрасное, что только можно представить. Высокую девушку в запятнанном кровью наряде стражника арены, с фонариком из могильной кости в руке и таким же мечом на поясе. Светлые волосы, выкрашенные в огненно-рыжий, загорелые щеки с россыпью веснушек, и голубые, как опаленное небо, глаза.

– Эшлин... – выдохнула Мия.

Она побежала. Так легко и быстро, что казалось, будто она летит. Боль и усталость превратились в отдаленные воспоминания, даже черный пруд отошел на второй план. Спотыкаясь о каменные лица, с вырывающимся из груди сердцем, Мия раскинула руки и прыгнула прямо в объятия Эшлин, врезавшись в нее с такой силой, что чуть не сбила девушку с ног. Переполненная безумной радостью от встречи, Мия запустила пальцы в ее волосы, коснулась лица, словно желая проверить, что оно настоящее, и, затаив дыхание, наконец притянула ее к себе для голодного поцелуя.

– О, Богиня, – прошептала она.

Эшлин попыталась что-то сказать, но Мия не дала ей такой возможности. Она почувствовала привкус крови от вновь открывшейся раны на губе, но, не обращая внимания на боль, еще сильнее прижалась к Эшлин.

– Я больше никогда тебя не отпущу. – Мия подняла ладони к щекам Эш и снова прильнула к ней губами. – Никогда, ясно тебе? *Никогда*.

– Мия, – произнесла Эш, положив руку ей на грудь.

– Что?

Поддавшись эмоциям, Мия опять попыталась поцеловать подругу, но Эшлин увернулась, затем твердо посмотрела на Мию и легонько оттолкнула. Мия недоуменно взглядела в небесную синеву ее глаз.

– ...Эш, в чем дело?

– *ЗДРАВСТВУЙ, МИЯ*.

Услышав этот голос позади себя, Мия почувствовала, как кровь стынет у нее в жилах. Температура в помещении резко упала, на коже выступили мурашки. Обернувшись, она уви-

дела знакомое существо с мечами из могильной кости за спиной. Его мантия была темной и потрепанной по краям, под капюшоном, подобно щупальцам, извивались тени. Мия покосилась на Эшлин и увидела неприкрытый страх в ее голубых глазах. Затем отпустила из объятий возлюбленную и повернулась лицом к загадочному существу. С ее окровавленных губ срывались белые завитки пара.

– Кто тут у нас? Мой таинственный спаситель.

Существо низко поклонилось, мантия пошла волнами, словно от дуновения призрачного ветерка. Его голос был гулким, шипящим, и отдавался где-то глубоко в ее животе.

– *МИ ДОННА*.

– Полагаю, с меня причитаются благодарности. – Мия скрестила руки и откинула волосы за плечо. – Но сперва познакомимся. Кто ты, в бездну, такой?

– *ПРОВОДНИК*, – ответило существо. – *ДАР*.

– Говори прямо, – прорычала она, теряя терпение. – Кто ты?

– Мия... – пробормотала Эшлин, ласково беря ее за плечо.

– *Говори!* – потребовала Мия, выходя вперед со сжатыми кулаками.

Существо подняло чернильно-черные руки и откинуло капюшон. В призрачном свете Мия увидела крошечные-темные глаза и безупречную алебастровую кожу. Толстые дреды, покачивающиеся из стороны в сторону, как живые. Он все еще был мучительно красив – волевой подбородок и точеные скулы, которые некогда были испещрены каракулями ненавистных чернил, а затем доведены до совершенства руками ткачихи.

Губы, которые она когда-то целовала.

Глаза, в которых когда-то тонула.

Лицо, которое когда-то обожала.

Мия посмотрела в испуганные голубые глаза Эшлин. Снова в черные бездонные колодцы, заменившие глаза ему. И выдохнула:

– Черная гребаная Мать.

Глава 5. Прозрения

– Как? – прошептала Мия.

Она рассматривала Трика с головы до пят, скрестив руки на груди и дрожа от холода. Он сильно изменился – некогда оливковая кожа ныне была высечена из мрамора, некогда карие глаза превратились в колодцы непроглядной черноты. Такой холодный и идеальный, он выглядел как статуя на Форуме, вырезанная из камня рукой мастера и ожившая после последнего штриха. Его лицо было прекрасно. Совершенно. Бледное и гладкое, как могильная кость, и столь же сильно пронзающее. Ее сердце едва верило глазам.

Но это несомненно был юноша, которого она знала. Юноша, которого она любила?

– Но она... – Мия ошарашенно повернулась к Эшлин. – Ты *убила* его.

Эш была непривычно молчалива, в ее глазах ясно читался страх. Мистер Добряк и Эклипс по-прежнему сидели бок о бок на странном берегу; Йоннен присоединился к ним, не сводя темных глаз с еще более темного пруда. Каменные лица вокруг них беззвучно зачитывали мольбы, каменные волосы развевались, словно на глубоко зимнем ветру. А Мия стояла как вкопанная, глядя на пламя старой любви. Пытаясь игнорировать поток эмоций, затапливающий ее грудь, и просто осознать произошедшее.

– Если ты мертв, как ты можешь быть здесь?

Черные глаза Трика блеснули в холодном свете фонарика.

– *МАТЬ ОСТАВЛЯЕТ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ЕЙ НУЖНО.*

Мия сделала пару глубоких вдохов, холодный воздух обжег легкие. Она слышала истории о призраках, которые отвернулись от Очага, чтобы преследовать живых, и считала их бабушкиными сказками. Но перед ней стояла не просто детская басня. А старый друг – такой же настоящий, как сердце, бьющееся в ее груди. Юноша, который путешествовал с ней через ашкахскую Пустыню Шепота, который был ее союзником и напарником в испытаниях Красной Церкви, который делил с ней постель и прогонял ее кошмары в темное время. Ее первая настоящая любовь.

Убитая второй.

Эшлин стояла за Мией на расстоянии вытянутой руки. Мия по-прежнему чувствовала вкус девушки на своих губах. Аромат ее пота и кожи. Трик наверняка застал их вместе, наверняка видел страсть и радость, которые испытывала Мия, целуя его убийцу.

– Я... – она покачала головой. Попыталась найти какое-то объяснение. Гадая, почему вообще считала необходимым что-либо объяснять. – Я думала, ты мертв...

Его крошечные-черные глаза сфокусировались на Эшлин.

– *ТАК И ЕСТЬ.*

– Он спас мне жизнь, Мия, – пробормотала Эш позади нее. – Духовенство устроило засаду в часовне. Они забрали Меркурио в гору. Хотели забрать и меня, но... Трик... помог мне.

При новости о Меркурио сердце Мии ухнуло вниз.

– Почему? – спросила она. – Зачем ему помогать тебе после того, что ты сделала?

– Не знаю. – Эшлин ласково положила руку ей на плечо. – Мия, я должна сказать те...

– В какую игру ты играешь, Трик? – Мия повернулась обратно к юноше, сгорая от любопытства и стыда. – Почему ты спас Эшлин после того, как она убила тебя? Почему спас меня с Йонненом, а затем бросил нас, как крыс, скитаться в темноте?

При звуке своего имени брат Мии отвернулся от темного пруда. Часто заморгал, потирая глаза, будто только что очнулся ото сна. Посмотрел на Трика, как если бы впервые заметил его. Но вместо страха Мия увидела в глазах мальчика подозрение. Они прищурились от любопыт-

ства, пока он осматривал Эшлин с головы до пят, но как только его взгляд упал на Мию, в нем вспыхнула здоровая доза ненависти.

Трик же смотрел только на Мию. Она внезапно осознала, что ни разу не заметила, чтобы он моргал.

– *СЕЙЧАС ИСТИНОСВЕТ*, – ответил он. – *ТРИ ГЛАЗА ВСЕВИДЯЩЕГО АА ЯРКО СИЯЮТ В НЕБЕ. МАТЬ НАЯ ЕЩЕ НИКОГДА НЕ НАХОДИЛАСЬ ТАК ДАЛЕКО ОТ ЭТОГО МИРА, КАК В ЭТУ ПОРУ. ЛИШЬ ПО ЕЕ ВОЛЕ Я ШАГАЮ ПО ЭТОЙ ЗЕМЛЕ. МНЕ ПОТРЕБОВАЛИСЬ ВСЕ СИЛЫ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ НЕОБХОДИМОЕ.*

– А Мистер Добряк? Эклипс? Зачем ты разделил нас?

– *ПОКА ТЫ СПАЛА, ИХ ПРИМАНИЛО СЮДА.*

Мия взглянула на темный берег, на сидевших у пруда спутников. Теперь, когда радость от встречи с Эшлин и изумление от встречи с Триком поубавились, она вновь ощутила тягу к этому месту, пульсирующую под ее кожей. Черную, дурманящую злобу, исходившую от черного пруда. Опустив взгляд на ноги, Мия увидела, что ее тень тянется к нему, несмотря на свет фонарика. И поняла, что хочет присоединиться.

– Больше никаких загадок, Трик. Объясни мне раз и навсегда, что здесь происходит.

– *ТЕБЯ ЭТО НЕ ОБРАДУЕТ.*

– Да говори уже, мать твою!

Бескровные губы Трика изогнулись в намеке на улыбку.

– *У ТЕБЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ СТРАННЫЕ СПОСОБЫ ЗАВОДИТЬ ДРУЗЕЙ, БЛЕДНАЯ ДОЧЬ.*

Сердце Мии заныло от этих слов, развеявших остатки сомнений, что этот призрак – ее старый друг. Она вспомнила время, проведенное вместе, принесенные друг другу клятвы, ощущения от его прикосновений...

– Пожалуйста, – прошептала она.

Безочажный юноша вдохнул поглубже, как перед длинной речью. Воздух вокруг них будто притих, шепчущие каменные лица и извивающиеся каменные руки наконец-то застыли. Его дреды покачивались, как сонные гадюки, потрепанный подол мантии плясал на ветру, который дул только на него.

– *Я ОЩУТИЛ НОЖ*, – Трик глянул на Эшлин. – *КОГДА ОНА ВОНЗИЛА ЕГО В МОЮ ГРУДЬ. ОЩУТИЛ ВЕТЕР, КОГДА ОНА СТОЛКНУЛА МЕНЯ С НЕБЕСНОГО АЛТАРЯ В ЧЕРНОТУ ПОД ТИХОЙ ГОРОЙ. НО Я НЕ ОЩУТИЛ, КАК ПРИЗЕМЛИЛСЯ.*

Мия вздрогнула, когда Эшлин взяла ее за руку. Осознала, что из-за морозного воздуха не чувствует пальцев. Казалось, будто весь мир затаил дыхание.

– *Я ОЧНУЛСЯ В МЕСТЕ БЕЗ КРАСОК*, – продолжил Трик. – *НО ВДАЛЕКЕ МЕЛЬКАЛ ОГОНЬ. ОЧАГ. Я ЗНАЛ, ЧТО ТАМ Я БУДУ В БЕЗОПАСНОСТИ. ЧУВСТВОВАЛ ЕГО ТЕПЛО, СЛОВНО РУКУ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ НА СВОЕЙ КОЖЕ.* – Призрак покачал головой. – *НО СДЕЛАВ К НЕМУ ПЕРВЫЙ ШАГ, УСЛЫШАЛ ГОЛОС ПОЗАДИ, РАЗДАВАВШИЙСЯ БУДТО ИЗДАЛЕКА.*

– Что он сказал? – прошептала Мия.

– *МНОГИЕ БЫЛИ ОДНИМ. И СТАНУТ СНОВА; ОДИН ПОД ТРЕМЯ, ЧТОБЫ ПОДНЯТЬ ЧЕТВЕРЫХ, ОСВОБОДИ ПЕРВОЕ, ОСЛЕПИ ВТОРОЕ И ТРЕТЬЕ.*

О Мать, чернейшая Мать, кем же я стала?

Желудок Мии скрутило при воспоминании о книге, которую дал ей летописец Элиус во время обучения в Красной Церкви. Она попросила у старика какой-нибудь учебник по даркинам, а он вернулся с потрепанным дневником в кожаном переплете.

– Дневник Клео, – сказала она. – В нем были похожие слова.

– *НЕТ*, – мертвый юноша покачал головой. – *ЭТИ СЛОВА ПРИНАДЛЕЖАТ НАЕ. ОНА ПЕЛА МНЕ ИХ В ТЕМНОТЕ, МУЗЫКА ЕЕ ОБЕЩАНИЙ ПОГЛОЩАЛА СВЕТ КРОШЕЧ-*

НОГО ОЧАГА И ВСЕ ЖЕЛАНИЕ СЕСТЬ У НЕГО. КОГДА ЕЕ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПОДОШЛА К КОНЦУ, МАТЬ ПОКАЗАЛА МНЕ ПУТЬ СКВОЗЬ ТЬМУ МЕЖДУ ЗВЕЗД. И ЧЕРЕЗ ХОЛОД СТОЛЬ ЯРОСТНЫЙ, ЧТО ОН ЖАЛИЛ, ЧЕРЕЗ ЧЕРНОТУ СТОЛЬ КРОМЕШНУЮ, ЧТО ОНА ПРОГЛОТИЛА МЕНЯ ЦЕЛИКОМ, Я ПРОГРЫЗ СЕБЕ ПУТЬ ОБРАТНО.

Трик задрал рукава мантии, и Мия увидела, что его руки и предплечья залиты чернотой, словно он опустил их по самые локти в чернила.

– *И СТАЛ.*

– Кем стал?

– *ЕЕ ДАРОМ ТЕБЕ*, – ответил он. – *ЕЕ ПРОВОДНИКОМ.*

Мия просто недоуменно покачала головой.

– *ТЫ ПОТЕРЯЛАСЬ. ВСЕ ТАК, КАК Я ГОВОРИЛ. ТВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ КАК СОЛНЦА, МИЯ. ОНО СЛУЖИТ ЛИШЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОСЛЕПЛЯТЬ ТЕБЯ.*

Она сглотнула и закончила фразу, которую он сказал ей в некрополе Галанте:

– Найди Корону Луны.

– ...Корону Луны? – ахнула Эшлин.

Услышав странные нотки в ее голосе, Мия обернулась.

– Это тебе о чем-то говорит?

Эшлин смотрела на Трика. Смотрела с таким же скепсисом, который чувствовала и Мия.

– ...Эш?

Та моргнула, поворачиваясь к Мие.

– Карта. Та, за которой меня послал Дуомо.

Мия сглотнула, вспоминая первый раз, когда она оказалась в постели с Эшлин. Сладкие поцелуи и сигаретный дым после. Длинные рыжие волосы, отброшенные в сторону, открыли замысловатую татуировку на спине возлюбленной. Кардинал Дуомо нанял Эшлин, чтобы найти карту в развалинах на побережье древнего Ашкаха. Но, остерегаясь предательства, она нанесла карту на свою плоть архимическими чернилами, которые поблекнут в случае ее смерти, – теми же чернилами, которыми наносили клеймо на щеку Мии. Из-за всего этого хаоса, случившегося после «Магни», у них не было времени поговорить об этом.

– Дуомо считал, что она ведет к оружию, – тихо сказала Эшлин. – Магике, которая уничтожит Церковь. Должно быть, Скаева и Духовенство тоже в это верили, иначе ни за что бы не послали *тебя*, Мия, украсть ее. Правды я не знаю. Знаю только то, что карта ведет глубоко в ашкахскую пустыню. К месту под названием «Корона Луны».

– *КУДА ТЫ И ДОЛЖНА НАПРАВИТЬСЯ*, – добавил Трик.

– Зачем? – потребовала ответа Мия. – Что, ради бездны, такое «Луна»? И почему мне должно быть не насрать на ее гребаную корону?

– *ТЫ – ИЗБРАННИЦА МАТЕРИ.*

– О, это полная *хрень*, – огрызнулась Мия. – Если я избранница нашей Леди Священного Убийства, почему мне приходится спасаться бегством от ее собственных гребаных ассасинов? Если я такая неебически особенная, почему мне пришлось жить по уши в крови и дерьме последние восемь лет?

– *КРАСНАЯ ЦЕРКОВЬ СБИЛАСЬ С ПУТИ*, – ответил Трик. – *А МАТЬ ОЧЕНЬ ДАЛЕКО ОТСЮДА, МИЯ. НО ОНА СДЕЛАЛА ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ, ЧТОБЫ НАПРАВИТЬ ТЕБЯ НА ВЕРНУЮ ДОРОГУ. ПОСЛАЛА ТЕБЕ СПАСЕНИЕ В ВИДЕ МЕРКУРИО В ДЕТСТВЕ. ПОСЛАЛА ТЕБЕ ДНЕВНИК КЛЕО ЧЕРЕЗ ЭЛИУСА. ПОСЛАЛА ТЕБЕ КАРТУ ЧЕРЕЗ...* – его взгляд метнулся к Эшлин, – *...НЕЕ. ПОСЛАЛА ТЕБЕ МЕНЯ. ТЫ ДАЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, СКОЛЬКО ПОТРЕБОВАЛОСЬ СИЛ, ЧТОБЫ ПОВЛИЯТЬ НА ЭТОТ МИР ИЗ СТЕН ЕЕ ТЮРЬМЫ. ОДНАКО, ПУСТЬ МАЛЫМИ СИЛАМИ, ОНА ОКАЗАЛА ТЕБЕ ВСЮ ПОМОЩЬ, КОТОРУЮ МОГЛА.*

– Но почему? Почему я?

Трик сложил черные пальцы перед губами, глядя на нее долгие, тихие секунды.

– *ПОНАЧАЛУ БРАК НАИ И АА БЫЛ ВПОЛНЕ СЧАСТЛИВЫМ*, – наконец выдал он. – *СВЕТ И НОЧЬ ПОРОВНУ ДЕЛИЛИ ВЛАСТЬ НАД НЕБЕСАМИ, ЗАНИМАЯСЬ ЛЮБОВЬЮ НА РАССВЕТЕ И ЗАКАТЕ. НО, ОПАСАЯСЬ СОПЕРНИКОВ, АА ПРИКАЗАЛ НАЕ НЕСТИ ЕМУ ТОЛЬКО ДОЧЕРЕЙ, И ТА ПОСЛУШНО РОДИЛА ЧЕТВЕРЫХ – ЛЕДИ ОГНЯ, ЗЕМЛИ, ОКЕАНА И БУРЬ. НО В ДОЛГИЕ И ХОЛОДНЫЕ ЧАСЫ ТЕМНОТЫ НАЯ СКУЧАЛА ПО МУЖУ И, ЧТОБЫ ОБЛЕГЧИТЬ БРЕМЯ ОДИНОЧЕСТВА, ПОРОДИЛА НА СВЕТ МАЛЬЧИКА.*

Трик посмотрел на черный пруд позади Мии и с грустью добавил:

– *НОЧЬ НАЗВАЛА СВОЕГО СЫНА АНАИС.*

– И за ее преступление Аа изгнал Наю с небес, – закончила Мия, начиная терять терпение. – Это детская сказка, ее все знают. Какое она имеет отношение ко мне?

Трик показал пальцем на пруд; гладкая черная поверхность, словно зеркало, отражала потолок. И в этом зеркале Мия увидела бледный шар, парящий во тьме, как дым.

– *В ДРЕВНЕАШКАХСКОЙ ИМПЕРИИ АНАИС БЫЛ ИЗВЕСТЕН ПОД ДРУГИМ ИМЕНЕМ.*

Мия взглянула на сияющую сферу – ту же, которую видела, когда убила Фуриана на арене Годсгрейва... и почувствовала, что ее тень стала темнее.

– Луна, – озарило ее.

Трик кивнул.

– *ОН БЫЛ ПОЖИРАТЕЛЕМ СТРАХА. ДНЕМ ВО ТЬМЕ. ОН ОТРАЖАЛ СВЕТ ОТЦА И ОСВЕЩАЛ НОЧЬ МАТЕРИ. НАУЧИЛ ПЕРВЫХ ДРЕВНЕАШКАХСКИХ КОЛДУНОВ ТАЙНЫМ ИСКУССТВАМ. БОГ МАГИКИ, МУДРОСТИ И ГАРМОНИИ, КОТОРОМУ ПОКЛОНЯЛИСЬ БОЛЬШЕ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ. БЕЗ СВЕТА НЕ УВИДИШЬ ТЕНЬ, НОЧЬ ВСЕГДА СМЕНЯЕТ ДЕНЬ, МЕЖДУ ЧЕРНЫМ И БЕЛЫМ...*

– Есть серый... – пробормотала Мия.

– *ОН УРАВНОВЕШИВАЛ НОЧЬ И ДЕНЬ. БЫЛ ПРИНЦЕМ ЗАКАТА И РАССВЕТА. ИСПУГАВШИСЬ ЕГО РАСТУЩЕЙ СИЛЫ, ВСЕВИДЯЩИЙ РЕШИЛ УБИТЬ СВОЕГО ЕДИНСТВЕННОГО СЫНА.*

Пока Трик говорил, рельефы вновь пришли в движение. Каменные руки пытались закрыть незрячие глаза. Рты в ужасе раскрылись. Шар в пруду изменился, принял острую серповидную форму и закапал кровью. Мия могла поклясться, что на задворках ее сознания раздавались голоса. Тысячи голосов, но их слова было невозможно разобрать.

И все они кричали.

– *АА НАНЕС УДАР, ПОКА АНАИС СПАЛ*, – продолжил Трик. – *ОН ОТРЕЗАЛ СЫНУ ГОЛОВУ И СКИНУЛ ЕГО ТЕЛО С НЕБЕС. ТРУП АНАИСА РУХНУЛ НА ЗЕМЛЮ, РАЗРУШАЯ ЕЕ НА ЧАСТИ И ПОГРУЖАЯ ВЕСЬ МИР В ХАОС. АШКАХСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ВОСТОКЕ БЫЛА ПОЛНОСТЬЮ УНИЧТОЖЕНА. А НА ЗАПАДЕ, ТАМ, ГДЕ УПАЛО ТЕЛО, АА ПРИКАЗАЛ СВОИМ ПОСЛУШНИКАМ ПОСТРОИТЬ ХРАМ ВО ИМЯ ЕГО СЛАВЫ. ЭТОТ ХРАМ СТАЛ ГОРОДОМ, А ЭТОТ ГОРОД СТАЛ НОВЫМ СЕРДЕМ ЕГО ВЕРЫ.*

– Ребра, – Эш посмотрела на меч из могильной кости на своем поясе. – Хребет.

– Это место... – поняла Мия, озираясь.

Трик кивнул.

– *БОЖЬЯ МОГИЛА.*

С колотящимся сердцем и пересохшим ртом, Мия представила иллюстрацию, найденную в конце дневника Клео – карту Итреи до восхождения республики. Залив Годсгрейва отсутствовал, вместо столицы Итреи был полуостров, выступающий в Море Безмолвия. И прямо там кроваво-алыми чернилами были выведены три слова.

– Сюда он упал... – прошептала она.

– СЮДА ОН УПАЛ, – кивнул Трик. – *НО БОГА НЕ ТАК ПРОСТО УБИТЬ. И МАТЬ ОСТАВЛЯЕТ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ЕЙ НУЖНО. ДУША АНАИСА НЕ УГАСЛА.*

Он медленно вдохнул, словно перед глубоким погружением.

– *ОНА РАЗДРОБИЛАСЬ.*

Его бездонные глаза сфокусировались на Мие.

– *НЕКОТОРЫЕ КУСОЧКИ СОБРАЛИСЬ ЗДЕСЬ, В ПОЛОСТИ ПОД ПЛОТЬЮ ГОРОДА. ТА ЧАСТЬ, ЧТО ПРИШЛА В НЕИСТОВУЮ ЯРОСТЬ. ТА, ЧТО НЕНАВИДЕЛА. ТА, ЧТО ЖЕЛАЛА ВСЕМУ ТОГО ЖЕ КОНЦА, КОТОРЫЙ ПОСТИГ ЕГО.* – Призрак взглянул на Мистера Добряка и Эклипс, наблюдавших за ним своими не-глазами. – *СО ВРЕМЕНЕМ ОСТАЛЬНЫЕ ОСКОЛКИ ОБРЕЛИ СОБСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ВЫПОЛЗЛИ ИЗ ТЯСИНЫ ПОД ЕГО МОГИЛОЙ. ОТРЕЗАННЫЕ ОТ ЕДИНОГО ЦЕЛОГО И НЕ ЗНАЮЩИЕ, КТО ОНИ, ЭТИ ОСКОЛКИ ИСКАЛИ СЕБЕ ПОДОБНЫХ. ПОГЛОЩАЯ СТРАХ, КАК НЕКОГДА АНАИС, И ПРИНИМАЯ ОБЛИЧЬЕ И МАНЕРЫ ТОГО, В КОМ НАХОДИЛ УТЕШЕНИЕ ИХ ХОЗЯИН.*

– Демоны, – сказала Мия. – Спутники.

Оне не сводил крошечные-черные глаз с девушки.

– *И НАКОНЕЦ, САМЫЕ КРУПНЫЕ ФРАГМЕНТЫ ЦЕЛОГО, ЧАСТИ, КОТОРЫЕ БЫЛИ СИЛЬНЕЕ ОСТАЛЬНЫХ, ПРОНИКЛИ В...*

– Людей... – выдохнула Эшлин.

– Даркинов, – добавила Мия.

Трик кивнул.

– *НО В ГЛУБИНЕ ДУШИ ВСЕ ВЫ – ДЕМОНЫ И ДАРКИНЫ – ОДИНАКОВЫ. ВЫ ИЩЕТЕ НЕДОСТАЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ САМИХ СЕБЯ. СТРЕМИТЕСЬ ВОССОЕДИНИТЬ РАЗБРОСАННЫЕ ФРАГМЕНТЫ РАЗБИТОГО БОГА.*

Эклипс фыркнула.

– *...Это какое-то безумие...*

– *...Не хочу вас пугать, но я согласен с дворняжкой...*

– *ВЗГЛЯНИ НА СВОЮ ТЕНЬ, МИЯ. ЧТО ТЫ ВИДИШЬ?*

Мия посмотрела на тьму у своих ног. Она, как и тень Йоннена, тянулась к пруду черной крови. Но хотя ее спутники сидели на берегу напротив, она по-прежнему была...

– Достаточно темная для двоих, – сказала Мия.

– *ТОЧНО ТАК ЖЕ БЫЛО С КЛЕО. ОНА ТОЖЕ УЗНАЛА ПРАВДУ О СВОЕЙ СУЩНОСТИ. ИЗБРАННАЯ МАТЕРЬЮ, ОНА ПУТЕШЕСТВОВАЛА ПО ИТРЕЕ, ПЫТАЯСЬ СОЕДИНИТЬ РАЗБИТЫЕ ОСКОЛКИ ДУШИ АНАИСА. У НЕЕ СОБРАЛСЯ ЦЕЛЫЙ ЛЕГИОН СПУТНИКОВ. КЛЕО ИСКАЛА ПОДОБНЫХ СЕБЕ И...*

– Пожирала их, – закончила Мия, вспоминая содержимое дневника.

– *ПОГЛОЩАЛА ФРАГМЕНТЫ ЕГО ЕСТЕСТВА И ПРИСОЕДИНЯЛА ИХ К СВОЕМУ.*

Мия нахмурилась.

– Значит, фрагмент, который находился в Фуриане...

– *ТЕПЕРЬ ЧАСТЬ ТЕБЯ. УБИВ ФУРИАНА СОБСТВЕННОЙ РУКОЙ, ТЫ ЗАБРАЛА ЕГО СЕБЕ. СОЕДИНИЛА ДВА ЭЛЕМЕНТА В ОДНО ЦЕЛОЕ. МНОГИЕ БЫЛИ ОДНИМ. И СТАНУТ СНОВА.*

– Но лорд Кассий погиб прямо у моих ног. Я не стала от этого сильнее.

– *КАССИЯ УБИЛ НЕ ДАРКИН. ФРАГМЕНТ, КОТОРЫЙ НАХОДИЛСЯ В НЕМ, НАВЕКИ УТЕРЯН. В КОНЦЕ КОНЦОВ ДАЖЕ БОГИ МОГУТ УМЕРЕТЬ.*

Пульс Мии отчаянно бился в жилах, ее живот превратился в скользкий комок льда. Она чувствовала злобу, исходящую от почерневшего пруда, ярость в воздухе вокруг. Наконец-то все встало на свои места. Та же ярость коснулась ее во время Резни в истинотьму; в ночь, когда она впервые по-настоящему управляла своей силой. Разрывая Философский Камень на

части. Бурей влетая в Гранд Базилику и разрушая гигантскую статую Аа. Принимая черноту и горький гнев в костях этого города.

Это была ярость ребенка, которого предал тот, кто должен был любить его больше всего на свете.

Ярость сына, убитого собственным отцом.

Бездонные глаза мертвого юноши буравили ее собственные.

– В дневнике Клео... говорилось, что она была беременна, – сказала Мия.

– ...*Она была безумна, Мия...* – прорычала Эклипс.

– Вся эта история звучит как безумие, – выдохнула она.

– *НЕТ*, – возразил Трик. – *ЭТО...*

– ...*Судьба?*.. – фыркнул Мистер Добряк.

Трик обратил свой темный взгляд на тенистого кота.

– *ЕСЛИ ЕЙ ХВАТИТ СМЕЛОСТИ ИСПОЛНИТЬ ЕЕ.*

– ...*Это какой-то темнейший оттенок бреда...*

– ...*Вы действительно хотите, чтобы я поверила, что эта глупая киса – бог?*.. – рыкнула Эклипс.

– *ДУША АНАИСА РАЗДРОБИЛАСЬ НА СОТНИ ОСКОЛКОВ. ИЗ ВАС ТАКИЕ ЖЕ БОГИ, КАК ИЗ КАПЛИ ВОДЫ ОКЕАН. НО ВЫ НАВЕРНЯКА ЧУВСТВУЕТЕ СВЯЗЬ ДРУГ С ДРУГОМ. РАЗВЕ ВАС НЕ ПРЕСЛЕДУЕТ ОЩУЩЕНИЕ... НЕКОЙ НЕПОЛНОТЫ?*

Мия понимала, о чем говорил безочажный. О тошноте и голоде, которые она всегда испытывала в присутствии Кассия, Фуриана, а теперь и Йоннена. Она чувствовала себя более целой, когда Эклипс и Мистер Добряк седлали ее тень. А с тех пор, как Фуриан пал от ее руки, она стала сильнее.

Тем не менее это казалось чистым безумием – все эти разговоры о раздробленных богах, разбитых душах и о возрождении равновесия между светом и тьмой.

– *МИЯ, ТЫ ДОЛЖНА ВОССТАНОВИТЬ ТО, ЧТО БЫЛО РАЗРУШЕНО. ТЫ ДОЛЖНА ВЕРНУТЬ МАГИКУ В ЭТОТ МИР. ВЕРНУТЬ РАВНОВЕСИЕ МЕЖДУ НОЧЬЮ И ДНЕМ, КАК БЫЛО ИЗНАЧАЛЬНО. КАК БЫЛО СУЖДЕНО. ОДНО СОЛНЦЕ. ОДНА НОЧЬ. ОДНА.*

Мия показала на черный пруд.

– Если я должна найти кусочки его души, это неплохое начало.

– *НЕТ*, – Трик покачал головой. – *ЭТО – ЯРОСТЬ АНАИСА. ЕГО ГНЕВ. ЧАСТЬ, КОТОРАЯ ВСЕГДА ПРЕБЫВАЛА ВО ТЬМЕ И МУЧИЛАСЬ, КОТОРАЯ ЖАЖДЕТ ТОЛЬКО РАЗРУШАТЬ. ТЫ ДОЛЖНА ВОССТАНОВИТЬ МИР, А НЕ УНИЧТОЖИТЬ ЕГО. ВОТ ТВОЯ ЦЕЛЬ.*

Мия прищурилась.

– Моей *целью* было отомстить за семью. Убить Рема, Дуомо и Скаеву. И я это сделала, прожив восемь гребаных лет по уши в крови и дерьме. Сделала без участия твоей драгоценной Матери.

– Мия... – пробормотала Эшлин.

– Красная Церковь схватила Меркурио, Трик. Одна Пасть знает, чего они хотят от него, но он в их руках. Вероятно, они знают, что он помог мне убить Скаеву. Я должна...

– Мия, – настойчивее повторила Эш.

Она повернулась к своей возлюбленной и увидела страх в ее прекрасных голубых глазах.

– Что такое?

– Я должна кое-что сказать тебе... О Скаеве.

– Ну, так говори.

– ...Тебе лучше присесть.

– Ты издеваешься? – Мия фыркнула. – Выкладывай, Эшлин.

Ваанианка закусила губу. Сделала глубокий, порывистый вдох.

– Он жив.

Глаза Йоннена округлились, маленький рот приоткрылся. Сердце Мии пропустило удар, живот затопил жуткий страх, от которого она стала холоднее мертвого юноши позади нее.

– О чем ты говоришь? – прошипела Мия. – Я пронзила его ребра клинком из могильной кости. Разрезала его ебаное сердце на части!

Эш покачала головой.

– Это был двойник, Мия. Актер, преображенный ткачихой Мариэль, чтобы он *выглядел* как Скаева. Консул был в сговоре с Красной Церковью, и они с самого начала знали о нашем плане победить в «Магни». Они *хотели*, чтобы ты убила Дуомо. Скаева воспользуется публичным убийством кардинала, чтобы получить постоянные чрезвычайные полномочия. Он станет королем Итреи, хотя и без титула.

В голове Мии все поплыло. Сердце вырывалось из груди. Кожа покрылась пленкой ледяного пота.

Неужели это правда?

Неужели он предвидел ее действия?

Неужели она была так слепа?

Ее ноги подкашивались. Голова кружилась от усталости, потери крови и яда Солиса, по-прежнему снующего по венам. Мия глянула на Йоннена и увидела триумф в его черных глазах. Она была так осторожна. Так уверенна. Она помнила свое ликование, когда клинок пронзил грудь Скаевы; умопомрачительную радость, когда его кровь забрызгала ей подбородок и губы – такая теплая, густая и прекрасно алая.

– О, Богиня...

Мия всмотрелась в Эшлин, отчаянно пытаясь уличить ее во лжи, в уловке.

– Откуда ты знаешь?

– Скаева сам мне рассказал. Когда меня схватили в часовне. И, Мия... он рассказал кое-что еще, – Эш с трудом сглотнула, ее голос дрожал. – Но я не хочу причинять тебе боль. Не хочу произносить эти слова, зная, что они с тобой сделают.

– Я думала, все кончено... – На глаза Мии нахлынули горькие слезы, но она слишком устала, чтобы подавить их. – Восемь г-ребаных лет. Я... я вправду позволила себе поверить, что все закончилось.

Она упала на колени в море кричащих лиц, испытывая искушение присоединиться к ним.

– Что может быть хуже?

– О Богиня, прости меня...

Эшлин присела на камень рядом с ней. Взяла Мию за руки и глубоко вдохнула.

– Мия...

Та покачала головой, по ее щекам покатились слезы.

– Мия... он твой отец.

Глава 6. Император

Мия сидела на черном берегу, в ее голове боролись три цвета.

Первый – алый, как кровь. Алый, как ярость. Он сжимал ее руки в кулаки. Наполнял до краев, от макушки до пальцев ног. Побуждал ругаться, плевать огнем и топтать эти измученные каменные лица. Поддаться ему, пусть и временно, было бы блаженством, как и дать волю своему прославленному темпераменту. По крайней мере, теперь Мия знала его происхождение.

Парящая в воздухе вокруг, в городе наверху, меняющая архитектуру под ее плотью.

Всю ее жизнь.

Злость погребенного бога.

Второй цвет – серо-стальной. В ее живот, словно нож, проскальзывало подозрение, холодное и жестокое. На миг она даже взмолилась, чтобы все это оказалось обманом – манипуляциями мужчины, который всегда был на три шага впереди. Но в темных глубинах своей души Мия знала правду. То, как смотрел на нее Скаева в ту перемену, когда ворвался в дом ее матери. В перемену, когда он вытянул руку и забрал весь ее мир. Блеск в его глазах, когда он опустил на нее взгляд и его улыбка стала темной, как синяк.

«Хочешь знать, что греет меня по ночам, малышка?»

И так ярость погубила подозрение. Утопила в багровом потоке.

Но за стальным серым подозрением пришла скорбь. Черная, как штормовые тучи. Обращая ее проклятия во всхлипы, а злость в слезы. Мия легла на этом безмолвном, кричащем берегу и расплакалась. Как ребенок. Как гребаное дитя. Позволив своей скорби, своему ужасу, своим страданиям срываться с губ и литься по щекам, пока глаза не стали красными, как кровь, а горло не засадило.

Дарий Корвере. Судья люминатов. Лидер Восстания Царетворцев. Мужчина, который дарил ей головоломки на Великое Подношение, который читал ей сказки перед сном, чья щетина щекотала ей щеки, когда он целовал ее и желал сладких сновидений. Мужчина, который поставил ее ножки на свои и закружил по мерцающему бальному залу.

«Я люблю тебя, Мия».

«И я тебя».

«Обещай, что всегда будешь помнить об этом. Что бы ни случилось».

Мужчина, которого она обожала, мужчина, которого оплакивала, мужчина, отлучению за которого она посвятила восемь лет жизни. Мужчина, которого она звала отцом.

Хотя он и близко им не являлся.

Эшлин сидела возле нее все то время, что она плакала, ласково обнимая за талию и прижимаясь прохладным лбом к ее спине. Мистер Добряк и Эклипс тоже были рядом, молча наблюдая за хозяйкой. Йоннен смотрел на нее с новообретенным замешательством, мерцающим в бездонных глазах. Черных, как вороново перо. Черных, как истинотьма.

Прямо как у Скаевы.

«Прямо как у меня».

– Его жена не может рожать детей, – пробормотала Эшлин нутужным от горя голосом. – Жена Скаевы, я имею в виду. Полагаю, поэтому он и забрал Йоннена... после...

– Всем хорошим королям нужны сыновья, – прошептала Мия. – А вот дочери – не особо.

– Мне жаль, милая, – Эшлин прижала исцарапанные и кровоточащие костяшки пальцев Мии к своим губам. – Черная Мать, мне так жаль...

Эклипс подошла ближе и обернулась полупрозрачным телом вокруг талии Мии, уложив голову ей на колени. Мистер Добряк устроился у нее на плечах, укрываясь волосами и похозяйски обвивая хвостом ее грудь. Мия нашла утешение в их дымчатом холоде, в легких,

как шепот, прикосновениях, в объятиях Эш. Но вскоре ее взгляд притянул черный пруд. В воздухе витала тяжелая медная вонь крови. Мия снова посмотрела на свои пустые руки, на своих спутников, на свою тень, которая была темнее, чем когда-либо.

«Многие были одним. И станут снова?»

Покосилась на безочажного юношу. Его взгляд теперь был сосредоточен на Эшлин. На их переплетенных с Мией пальцах. Она помнила, что однажды эти черные глаза были карими. Что однажды эти пальцы ласкали ее в местах, к которым никто не смел прикасаться.

В ее ушах по-прежнему звучало его откровение. Тяжесть правды, которую она искала все эти годы, теперь придавливала плечи. Она все еще не могла в это поверить полностью – даже с воспоминанием о Резне в истинотьму, поющим в голове, с силой и гневом, которыми она управляла играючи, с тенями, режущими, словно мечи в ее руках. Мия убила столько людей, поддавшись ярости, которая подпитывала ее все эти годы, мили и бессонные неночи.

Теперь все это вновь восставало, выползало к ней из черного пруда. Как токсин. Как наркотик. Поглощая черноту скорби волнами старого доброго алого.

Если злиться, не нужно думать.

Если злиться, можно просто *действовать*.

Охотиться.

Ранить.

Убивать.

Этот ублюдок. Этот паук в центре всей прогнившей гребаной паутины. Мужчина, который приговорил ее мать к смерти в Философском Камне, который приказал утопить ее, который воспользовался ею, чтобы избавиться от конкурентов и, в итоге, оказаться на расстоянии вытянутой руки от гребаного трона. Мужчина, который все эти годы манипулировал ею изда- лека, выворачивал ее наизнанку, превращал ее в...

Она посмотрела на свои дрожащие руки.

«В это».

И посему Мия отдалась на волю злости. Позволила ей задушить скорбь внутри себя. И прошептала во тьму:

– Если он хочет убийцу, то убийцу и получит.

Эш моргнула.

– Что?

Мия встала, скривившись, и протянула руку.

– Верни мне меч, Эш.

Та опустила взгляд на клинок на своем поясе, который забрала из покоев Мии в часовне Годсгрейва. Он был сделан из могильной кости, острый, как солнечный свет, и с рукоятью, изображавшей ворону в полете. Когда-то он принадлежал Дарию Корвере, но Марк Рем забрал его из Вороньего Гнезда. В отместку Мия убила его – перерезала ему глотку в пыльной дыре на побережье Ашкаха и вернула меч себе.

Отомстив за отца, как она думала.

«Я люблю тебя, Мия».

«И я тебя».

– Дай его мне, – потребовала Мия.

– Зачем?

– Потому что он мой.

– Мия... – Эш поднялась на ноги, ее голос был бархатным, наполненным настороженно- стью и заботой. – Мия, что бы ты ни задумала... ты истощена. Ранена. То, что нам рассказал Трик... это нелегко...

– Отдай мне *ебаный* меч, Эшлин! – перешла на крик Мия.

Тени взмыли по стенам, тьма зазвенела в ее голосе и превратила его в гулкую сталь. Пульсирующая чернота крючилась у ее ног, изображая безумные каракули и фигуры. Янтарные глаза вороны на рукояти блеснули в призрачном свете. Пруд позади Мии покрылся рябью, словно поцелованный крошечным камешком.

Веснушчатое лицо Эшлин побледнело. Мия заметила, что она даже трепещет. Но ваанианка все равно стояла на своем. Со сцепленными зубами и сжатыми кулаками, чтобы скрыть дрожь. Давая Мие отпор, на который больше никому не хватало духу.

– Нет, – ответила она.

– Эш, предупреждаю тебя... – рыкнула Мия.

– Предупреждай сколько влезет. – Девушка вдохнула поглубже. – Я знаю, что ты злишься. Знаю, что ты обижена. Но тебе нужно *подумать*.

Она махнула рукой на тьму позади и под ногами Мии.

– Вдали от этого проклятого пруда. С отмытыми от крови руками, сигариллой и неночью здорового сна между тобой и всем этим дерьмом.

Мия нахмурилась, но стали в ее взгляде поубавилось.

– Отдай мне меч, Эшлин.

Ваанианка протянула руку и ласково провела пальцем по грубому шраму на щеке Мии. По изгибу губ. Выражение ее глаз растопило сердце Клинки.

– Я люблю тебя, Мия. Даже ту часть, что пугает меня. Но ты достаточно натерпелась за одну перемену. Я не позволю, чтобы тебе снова причинили боль.

На глаза Мии накатили слезы. Из-под алого всплыл черный. Вокруг нее высились стены, готовые обрушиться в любой момент. Ее руки неуверенно приподнялись, словно отчаянно жаждали объятий, но не решались попросить о них. Пробормотав сожаления и глянув на безочажного юношу, наблюдавшего за ними, Эшлин шагнула вперед и обвила Мию руками. Поцеловала ее в лоб, прижала крепче, и Мия растаяла в ее объятиях.

– Я люблю тебя, – прошептала Эш.

– Прости меня, – выдохнула Мия ей в волосы, глядя девушку по спине.

– Все нормально.

– Нет. – Руки Мии спустились к талии Эш, пальцы задели рукоять меча. А затем она театральным жестом выхватила его из ножен и отстранилась от Эшлин. – Не нормально.

– Ты... – Глаза Эшлин округлились, рот приоткрылся. – Ты... гребаная...

– Сука?

Мия покрутила меч в руке и вытерла слезы грязным рукавом.

– Да. Но я умная гребаная сука.

Она повернулась к Трику и, шмыгнув, сплюнула на пол.

– Как мне отсюда выбраться?

– **ТЫ ДОЛЖНА ПРИСЛУШАТЬСЯ...**

– Я ничего не должна, – огрызнулась Мия. – Юлий Скаева в Годсгрейве, ты понимаешь это? *Настоящий* Юлий Скаева. Сотня тысяч людей видела, как его зарезал клинок ассасина. Он должен показаться перед народом, чтобы продемонстрировать, что все в порядке, прежде чем город вспыхнет пламенем. Его двойник мертв. Так ты покажешь мне выход из этой ебаной дыры или оставишь бродить в темноте, играя в прятки? Поскольку, так или иначе, но я вернусь в Годсгрейв.

– Я помню дорогу, – раздался тихий голос.

Мия повернулась к брату, стоявшему на черном берегу в своей фиолетовой тоге. Мальчик наблюдал за ней большими темными глазами, явно не понимая, что о ней теперь думать. Он не хотел верить, что они родственники, это было очевидно. Но если Эш не соврала, и его отец действительно жив, тогда *все* это может быть правдой. Когда Мия была просто убийцей его отца, все казалось просто – она враг, ненавистный и внушающий страх. Но теперь, когда

Йоннен понял, что его отец по-прежнему жив, что он чувствовал к сестре, которую никогда не знал?

– Помнишь? – переспросила она.

Мальчик кивнул.

– Моя память острее мечей. Все учителя так говорят.

Мия протянула брату руку.

– Тогда веди.

Он поднял на нее взгляд, в его глазах витали подозрения и голод. Но затем, очень медленно, взял ее за руку. Мистер Добряк сел на плече Мии, тихо мурча, Эклипс крутилась у ее щиколоток. Девушка подняла фонарик из могильной кости и шагнула во тьму, но Трик преградил ей дорогу. Возвышаясь над ней, как прекрасный бескровный призрак из сказки, рассказываемой у очага.

Его тело источало холод, хотя когда-то Мия жаждала его тепла. Ее взгляд поднялся по алебастровой линии его шеи к волевому подбородку и небольшой ямочке на щеке. Бледной, как молоко. Бледной, как смерть.

– Ты сказал, что Мать послала тебя быть моим проводником. Так показывай дорогу.

– *ЭТО НЕ ТВОЙ ПУТЬ, МИЯ,* – тихо ответил Трик. – *ЭШЛИН ГОВОРИТ ПРАВДУ. ТЫ РАНЕНА. РАССЕРЖЕНА. ТЕБЕ НУЖНО ОТОСПАТЬСЯ, НОРМАЛЬНО ПОЕСТЬ И ПРОСТО ОТДЫШАТЬСЯ.*

– Трик, ты помнишь, чтобы, когда мы были аколитами, ты мог отговорить меня от того, что я отчаянно хотела сделать, воззвав к моему здравому смыслу?

Юноша наклонил голову.

– ...*НЕТ.*

Мия кивнула.

– Я тоже. Так что показывай дорогу или свали с нее на хрен.

Трик покосился на Эшлин. В воздухе вокруг них звучала песнь убийства. Пруд слабо бурлил от тихой ярости. Затем он посмотрел в глаза Мие. Бездонно-черные. Совершенно непроницаемые. И, в конце концов, шумно выдохнул морозный воздух.

– *СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ.*

– На Форум!

На каждом мосту стояли глашатаи, на каждой мощеной улочке – мальчики на побегушках. Их крики разносились по оживленным дорогам и тавернам, через каналы от Низов до Рук и обратно. Весь Годсгрейв стоял на ушах.

– На Форум!

Пока они были под городом, наверху попытался пустить корни хаос, и Мия чувствовала запах крови и дыма в воздухе. Но когда они вышли из туннелей под некрополем Годсгрейва, оказалось, что анархия пока не началась. Улицы патрулировали люминаты и солдаты, расталкивая горожан щитами и дубинками. Группы больше дюжины человек быстро разбивали, вместе с носами тех, кто возражал слишком активно. Похоже, легион заранее предупредили о беспорядках – будто бы консул предвидел хаос после завершения игр.

«Всегда на шаг впереди, ублюдок...»

А теперь по улицам неслась весть. Паря над балконами и терракотовыми крышами, звонко пролетая над каналами. Обрывая слухи, унимая волнение и обещая ответы, которых жаждали все жители.

Кардинала действительно убили? И консула тоже?

Спаситель республики скончался от клинка простой рабыни?

Мия украла с веревки для сушки белья плащ и какую-то тряпку, чтобы обмотать ею лицо и скрыть шрам и рабское клеймо. Потом они пошли по Правой Руке и спустились к Сердцу –

Эшлин справа, Трик слева, Йоннен у нее на руках. Ее мышцы ныли от веса мальчишки, спина протестовала. И пусть она уже не убийца его отца, Мия все равно оставалась похитительницей, именующей себя его давно потерянной сестрой. Мия предполагала, что он попытается вырваться при первой же возможности. И даже если бы она не боялась, что этот хитрый мелкий засранец сбежит, ей все равно не хотелось его отпускать. Она не могла потерять его вновь.

Не после всего этого.

С Эклипс и Мистером Добряком, оседлавшими его тень, мальчик выглядел более спокойным и наблюдал за ней затуманенным взором, пока они пробирались по улицам Годсгрейва, по извилистым мощеным переулкам, через широкие площади района костеродных, приближаясь к Форуму. Толпа вокруг них была разгорячена, объята страхом, любопытством и скрытой жадой насилия. Мия увидела вспышки спрятанных клинков. Блеск оскаленных зубов. Зачатки разрушения, которое могло начаться от одного косого взгляда, одного неловкого слова.

Каждая обида. Каждый раб, каждый сердитый плебей, каждый недовольный со своими претензиями. Она видела, какая она хрупкая – эта так называемая «цивилизованность». Видела злость, кипящую в сердце этого города. Годсгрейв превратился в бочку чудно-стекла, замотанную промасленными тряпками. Одна искра – и все вспыхнет огнем.

На Форуме, в паре сотен метров от первого Ребра, улицы были так переполнены, что передвигаться стало попросту невозможно. На дорогах и мостах толпились разношерстные люди – юные и старые, богатые и бедные, итрейцы, лиизиианцы, ваанианцы и двеймерцы. Мия и ее друзья решили не толкаться в толпе и скользнули к величественной статуе Всевидящего в самом центре Форума.

Эта пятнадцатиметровая глыба, вырезанная из чистого мрамора, возвышалась над толпой. На вытянутой руке Аа покоились три архимических шара, символизирующие три солнца. В другой он держал могучий меч. Когда ей было четырнадцать и наступила истинотьма, Мия уничтожила эту статую, но Скаева приказал восстановить ее, выделив на это собственные деньги. Очередной благочестивый жест, чтобы купить любовь жителей.

Мия передала Йоннена Трику, и они вчетвером забрались на Всевидящего, приметив местечко в больших складках на мантии. Оттуда окинули взглядом толпу внизу.

– Черная Богиня, только взгляните на них, – выдохнула Эшлин.

Мия только успевала пялиться. Толпа, перед которой она дралась на арене «Венатус Магни», была огромной, но, похоже, на весть сбежались абсолютно все жители Годсгрейва. Над ними вырастали Ребра – шестнадцать костяных арок, сверкающих белизной и тянущихся к небу. Солдаты и люминаты проталкивались сквозь толпу, разбивая зазевавшимся головы и держа порядок за горло. В воздухе пахло отчаянием и страхом, как кровью на бойне. Но, по крайней мере, на их насест никто не посягал – Трик, судя по всему, страдал не меньше Мии в жаре истиносвета, однако его неприятный холод отпугивал людей.

Мия прищурилась в ярком свете трех солнц. Путь из подземья был долгим и без слов, дорога вела через сотню извилистых коридоров и поворотов. Она понятия не имела, как долго они шли, – время казалось несущественным в полной тьме под плотью города. Но теперь ее снова манило вниз. К черному пруду. К безмолвным, плачущим лицам. Мия скучала по ним точно так же, как по Мистеру Добряку с Эклипс, когда тем приходилось отлучаться. Скучала, как по отрубленному кусочку себя.

«Многие были одним».

Девушка отмахнулась от этой мысли. Сосредоточилась на ярости. Побелевшими костяшками пальцев она сжимала рукоять меча из могильной кости. Все это – Луна, Ная, Клео, Меркурио с Эшлин и Триком – не имело гробаного значения.

«Пока этот ублюдок жив».

Прозвучали фанфары, такие звонкие и раскатистые в истиносвете. Солнца в небе, как живые существа, опаляли ей плечи, давили ее своим светом, как червяка под подошвой. Един-

ственным спасением служили тени в складках мантии Всевидающего, и Мия цеплялась за них, как ребенок за юбку матери. Но при звуке фанфар она выпрямилась и, прищурившись, посмотрела на большую сцену в кругу высоких колонн, увенчанных статуями известных сенаторов. Сам Сенатский Дом находился чуть западнее, весь из рифленых колонн и полированной кости. Южнее маячило первое Ребро, на балконе консульского палаццо толпились люминаты в броне из могильной кости и сенаторы в зеленых лавровых венках и белых тогах с фиолетовой отделкой.

Трубы гудели долго и громко, чтобы пресечь крики, ропот и неуверенность, зреющую в Городе мостов и костей. По правде говоря, Мия никогда по-настоящему не задумывалась о последствиях своего плана с «Магни», не загадывала дальше смерти Дуомо и Скаевы. Но как только пошли слухи о смерти консула, весь Годсгрейв оказался на грани катастрофы.

Что бы произошло, если бы консул действительно погиб?

Что стало бы с этим городом, всей республикой, если бы Мия отсекла ей голову? Возможно, какое-то время республика бы просто билась в конвульсиях, а затем отрастила себе новую? Или, подобно богу, падшему от руки своего отца, разбилась бы на тысячу осколков?

– Милостивый Аа! – раздался крик откуда-то с улицы. – Смотрите!

Затем с крыши позади:

– Четыре Дочери, это он?!

Сердце Мии ушло в пятки. Щурясь от ослепительного света, она присмотрелась к балкону консульских покоев. Люминаты и сенаторы расступились в стороны.

«О Богиня.

О милосердная Черная Мать».

Его фиолетовая тога была по-прежнему испачкана в крови, золотой венок пропал. Плечо и шея перевязаны бинтом, пропитавшимся алым. Лицо бледное, волосы с проседью намочили от пота. Но его было ни с кем не перепутать. Мужчина вышел вперед и поднял руки, как пастух перед стадом овец, выпрямляя три пальца в знаке Аа.

– Отец... – выдохнул Йоннен.

Мия злобно покосилась на брата, гадая, хватит ли ему глупости звать на помощь. Но, похоже, он слишком боялся безочажного юношу, державшего его на руках, чтобы поднимать шум. А вот жителей, напротив, охватила волна ликования, пронесшаяся оглушительным ревом от тех, кто стоял достаточно близко, чтобы разглядеть консула собственными глазами. Стоявшие позади закричали, требуя правды и проталкиваясь вперед. К ним тут же направились солдаты с дубинками наготове. Улицы раскачивались и шли ходуном, люди толкались, плевались и спихивали друг друга с мостов в каналы, хаос расцветал и превращался в...

– Мой народ!

Голос донесся из рупоров вокруг Форума и отразился от стен Сенатского Дома и Хребта. Словно по волшебству, хаос тут же прекратился. Балансируя на острие ножа.

Он был слишком далеко, чтобы Мия могла рассмотреть выражение его лица, но голос консула был охрипшим от боли. Рядом со Скаевой стояла его жена Ливиана в алом, как кровавое пятно, платье, и в золоте, сверкающим на шее. Мия посмотрела на Йоннена и заметила, что его взгляд устремлен на женщину, которая звалась его матерью.

Мальчик поднял голову к Мие. И быстро отвернулся.

Скаева набрал побольше воздуха в легкие, прежде чем продолжить:

– Мой народ! – повторил он. – Мои соотечественники! Мои друзья!

На Город мостов и костей опустилась тишина. Воздух стал таким неподвижным, что можно было услышать плеск далекого моря и тихую молитву на ветру. Мия хорошо знала любовь толпы на арене. Она заставляла их подниматься на ноги, кричать от страсти, заставляла ликовать, плакать и петь ее имя, как гимн небесам. Но за все время на песке ей никогда не удавалось пленить их подобным образом.

Юлия Скаеву называли «Сенатум Популис» – народным сенатором. Спасителем республики. И хоть ей было тошно это признавать, Мио восхищало, что он мог заставить весь город застыть, как поверхность пруда, всего парой-тройкой слов.

– До меня дошли слухи! – провозгласил консул. – Слухи, что ваша республика обезглавлена! Что ваш консул убит! Что Юлий Скаева пал! Я услышал этот шепот и в ответ я кричу вам правду! – Он стукнул красным от крови кулаком по балюстраде. – Вот он я! И видит Бог, тут я и останусь!

Рев. Громоподобный, радостный, распространяющийся по толпе, как лесной пожар. Мия видела, что люди внизу обнимаются с мокрыми от слез счастья лицами. Желудок скрутило, лицо Мии исказила гримаса, она сжала меч с такой силой, что кисть задрожала.

Выдержав паузу, Скаева поднял руку, призывая всех к молчанию, и вновь на жителей Годсгрейва, подобно молоту, обрушилась тишина. Он сделал глубокий вдох и закашлялся. Схватившись за окровавленное плечо, слегка закачался перед механическим рогом рупора. Солдаты и сенаторы кинулись на помощь, чтобы подхватить консула, если тот упадет. По толпе прокатилась волна смятения. Но, покачав головой, Скаева вернул своих доброжелателей по местам и снова выпрямился, несмотря на «раны». Такой храбрый, стойкий и, о, невероятно сильный.

Вся толпа разом потеряла рассудок. По ней потоком промчались восторг и блаженство. Во рту Мии появился привкус желчи, но даже она не могла не восторгаться этим спектаклем. Тем, как этот змей обращал каждое затруднение в горькое преимущество.

– Мы ранены! – воскликнул он. – Нет никаких сомнений. И хоть мне очень больно, я говорю не об ударе, нанесенном по мне, нет. Я говорю об ударе, который нанесли по всем нам! Наш советник, наша совесть, наш друг... нет, наш *брат*! Его отняли у нас.

Скаева склонил голову. Когда он вновь заговорил, его голос наполнился печалью.

– Мой народ, мое сердце обливается кровью из-за того, что приходится приносить вам столь прискорбные вести. – Консул схватился за балюстраду для равновесия и мучительно сглотнул. – Но я вынужден подтвердить, что Франческо Дуомо, великий кардинал духовенства Аа, избранник Всевидящего на этой благословенной земле... убит.

По всему Форуму раздались тревожные крики. Кто-то плакал от горя, кто-то скалил зубы. Скаева медленно поднял руку, как дирижер перед оркестром.

– Я искренне оплакиваю потерю своего друга. Долгие неночи я провел в его свете и буду нести обретенную духовную мудрость до конца своих дней. – Скаева повесил голову и тяжело вздохнул. – Но я давно предупреждал – враги нашей великой республики гораздо ближе, чем полагали мои братья в Сенате! Я давно предупреждал, что наследие Царетворца по-прежнему растравляет сердце нашей республики! Однако даже я не смел представить, что в наш самый священный праздник, в величайшем городе в мире, десница Всевидящего будет зарезан клинком ассасина! Прямо на наших глазах! Перед тремя немигающими глазами самого Аа! Что это за безумие?

Он одернул фиолетовую тогу и закричал, подняв голову к небу:

– *Что это за безумие?!*

Толпа снова заревела от негодования и ярости. Мия наблюдала, как эмоции накатывают на людей, словно волны на берег моря во время шторма. Скаева выжимал их до последней капли.

Как только суматоха улеглась, он продолжил:

– Как вам известно, дорогие друзья, чтобы обеспечить безопасность республики, на выборах в истинотьму я намеревался баллотироваться в консулы на четвертый срок. Но в связи с этой атакой на нашу веру, нашу свободу, нашу семью, у меня не остается иного выбора. С этого момента, в соответствии с чрезвычайными нормами итрейской конституции и пред

лицом *неоспоримой* угрозы нашей славной республике, я, Юлий Скаева, сим заявляю свои права на титул императора и всю власть...

Его голос тут же утонул в шуме толпы. Каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок ликовали. Солдаты. Священники. Пекари и мясники, проститутки и рабы, Черная Мать, даже гребаные сенаторы на той отвратительной маленькой сцене. На их глазах уничтожалась конституция республики. Их голоса низводили до слабого эха в пустой комнате. И тем не менее все они,

каждый
из
них,
не протестовал,
не приходил в ярость,
не боролся.

Они выражали гребаное *одобрение*.

Когда ребенок напуган, когда весь мир переворачивается с ног на голову, кого он зовет? Кто кажется единственным человеком, который может вернуть все на круги своя?

Мия покачала головой.

«Отец...»

Скаева поднял руку, но, похоже, на сей раз маэстро не смог прервать аплодисменты. Люди дружно топали ногами и скандировали его имя, словно молитву. Мия тонула в этом громе, ее подташнивало. Эшлин сжала ей руку. Глянув на мертвого юношу рядом, Мия засомневалась, стоит ли пожимать ее в ответ.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем толпа достаточно успокоилась, чтобы Скаева продолжил свою речь.

– Знайте, что я не отношусь к такой ответственности легкомысленно. Отныне и до истинотымы, когда я удостоверюсь, что наши друзья в Сенате утвердили мою новую должность... мой народ, я буду вашим щитом. Я буду вашим мечом. Я буду тем камнем, на котором мы восстановим наш мир, вернем то, что было отнято, и возродим нашу республику, чтобы она стала сильнее, величественнее и могущественней, чем когда-либо прежде!

Скаева изобразил улыбку в ответ на воодушевленную реакцию публики, хотя теперь он выглядел поникшим. Жена что-то прошептала ему на ухо, и, схватившись за окровавленное плечо, он медленно кивнул. Вперед вышел центурион люминатов и хотел было проводить их с женой, взяв под свою защиту. Но, проявив напоследок силу воли, Скаева повернулся обратно к толпе.

– Услышьте меня!

При его словах наступила тишина – глубокая и непрерывная, как сама Бездна.

– Услышьте! – повторил он. – И знайте, что это правда. Поскольку сейчас я обращаюсь к вам. К *вам*.

Мия с трудом сглотнула и так крепко стиснула челюсти, что те заныли.

– Где бы вы ни были, какая бы тень ни упала на ваше сердце, в какой бы тьме вы не очутились...

Мия заметила, как он сделал акцент на словах «тьень» и «тьма». Пыл в голосе Скаевы. И хоть они стояли в сотне метров друг от друга, хотя их разделяли сотни тысяч людей, на секунду ей показалось, будто они единственные в этом мире.

– Я – ваш отец, – объявил Скаева. – И всегда им был.

Он протянул руку, и жители Годсгрейва подняли свои.

– И если мы вместе, нас ничто не остановит.

БЫТЬ

Блеск клинка из могильной кости.
Булькающий звук.
Алые брызги.
Очередной страж рухнул на колени, и Мия

шагнула
через
коридор

ко второму мужчине, чьи глаза округлились при виде павшего соратника. Ее меч рассекал мышцы и кость, словно те были из тумана. Тело стража обмякло, мочевого пузырь ослаб, на полированном каменном полу стекалась лужа мочи и крови, и он упал на колени навстречу своему верному концу.

Мия оттащила тела в переднюю и уселась в тених, занавесив лицо длинными темными локонами. Прислушиваясь к шагам. Форум снаружи по-прежнему утопал в звуках, люди не знали, праздновать им речь Скаевы или оплакивать убитого кардинала. Годсгрейв был охвачен виноватой эйфорией, теперь, когда неминуемую катастрофу предотвратило чудесное спасение, людям стало легче дышать. Их отец одолел саму смерть. Избежал клинка убийцы.

Кто теперь посмеет оспорить, что он избранник Аа? Кто лучше подойдет на роль императора и уберезет республику от опасности, с которой ей пришлось столкнуться?

Мия быстро и бесшумно кралась по коридорам из могильной кости. Шагала между тенями с той легкостью, с какой другая девушка прыгала бы по лужам во время дождя. Этот дар она тренировала годами, но после гибели Фуриана он давался ей легче. Вспомнив, как брат ослепил ее тенями в некрополе, она на миг задумалась, удастся ли и ей научиться этому трюку. Гадала, сколько правды в истории Трика об осколках разбитого бога внутри нее. Какие еще дары она может обнаружить, если примет их и свою истинную природу?

Стены вокруг были увешаны прекрасными гобеленами, вдоль них выстроились статуи из чистого мрамора, освещенные люстрами из звонкого двеймерского хрусталя. Где-то вдалеке играла музыка – струны и клавишин, оттенок грусти в честь смерти кардинала. Меч из могильной кости приятно оттягивал руку, ноздри трепетали от вони крови, словно от сладкого парфюма, в ушах звучал рык волчицы из теней.

– ...*Впереди еще двое...*

Они погибли так же, как предыдущие. Тени покрылись рябью, из пустоты, прямо на их изумленных глазах, вышла девушка. Мужчины были люминатами в броне из могильной кости, в кроваво-алых плащах и с плюмажами на головах. Шлемы чудесным образом заглушали тот писк, который они издавали в момент смерти, а плащи прекрасно заменили тряпки, чтобы прикрыть образовавшийся беспорядок.

Несмотря на демонов из теней, ее сердце бешено стучало в груди. Мысли возвращались к Эшлин, Трику и Йоннелу. Мия попросила Эшлин охранять брата, стеречь его так, будто от этого зависела ее жизнь.

– Я не гребаная нянька, – услышала девушка в ответ, за которым последовало еще больше возражений. Но она быстро пресекла их поцелуем.

– Пожалуйста, – попросила Мия. – Ради меня.

И пока этого было достаточно.

Но вряд ли так долго продлится.

– *ОТ МЕНЯ БУДЕТ МАЛО ПРОКУ*, – предупредил Трик. – *СВЕТ СЛИШКОМ СИЛЬНЫЙ*.

– Ты неплохо справился с теми солдатами в некрополе, – заметила Мия. – Несмотря на истиносвет.

– *БАРЬЕР МЕЖДУ ЭТИМ МИРОМ И ЦАРСТВОМ МАТЕРИ ТОНЬШЕ В ДОМАХ МЕРТВЫХ. И ЛИШЬ ПО ЕЕ ВОЛЕ Я ХОЖУ ПО ЭТОЙ ЗЕМЛЕ. С ПРИБЛИЖЕНИЕМ ИСТИНОТЫМЫ Я СТАНУ СИЛЬНЕЕ, НО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС...*

Трик осмотрелся и покачал головой.

– *КРОМЕ ТОГО, ЭТО ГЛУПАЯ ЗАТЕЯ, БЛЕДНАЯ ДОЧЬ*.

Мия хотела отшутиться в ответ, но от этого прозвища у нее заныло в груди. Она взглянула на Трика – черные руки спрятаны в рукавах, черные глаза спрятаны под капюшоном. Его прекрасное алебастровое лицо окутывала тьма. И на секунду задумалась о том, что могло бы быть. А затем быстро задушила эти раздумья.

– Пожалуйста, не делай этого, – взмолилась Эш.

– Я обязана. Он почти никогда не появляется на публике. Поэтому мы и ударили по нему во время «Магни», помнишь? Мне нужно пробраться к нему сейчас, пока он вновь не залег на дно.

– Если это вообще был *он*, – возразила Эшлин. – С тем же успехом Скаева мог наделать себе дюжину двойников! Он годами сотрудничал с Красной Церковью. Кто сказал, что он еще в городе? А даже если так, кто сказал, что это не ловушка?

– Я почти уверена, что это он и есть.

– Тогда что ему мешает убить тебя?

– Солис и Тишь отравили свои клинки «перекосом». Я нужна им живой. – Мия посмотрела на своего брата. – И потом у меня есть то, что он хочет.

– Мия, пожалуйста...

– Мистер Добряк, оставайся с Йонненом. Успокой его.

– ...*О, безудержное веселье...*

– Эклипс, за мной.

– ...*Как угодно...*

– *ТЫ ДОЛЖНА ПОЗВОЛИТЬ ПРОШЛОМУ УМЕРЕТЬ, МИЯ*, – предостерег Трик.

Тогда она посмотрела ему в глаза. И ответила твердым и холодным голосом:

– Порой прошлое не может умереть само. Порой его нужно убить.

И с этими словами исчезла из виду.

Мия кралась по Форуму, спеша, пока там не стало слишкомлюдно: повсюду сновали солдаты. Под плащом из теней мир превращался в размытые очертания, сверху слепили солнца, рык Эклипс указывал ей путь. Мия медленно двигалась к длинной тени первого Ребра. Через кованный забор, мимо дюжины люминатов, дежуривших у тяжелых полированных дверей из могильной кости, ведущих в консульские личные апартаменты. Она смутно помнила планировку палатки с того бала, на котором побывала в детстве, когда кружила по мерцающему залу на отцовских...

... нет, не на отцовских.

«О, мама, как же ты могла?»

Мия кралась по теням, словно волк, учуявший свежую кровь, Эклипс бежала впереди – просто черный силуэт на стенах. Она быстро обходила рабов, прислугу и солдат, которые чувствовали лишь легкое дуновение у шеи и дрожь по спине. В голове звучали все уроки Меркурио и Маузера. Мышцы напряжены, меч наготове, ни одного лишнего движения, все шаги – беззвучные. Ее бывший учитель лопнул бы от гордости, если бы видел ее. Все это – лекции, тренировки, боль – сконцентрировалось в ее жилах. Каждый выбор, который она делала, приближал ее к этому моменту. Каждая дорога неуклонно вела сюда. К месту, где все закончится.

Наконец шепот Эклипс привел ее к главному кабинету. В дальнем конце комнаты стоял большой дубовый стол, вдоль стен выстроились полки с книгами и свитками. Резной орнамент на полу был забрызган какой-то аркимией, – как поговаривали, Скаева очень ею увлекался и, судя по всему, успешно. Это оказалась карта всей республики, от Моря Безмолвия до Моря Звезд.

С бешено колотившимся в груди сердцем, Мия откинула плащ из теней. Ее волосы слиплись от пота и запекшейся на коже крови. Мышцы горели, раны пощипывало, адреналин и гнев боролись с усталостью и печалью.

И там, на балконе, стоял он.

Глядя на ослепительные солнца, словно ничего плохого и не случилось. Он выглядел просто темным силуэтом на фоне солнечных лучей, пока она кралась по комнате, – во рту сухо, как в пустыне, меч зажат в потных ладонях. Несмотря на спутника в своей тени, Мия боялась, что Скаева уже ушел, что Эшлин окажется права, что мужчина, который общался со своей обожающей его публикой, был очередным актером в обличье консула.

Но как только она приблизилась, ей открылась правда.

Холодное, тошнотворное чувство в низу живота. Медленно охватывающий ужас, сменяющийся ощущением неизбежности. Последний кусочек головоломки всей ее жизни – кто она, что она, почему она – наконец встал на место.

Это чувство...

О, это хорошо знакомое чувство.

На полу рядом с ней возник Мистер Добряк, его шепот рассек мрак. Донна Корвере взглянула на кота из теней и зашипела, словно ошпаренная. Отпрянула от прутьев и съежилась в дальнем углу, оскалив зубы.

– Он в тебе, – прошептала донна. – О Дочери, он в тебе!

– Здравствуй, Мия, – сказал Скаева.

Он даже не повернулся. Его взгляд по-прежнему был устремлен к солнцам. Рваная и окровавленная тога сменилась длинной и белоснежной. Тень на стене. Руки убраны за спину. Беззащитный.

Но не одинокий.

Мия увидела, как его тень пошевелилась. Забилась мелкой дрожью, когда тошнота и голод внутри нее разбухли. И из темного пятна на стене кабинета – достаточно темного для двоих – услышала слабое и смертоносное шипение.

Из-под ног императора развернулась лента тьмы. Поползла по полу и поднялась – тонкая, как бумага, – облизывая воздух своим не-языком.

Змей из теней.

– ...У нее твои глаза, Юлий...

И тогда вспыхнула ярость – яркая, как те три солнца в проклятом небе. Кровь в ее жилах – кровь его крови – начала закипать. Сейчас ей на все было плевать. На Меркурию и Йоннену. На Эшлин и Трика. На Красную Церковь, Черную Мать и бедного, разбитого Луну. Мия была готова вскрыть себе вены, чтобы утопить его в этой крови. Разбить себя на кусочки, лишь бы перерезать ему глотку осколками.

Она даже не осознавала, что бежит, пока почти не добралась до него – меч поднят, зубы оскалены, глаза прищурены.

Змей зашипел в знак предупреждения.

В ушах забил пульс.

И, повернувшись к ней, Юлий Скаева поднял руку.

Вспышка света. Укол боли. Ослепительное сияние, подобное удару в лицо, от которого она упала на спину и взвыла, как ошпаренная кошка. В его пальцах была зажата золотая цепочка, на которой висели три блистательных солнца – платиновое, розовое и золотое. Тро-

ица Аа, украшавшая шпиль каждой часовни и окна каждой церкви от Годсгрейва до Ашкаха. Но эта Троица была благословлена слугой *истинной* веры.

Эклипс заскулила, змей у ног Скаевы извивался и корчился от боли. Мия лежала на спине, царапая ногтями резной пол. Скаева поднял символ на пару сантиметров, тем самым будто увеличивая расстояние между ними на тысячу миль. Свет ранил, как белый огонь и ржавые ножи, пронзая прохладную черноту за ее веками. Желудок Мии скрутило, глаза горели, рот наполнился желчью. Этот ослепительный, обжигающий свет превращал ее в бессильный агонизирующий клубок.

– Р-рад видеть тебя, дочь, – сказал Скаева.

«Как?»

Невзирая на боль, Мия все еще чувствовала ее – ту же тоску, что охватывала девушку в присутствии других ей подобных. Скаева, несомненно, был даркином. Но эта Троица, Черная Мать, эти три сферы раскаленного пламени...

– К-как? – выдавила она.

– Как я... т-терплю это?

Голос Скаевы дрожал, и сквозь слезы Мия увидела, что его глаза тоже слезятся. Тем не менее император Итрейской республики продолжал держать эти ужасные солнца. Его рука тряслась. Его спутник скручивался узлами от мук. От пальцев мужчины поднимались слабые струйки дыма.

Однако он все равно держал медальон.

– Точно так же, как я п-получил трон. – Скаева покрутил Троицу так и этак и зашипел сквозь стиснутые зубы, вены на его шее взбухли. – Это вопрос силы воли, дочь м-моя. Дабы заполучить истинное могущество, тебе не нужны солдаты... ни сенаторы, ни святые служители. Все, что требуется, это *воля* пойти на то, на что другие не осмелятся.

По ее горлу поднималась тошнота, боль от огня Всевидящего почти лишала зрения. Но все же Мие удалось ответить, и ее голос сочился ненавистью:

– Я н-не... твоя г-гребаная дочь.

Скаева наклонил голову и посмотрел на нее с выражением, похожим на жалость.

– О, Мия...

Он присел перед ней, поднося Троицу еще ближе. Мия отползла назад на заднице и локтях, словно покалеченный краб. Вжавшись спиной в стену, с отчаянием втянула воздух. Слезы неконтролируемо лились по исцарапанным щекам, рука невольно взметнулась в воздух, чтобы закрыться от пожара этих трех благословленных сфер. Сухожилия Скаевы напряглись, на дрожащем кулаке блестели бусинки пота, кадая на полированный пол из могильной кости.

Но он все равно держал медальон.

– Я м-могу это убрать? – спросил император. – Думаешь... мы сможем поговорить как цивилизованные люди? Хотя бы... п-пару минут?

Пламя в ее черепе. Ненависть, подобная кислоте, в ее венах. Но медленно, изнывая от тошноты и боли, Мия кивнула.

Скаева тут же встал и спрятал Троицу под тогу. От облегчения, пришедшего в то же мгновение, у нее закружилась голова. С губ сорвался тихий всхлип. Пока Мия переводила дыхание, Скаева направился в другую часть комнаты, шаркая кожаными сандалиями по огромной карте на полу. Затем дрожащими руками налил себе стаканчик воды из хрустального графина.

– Могу я предложить тебе выпить? – спросил он голосом мягким и сладким, как карамель. – Золотое вино – твой любимый вид отравы, если не ошибаюсь?

Мия ничего не ответила, просто испепеляла Скаеву взглядом, пока ее пульс замедлялся до галопа. Наблюдая за ним, как хищный ястреб. Меркурию всегда учил ее изучать свою дичь. Хотя последние восемь лет Юлий Скаева снился ей почти каждую неночь, Мия впервые видела его вблизи с тех пор, как ей было десять.

С неохотой она должна была признать, что император хорош собой. Черные кудри у висков припорошил легкий намек на седину. У него были широкие плечи, бронзовая кожа резко контрастировала с белоснежной тогой. В темных глазах блеснула мудрость, приобретенная за десятилетия в залах власти.

Меркурио учил ее оценивать людей в мгновение ока, а Мия всегда была способной ученицей. Но, рассматривая Скаеву, – этого мужчину, который подчинил итрейский Сенат своей воле, который устроил себе королевство в республике, свергнувшей своих королей столетия тому назад, – она ничего не увидела. Почти все в нем, помимо очевидного, было сокрыто. Он убийца. Хладнокровный ублюдок. Но в остальном... он загадка.

Когда Троица исчезла из виду, Эклипс вышла из тени Мии, покрытая рябью от негодования. Спутник Скаевы тоже заскользил по полу, голодным взглядом наблюдая за не-волчицей. Мия видела, что тень императора движется по стене, его тога ходила волнами, руки в ласковом жесте тянулись к ней.

– Что ж, – Скаева повернулся к ней лицом и отпил из хрустального стакана. – Наконец-то мы снова вместе. Все это довольно волнующе, правда?

– То ли еще б-будет, – процедила Мия, ее грудь по-прежнему быстро вздымалась и опускалась.

– Я действительно рад тебя видеть, Мия. Ты в удивительную юную леди.

– Пошел на хуй, манда ты тупая!

Скаева сдержанно улыбнулся.

– Значит, в удивительную юную женщину.

Он налил дорогого золотого вина в хрустальный бокал. Осторожно подойдя к Мие, поставил его на пол на безопасном расстоянии и вернулся в свою часть кабинета. Там она увидела низкую тумбочку, по бокам которой стояли два дивана. На ее поверхности была вытеснена шахматная доска, на которой разворачивалась давно начатая партия. Хватило одного взгляда, чтобы понять, что белые выигрывали.

– Ты играешь? – спросил Скаева, подняв бровь. – Моим оппонентом был наш старый добрый друг кардинал Дуомо. Мы отправляли посыльных, и те делали ходы за нас – он недостаточно мне доверял, чтобы встретиться лицом к лицу. – Император показал на доску, золотые кольца на его пальцах засверкали. – Он был близок к победе. Бедняга Франческо всегда лучше играл в шахматы, чем в жизнь.

Скаева тихо посмеялся себе под нос, что лишь распалило ярость в груди Мии. У нее не было кинжалов, метать нечего, но в ее руке все так же покоился меч из могильной кости. В голове проносились все способы, какими она могла бы вонзить его в грудь Скаевы. Совершенно спокойный, тот сел у шахматной доски, поставив стакан на потертый бархатный подлокотник дивана. Потянувшись рукой в складки тоги, достал знакомый клинок из могильной кости с вороной на рукояти, которым Мия убила его двойника всего несколько часов назад. Тот все еще был испачкан в крови, янтарные глаза блеснули в свете солнц, когда Скаева положил его на тумбу.

– Чем я могу помочь тебе, Мия?

– Можешь сдохнуть, – огрызнулась она.

– Ты по-прежнему желаешь мне смерти? – император вскинул темную бровь. – Ради Всевидающего, за что?

– Это что, шутка? – фыркнула она. – Ты убил моего отца!

Взгляд Скаевы наполнился жалостью.

– Дорогая, Дарий Корвере был...

– Он меня вырастил! – рявкнула Мия. – Может, я ему и не родная дочь, но он все равно любил меня! А ты его убил!

– Разумеется, – император нахмурился. – Он пытался уничтожить республику.

- Ах ты лицемерный кусок дерьма! А что, ради бездны, ты только что сделал на Форуме?!
- Я *преуспел* в уничтожении республики.

Скаева посмотрел ей в глаза с искренним весельем.

– Мия, если бы восстание Дария Корвере обернулось успехом, его любимый генерал Антоний сейчас был бы королем Итреи. Сенатский Дом превратился бы в развалины, конституция – в пепел. Я не виню его за попытку. Дарий сделал все, на что был способен. Разница между нами лишь в том, что *его* способностей было недостаточно, дабы победить в этой игре.

Мия рывком поднялась на ноги, ее ногти впились в ладони. Тень девушки на стене разбухла и начала извиваться, протягивая руки, заканчивающиеся когтями, к тени Скаевы.

- Это не *игра*, ублюдок.

– Ну конечно же, она самая, – Скаева вновь нахмурился и посмотрел на шахматную доску. – Правила просты: выиграй корону или потеряешь голову. Дарий прекрасно понимал цену провала, но все равно решился на партию. Так что, пожалуйста, прежде чем снова начнешь рассказывать, как он «любил тебя», вспомни, что он был готов рискнуть твоей жизнью ради трона для своего возлюбленного.

- Он был хорошим человеком и делал то, что считал правильным.

– Как и я. Как и большинство людей, учитывая все обстоятельства. Но если Дарий намеревался захватить трон для Антония с помощью армии, то я взял его простыми словами... – он слегка пожал плечами. – ...Ну, и, пожалуй, парой-тройкой убийств. Но ты же не можешь всерьез считать меня тираном, а Дария Корвере – образцовым мужчиной, когда он был готов убить тысячи, а я убил всего нескольких. Я слишком хорошо воспитал тебя для этого.

У Мии перехватило дыхание, грудь задрожала.

- Ты никогда меня не воспитывал! Ты приказал утопить меня в гребаном канале!

– И посмотри, кем ты стала. – Скаева произнес эти слова на выдохе, словно заклинание, и взглянул на нее с восхищением. – Когда мы виделись в прошлый раз, ты была костеродной соплячкой. У тебя были слуги, красивые платья, и все, что ты хотела, тут же преподносилось тебе на серебряном блюде. Ты задумывалась хоть на мгновение, какой была бы твоя жизнь без меня?

Скаева поднял черного короля, пронес его над доской и сбил белого.

– Только подумай, Мия. Представим, что Антоний получил свой трон. Дарий – его правая рука. Политые кровью тысяч невинных людей все их мечты претворились в жизнь, вместо того чтобы развеяться пеплом на ветру.

Скаева поднял черную пешку и поставил себе на ладонь.

- Кем бы стала тогда ты?

Император выдержал паузу, позволив вопросу остаться без ответа. Маэстро перед крещендо.

– Тебя бы выдали замуж за какого-нибудь костеродного идиота ради политического альянса, – наконец сказал он. – Ты бы плодила детишек, следила за домашним очагом и чувствовала, как пламя в твоей груди медленно угасает. Была бы просто короной в шелковом платье. – Скаева зажал пешку между пальцами и покрутил в разные стороны. – А благодаря мне ты – твердая сталь. Клинок, достаточно острый, чтобы рассеять солнечный свет на шесть частей. Однако ты все равно цепляешься за повод меня ненавидеть.

Мужчина горько рассмеялся и посмотрел ей в глаза.

– Всё, кто ты есть? Всё, кем ты стала? Я дал тебе. Мое семя тебя породило. Мои руки тебя выковали. Моя кровь – холодная, как лед, и крошечная – течет в твоих жилах.

Он откинулся на спинку дивана, черные глаза буравили ее взглядом.

- Ты – *моя* дочь, во всех смыслах этого слова.

Юлий Скаева протянул руку, и на его пальцах замерцало золото. Тень Скаевы на стене поступила так же.

– Присоединяйся ко мне.

В горле Мии застрял хохот, грозя душисть ее.

– Ты совсем свихнулся?

– Кто-то может сказать и так. Но какие у тебя остались причины хотеть моей смерти? Я убил мужчину, который назывался твоим отцом. Но он был лжецом, Мия. Потенциальным узурпатором. Человеком, который был абсолютно готов рискнуть семьей ради собственных неудовлетворенных амбиций. Я убил твою мать, да. Еще одна обманщица. Готовая делить со мной постель и перерезать мне глотку еще до того, как успеет высохнуть пот. Алинне Корвере знала, что ставила на кон, поддерживая... нет, *поощряя* Дария, одобряя его гамбит. Она ставила на кон свою жизнь. Жизнь сына. И твою, ко всему прочему. Все это значило для нее меньше, чем трон.

Теневой змей пополз по полу к Мие, облизывая воздух. Скаева покрутил стилет из могильной кости на тумбе, не отрывая от нее взгляда.

– Я никогда не врал тебе, дочка. Ни разу за все это время. Когда я приказал тебя утопить, ты была не нужна мне. Йоннен был достаточно маленьким для того, чтобы я мог забрать его к себе. Ты же была слишком взрослой. Но теперь ты доказала, что ты действительно моя дочь. Обладающая моей волей: не только для того, чтобы выжить, но и чтобы *процветать*. Чтобы выцарапать свое имя окровавленными ногтями на этой земле. Дарий хотел стать царетворцем? Ты же можешь им *быть*. Клинком в моей правой руке. Все, чего ты пожелаешь, будет твоим. Богатство. Власть. Наслаждения. Я смогу распрощаться с этими жадными до золота шлюхами из Красной Церкви, если ты будешь рядом со мной. Моя дочь. Моя *кровь*. Такая же темная, прекрасная и смертоносная, как ночь. Вместе мы создадим династию, которая проживет тысячу лет.

Его тень на стене тянулась все ближе к Мие.

– Ты и твой брат – мое наследие в этом мире. Когда меня не станет, все это перейдет тебе. Наше имя будет вечным. Бессмертным. Так что да. Я прошу тебя присоединиться ко мне.

Слова Скаевы звенели в уголках ее разума, отяжеленные правдой. Ее тень повисла, словно перекошенный портрет, на стене. И хоть Мия оставалась неподвижной, медленно, очень медленно, она подняла руку в сторону тени Скаевы.

Всю свою жизнь Мия считала своих родителей безупречными. Богоподобными. Ее мать – проницательная, мудрая и прекрасная, как лучшая рапира из лиизинской стали. Ее отец – храбрый, благородный и яркий, как солнца. Даже когда в клетке под Вороньим Гнездом она узнала о них кое-что еще от Сидония, их свет все равно не поблек в ее сознании. Слишком больно было признавать, что они могли быть идеальными. Эгоистичными. Ведомыми алчностью, похотью или гордостью, готовыми рискнуть всем ради достижения своих целей. Поэтому для нее они оставались незапятнанными. Запертыми навеки в коробке ее памяти.

В глазах ребенка отец – все равно что бог.

А мать – сама земля под его ногами.

Но сейчас Мия вспомнила ту перемену на Форуме – перемену, когда Дария Корвере повесили. Десятилетняя девочка стояла с матерью в толпе и смотрела на тот жуткий эшафот, на ряд петель, раскачивавшихся на глубоко зимнем ветру. Она чувствовала капли дождя на своем лице, руки матери на своей груди и шее, не позволявшие ей отвернуться, заставлявшие смотреть, как надевают петлю на шею Царетворца. И слова, которые прошептала Алинне Корвере, звенели в ее ушах так же четко, как в ту перемену, когда она впервые услышала их.

Никогда не отводи взгляд. Никогда не бойся. И никогда, никогда не забывай.

Алинне наверняка знала, что делала. Знала, что сеяла в душе дочери семена ненависти. Знала, что из них вырастет возмездие. Знала, что прольется кровь. Все из-за смерти мужчины, который – хоть, возможно, он действительно любил ее – вовсе не был отцом Мии. И если уж

она злится – о, Богиня, как же она *злилась* – из-за слов Скаевы, что это он ее выковал, как она могла не злиться на женщину, которая стояла позади нее на том парапете? Заставляла смотреть? Говорила слова, которые сформировали ее, управляли ею, уничтожили ее?

Могла ли она по-прежнему любить эту женщину?

И если нет, могла ли она ненавидеть мужчину, убившего ее?

Почему она ненавидела Юлия Скаеву? Если вся ее жизнь основывалась на лжи? Так ли он отличался от Алинне и Дария Корвере, если не считать того, что он вышел победителем? Скаева – убийца, хладнокровный и беспощадный, это неоспоримо. Мужчина, который омылся кровью десятков, возможно, сотен людей, чтобы добиться своего.

Но так ли сильно он отличался от других, тех, кто тоже играл в эту игру?

«Даже от меня?»

Эклипс вздыбила загривок, когда змей Скаевы подполз ближе. Рык теневой волчицы вернул Мию из внутренней тьмы обратно в ослепительный свет кабинета, отражающийся от черной пешки на ладони Скаевы.

– ...**Не приближайся**... – предупредила Эклипс.

– ...*Тебе нечего бояться, щенок*... – прошипел змей.

– ...**НЕ ПРИБЛИЖАЙСЯ!**..

Эклипс замахнулась лапой на теневого змея, и Мия с округлившимися глазами наблюдала, как на пол брызнул черный туман, быстро испаряясь. Змей отпрянул и зашипел от ярости.

– ...*Ты пожалеешь об этом, собачка*...

– ...**Я тебя не боюсь, червяк**...

Змей распахнул черную пасть, не прекращая шипеть.

– Уиспер⁸, – окликнул Скаева. – Хватит.

Змей вновь зашипел, но послушался.

– Мия не желает нам зла, – сказал император, глядя на дочь. – Она достаточно умна, чтобы знать свое место. И достаточно практична, чтобы понимать: если с нами *что-нибудь* случится, ее дорогой старик Меркурио будет подвергнут самым жестоким пыткам, прежде чем его отправят на встречу с любимой темной Богиней.

Услышав угрозу в адрес Меркурио, Мия почувствовала, как похолодело в животе, но она попыталась сохранить каменное выражение лица. Змей повернулся к ее спутнику, раскачиваясь под музыку, которую слышал только он.

– ...*Ей страшно, Юлий*...

Скаева одарил Мию улыбкой, но глаза его не улыбались.

– Значит, самый знаменитый убийца в Итрее все же способен на любовь. Как трогательно.

Мия ощетижилась. Почувствовала легкую дрожь в воздухе и посмотрела на тени на стене. Если раньше тень Скаевы тянулась к ней для объятий, то сейчас она готовилась нанести удар, выгнув спину и обратив пальцы в когти. Протягивая их к шее ее тени.

– Где твой брат, Мия?

– В безопасном месте.

Скаева медленно встал и потянулся к Троице, спрятанной у горла.

– Ты приведешь его ко мне.

– Я не подчиняюсь твоим приказам.

– Ты приведешь его ко мне, или твой наставник умрет.

Голос Мии смягчился от осознания опасности.

– Если тронешь Меркурио, клянусь Матерью, ты больше *никогда* не увидишь сына.

⁸ Whisper – в переводе с англ. шепот (*прим. пер.*).

И тогда в его глазах вскипел гнев. Гнев, порожденный страхом. Несмотря на самоконтроль, на пресловутую силу воли, Скаева не смог этого скрыть. Мия чувствовала его так же ясно, как солнца в небе.

Шестеренки в ее голове закрутились. Простукивали трещины в его фасаде, оценивали мимолетные взгляды, которые он бросал на нее из-под маски хладнокровия. Он говорил о том, чтобы построить династию, которая продержится тысячу лет. Увы, это сложно сделать без единственного сына. И все же – теперь Скаева император. Он мог бы избавиться от своей бесплодной жены и заполучить любую женщину, какую захочет. Черная Мать, да он мог бы взять себе дюжину жен. Наплодить сотню сыновей.

«Так почему он боится?»

Мия откинула волосы на плечи и вновь покосилась на силуэты на стене. Тень Скаевы пришла в движение – внезапное и неистовое. Ее тень отвечала тем же, удлиняясь и искажаясь, за ее спиной вырастали темные очертания.

– Как-то ты чересчур волнуешься о Йоннене, отец, – сказала Мия. – И, прости, но я не верю, что дело в сентиментальности. Вероятно, это не твоя дражайшая жена Ливиана не может иметь детей?

Мрачный взгляд девушки опустился чуть ниже его пояса.

– Что, возраст уже не тот?

Скаева шагнул к ней, его рука скользнула под складки тоги. Через секунду их тени ударили друг по другу, сплелись, извиваясь и закручиваясь, как завитки дыма. Вдвое темнее, чем должны быть. Змея Скаевы отпрянула, готовясь к удару, Эклипс обнажила черные клыки и зарычала. Мия почувствовала, что ее одежда и волосы двигаются, будто сзади поддувает ветер. Будто весь мир двигается под ее ногами.

– Ты даже не представляешь, какую игру ты затеял, – сказал Скаева. – Не становись моим врагом, Мия. Особенно когда я предлагаю мир. Все, кто был против меня, ныне гниют в земле. *Все*. Приведи брата и займи свое место рядом со мной.

– Ты и *вправду* боишься, – поняла она.

– У страха есть свои преимущества. Именно страх не дает тьме поглотить тебя. Именно страх не дает тебе ввязаться в игру, в которой нет даже *надежды* на победу.

Он подкинул ей пешку, и Мия поймала ее на лету.

– Если пойдешь этой дорогой, дочь моя, ты умрешь.

Мия знала, что не может ему сейчас навредить. Не может даже близко подобраться. Не когда эта проклятая Троице у него на шее. Не когда жизнь Меркурио на кону. Вдалеке слышался топот ног и приглушенные крики – похоже, кто-то обнаружил тела, оставленные ею.

«Время на болтовню вышло».

И посему она начала отступать.

Один шаг. Второй. Дальше и дальше от шеи, которую она мечтала перерезать почти восемь лет. Их тени по-прежнему переплетались на стене, удушая друг друга и шипя, превращаясь в клубок черной ярости. Мия с усилием оттащила свою тень назад, но тень Скаевы продолжала цепляться за нее.

– Приведи моего сына, Мия, – сказал он голосом ласковым и смертельным.

Мия выпустила свою тень, и тьма над ней задрожала.

– Я подумаю об этом. Отец.

Рябь во мраке.

Тихая песнь бегущих ног.

И она исчезла.

Он еще долго там стоял – неподвижный, как статуя, и такой же молчаливый. Теневой змей прополз через огромную карту республики, которой теперь правил Скаева, и свернулся черной лентой вокруг его щиколоток.

– ...*Думаешь, она послушается?*.. – спросил Уиспер.

Император взглянул на жаркие солнца снаружи.

– Думаю, в ней столько же от матери, сколько от меня.

Змей вздохнул.

– ...*Жаль...*

Скаева подошел к шахматной доске. Встал над полем битвы, над разбитыми рядами фигурок, глядя на них холодными черными глазами. Затем сел и одним резким движением смел все фигурки на пол. Потянувшись к горлу, нащупал кожаную веревку и порвал ее. На ней висел серебряный пузырек, закупоренный темным воском с выгравированными древнеашкаскими рунами.

Скаева сломал печать и вылил содержимое пузырька на доску – густое и рубиново-красное.

И пальцем, словно кистью, начал писать на крови.

Глава 8. Мерзавец

Если бы в «Итрейском толковом словаре», бестселлере дона Фиорлини, слово «мерзавец» сопровождалось бы иллюстрацией, это, вероятно, был бы портрет Клауда Корлеоне.⁹ Но сам он предпочитал термин «предприниматель».

Лиизианец был одет в черное с головы до пят: на нем были кожаный жилет поверх рубашки хорошего кроя (пожалуй, чересчур открытой) и, как кто-нибудь мог бы заметить, слишком тесные штаны. Под треуголкой с пером блестели изумрудно-зеленые глаза, челюсть, о которую можно было бы сломать лопату, была припорошена неизменной трехперемной щетиной. Он стоял в кабинете начальника порта на доках в Низах и торговался с монашкой.

По правде говоря, странная выдалась перемена. Все началось восемь часов назад, когда Клауд сделал внушительную и очень пьяную ставку на финал игр «Венатус Магни». Оглядываясь в прошлое, Клауд понимал, что ставка была не самым разумным вложением его скудных средств.

О, он-то не прогадал с победителем. Даже букмекер, принимавший ставку, сказал, что Клауд думает членом. Но наблюдая, как гладиат по кличке Ворона режет своих бывших коллег на кровавые кусочки, Клауд невольно восхитился не только ее ногами, но и мастерством. Он был настолько уверен в способностях девицы, что поставил на нее каждую монету, выигранную за пять предыдущих перемен кровавых игр, вместе с кучей других монет, которые, говоря откровенно, не должен был тратить.

Пока Ворона расчищала себе путь к триумфу в финальном поединке, Клауд, стоя на ногах, орал вместо со всей толпой. Когда она нанесла смертельный удар по Непобедимому, Клауд станцевал джигу, схватил ближайшую миловидную барышню и поцеловал прямо в губы (та отреагировала с энтузиазмом), что привело к массовой драке с участием возлюбленного барышни, дюжины его друзей, половины экипажа Клауда и десятков других азартных игроков, которые просто хотели помахать кулаками после тяжелой перемены, полной резни. Честно говоря, это было просто великолепно.

Но затем случилась первая неожиданность.

Клауд наблюдал за происходящим как в замедленной съемке. Ворона достала спрятанный клинок на постаменте победителя. Перерезала глотку кардиналу. Заколола консула, ударив его в грудь (ну, по крайней мере, так привиделось ему и половине экипажа). Крови натекло, как дешевого портвейна на лиизианской свадьбе. И пока все зрители вопили, плакали, ужасались, глядя, как этот мерзкий убог Дуомо падает в лужу собственного дерьма и крови, Клауд Корлеоне ликовал во всю глотку.

Следующая неожиданность тоже не заставила себя долго ждать.

У Клауда ушел почти час, чтобы протолкнуться к букмекеру за своим выигрышем. Он с наслаждением прокручивал в голове воспоминание о грязной кончине кардинала. Именно у входа в контору букмекера группа хмурых итрейских легионеров проинформировала мерзавца, что, поскольку *рабыня* прикончила самых важных ублюдков во всей гребаной республике, все ставки аннулировали. Видите ли, негоже наживаться на гибели консула и великого кардинала от рук человеческого имущества.

Клауда так и подмывало рассказать солдатам, каким редкостным ублюдком был при жизни их славный кардинал, но, взглянув им в глаза и услышав звуки нарастающей паники в городе, решил, что его скандальные высказывания приведут только к еще большим беспоряд-

⁹ Иллюстрации не прилагались. Все планы относительно второго, иллюстрированного издания «Толкового словаря» вылетели в трубу, когда жена Фиорлини сбежала с прибылью от первого издания вместе со своим лиизианским слугой Лоренцо и их собакой Кексиком.

кам. Посему, показав костяшки букмекеру, расплывшемуся в чертовой улыбке, капитан и его экипаж отправились обратно в гавань с трагически пустыми карманами.

Из-за драк и прочей хренотени, разразившейся на Форуме после объявления Скаевы о своем чудесном спасении от клинка ассасина (Клауд мог поклясться, что она пронзила его насквозь), им понадобилось еще три часа, чтобы добраться до порта, где была пришвартована «Кровавая Дева». И там, в кабинете Атилия Персия, начальника порта Годсгрейва¹⁰, его ждала последняя неожиданность этой занимательной перемены в лице вышеупомянутой Сестры Цаны.

Клауд как раз вносил последние поправки в документы «Кровавой Девы» и по-дружески поливал Атилия дерьмом (недавно жена родила этому несчастному мудню *шестую* дочь), когда в кабинет вошла монашка, оттолкнула Клауда в сторону и шмякнула на столешницу тугой мешочек с монетами.

– Мне нужно в Ашках. И побыстрее, будьте любезны.

Ей было не больше восемнадцати, но выглядела она на пару лет старше, одетая во все белоснежное. На ней были накрахмаленный чепец и пышная мантия, волочившаяся по полу. Холодные голубые глаза монашки смотрели на начальника; губы ее сжались в тонкую линию. Ваанианка, судя по виду, высокая и стройная. Из-под чепца выбивались светлые пряди, явно выкрашенные хной. Клауд на мгновение задумался, такая ли она снизу, как сверху.

В дверях позади нее стоял громила в темном одеянии. На его шее висела Троица Аа (довольно среднего качества, как заметил Клауд), а под мантией громилы что-то выпирало, очертаниями подозрительно напоминая мечи.

Клауд слегка вздрогнул. В кабинете ни с того ни с сего вдруг похолодало. Монахиня выжидательно вскинула бровь, глядя на начальника.

– Ми дон?

Атилиий глупо пялился, его щетинистые подбородки пошли ходуном.

– Прошу прощения, сестра. Просто... Не часто можно увидеть монахиню из Сестринства Огня, тем более в таком сомнительном районе, как Низы.¹¹

– Ашках, – повторила она, позвякивая мешком. – Сегодня, если возможно.

– Мы плывем в этом направлении, – подал голос Клауд, облокачиваясь на столешницу. – Сперва Стормвотч, затем Уайткип. Но потом – через Море Мечей напрямик в Ашках.

Монашка повернулась и настороженно на него посмотрела.

– У вас быстрый корабль?

– Быстрее, чем биение моего сердца, когда я смотрю в ваши прекрасные глаза, сестра.

Монашка закатила вышеупомянутые глаза и забарабанила пальцами по столешнице.

– Полагаю, вы пытаетесь продемонстрировать свое обаяние.

¹⁰ Начальник порта Годсгрейва – одна из самых завидных должностей во всем городе. Ее ввели много лет назад городские администраты, но прибыль, получаемая за счет контроля над тем, что приходит и уходит из Годсгрейва по морю, не ускользнула от внимания местных браавов – воров, вымогателей и головорезов, которые составляют организованную преступность столицы. Убийства следовали одно за другим, начальники порта исчезали быстрее, чем панталоны жениха в день свадьбы. И тогда ни кто иной, как Юлий Скаева предложил назначать на должность самих бандитов – гениальная политическая идея, благодаря которой он получил благосклонность и местных торговцев (просто желавших, чтобы их гребаные поставки приходили вовремя), и браавов (уставших от необходимости убивать новых начальников каждые пару недель) и администратов (у которых на том этапе уже начались проблемы с поиском кого-то достаточно тупого, кто бы согласился на эту работу). После недолгого обсуждения вопроса бандитами начальник порта был выбран, убийства прекратились, и все вернулись к сбору денежных урожаев – включая Юлию Скаеву, который, вновь проявив свою гениальность, рассудил, что начальник порта должен жертвовать один процент от всей прибыли в консульскую казну. Согласитесь, у этого мужика стальные яйца.

¹¹ Сестринство Огня – ответвление духовенства Аа, поклоняющееся Цане, Леди Огня. Состоит исключительно из женщин. Сестры дают обеты целомудрия, смирения, бедности, трезвости, и обычно проводят свою жизнь в благочестивых размышлениях, сидя в храмах за высокими стенами. Однако следует отметить, что Леди Цана является покровительницей не только женщин, но и воинов, и потому, помимо искусств освещения, травничества и акушерства, сестры осваивают умение орудовать луком, щитом и мечом. Так что, дорогие друзья, обет целомудрия не единственная причина, по которой до сестер не стоит доебываться.

– Безуспешно, судя по всему.

– Сколько будет стоить наш проезд?

– Наш? – Клауд покосился на ее здорового спутника. – Не знал, что у сестер Девственного Огня заведено путешествовать в компании мужчин.

– Вас это не касается, – холодно отчеканила она, – однако брат Трик позаботится о том, чтобы во время путешествия со мной не случилось ничего плохого. Времена сейчас опасные, и убийство нашего любимого кардинала Дуомо, да благословит и сохранит его Аа, тому доказательство.

– О да, – кивнул Клауд. – Очень жаль славного Дуомо. Сердце кровью обливается. Но не бойтесь, сестра, на борту «Кровавой Девы» вы будете в безопасности.

– Я и не боюсь. – Она многозначительно посмотрела на своего вышибалу.

«Бездна и кровь, как же тут холодно...»

– Так сколько за проезд, сударь? – переспросила она.

– В Ашках? Триста священников должно хватить.

На заднем фоне начальник порта чуть не подавился своим золотым вином.

– Это, кажется... очень дорого, – заметила сестра.

– Вы, кажется... очень спешите, – ухмыльнулся Клауд.

Монахиня посмотрела на своего высокого спутника. Еще сильнее поджала губы.

– Я дам вам две сотни сразу. Еще две сотни, когда мы доплывем до Ашкаха.

С улыбкой, которая обеспечила ему рождение четверых подтвержденных бастардов и Дочери знают, скольких еще неподтвержденных в придачу, Клауд Корлеоне приподнял треуголку и протянул сестре руку.

– Договорились.

На рукопожатие ответила ладонь покрупнее. Забрызганная чем-то черным, похожим на чернила, и принадлежавшая тому громиле. Хватка была такой сильной, что Клауд услышал, как хрустнули его костяшки. А еще от него веяло холодом, как из могилы.

– *ДОГОВОРИЛИСЬ*, – сказал он странным и глубоким, как океан, голосом.

Капитан высвободился из его хватки и размял пальцы.

– Как мне вас звать, сестра?

– Эшлин.

– А вас, брат? – он глянул на здорового ублюдка. – Трик, как я понял?

Тот просто кивнул; его лицо было скрыто капюшоном.

– У вас есть багаж? Я прикажу своим ребятам отнести...

– Все необходимое при нас, капитан, благодарю, – перебила сестра.

– Что ж, – вздохнул он, подхватывая увесистый мешочек. – Тогда прошу следовать за мной.

Они вышли из кабинета Атилия и Клауд повел их по людной набережной, чувствуя колебания в воздухе. Как минимум двадцать других кораблей готовились к отплытию в синюю даль, крики экипажей эхом разносились по гавани. После объявления Скаевы в городе царила странная атмосфера – люди радовались, что новый император держит ситуацию под контролем, и горевали из-за убийства кардинала. Клауд был совсем не против убраться ненадолго отсюда.

Они прибыли к «Кровавой Деве», покачивавшейся у причала. Глубокие воды Низов приобрели грязно-бурый оттенок под тремя горящими глазами Всевидящего. Корабль был быстрой трехмачтовой караккой с дубовым килем и кедровой палубой, окрашенной снаружи в теплый красновато-коричневый цвет. Носовая фигура изображала прекрасную обнаженную женщину с длинными рыжими волосами, умело уложенными так, чтобы сохранить ее целомудрие, – или прикрыть самые интересные места, это уж как посмотреть. Отделка и паруса были кроваво-алыми, отсюда и название корабля, и хоть Клауд владел этой красоткой больше семи лет, от ее вида у него по-прежнему захватывало дух. По правде говоря, он уже потерял

счет всем тем женщинам, которых познал в своей жизни. Но ни одну из них он не любил так сильно, как свою «Деву».

- Ахой, парни, – сказал он, поднявшись по трапу.
- Ты привел с собой монашку! – радостно воскликнул Большой Джон.
- Верно подмечено, – ответил Клауд своему старшему помощнику.
- Это что-то новенькое.
- Все бывает в первый раз.

Большой Джон был маленьким человеком. Все в гавани Низов это знали. Не карликом – он доходчиво объяснил это последнему глупцу, который посмел так его назвать, пробив ему череп кирпичом. И не лилипутом, вот уж нет. Он дал это понять целой таверне матросов, отрезав одному тупому ублюдку его хер. Пригвоздив мошонку мужчины ножом к барной стойке, Большой Джон уведомил всех присутствовавших, что предпочитает термин «маленький человек», и поинтересовался, есть ли у кого-нибудь возражения.

Не было. Ни тогда, ни после.

- Сестра Эшлин, – обратился Клауд. – Это мой старший помощник – Большой Джон.
- Очень приятно, – мужчина поклонился, показывая ряд серебряных зубов. – А вы оставляете костюм во время или...

- Она не ряженая проститутка, а настоящая монахиня.
- О... – Большой Джон подергал себя за воротник голубой туники. – Ясно.
- Я отведу ее в каюту. А ты пока отправь нас в путь.

– Есть, капитан! – Большой Джон развернулся на пятках и заорал голосом, который полностью восполнял его недостаток в росте. – Ладно, говноеды позорные, шевелитесь! Толивер, достань кулак из жопы и закрепи эти гребаные бочки! Каэль, оторвись от чертовой дудки Андретти и поднимайся в гнездо, пока я не заставил тебя пожалеть, что твой старик не засадил твоей матери в ухо в ту памятную неночь...

...и так далее.

– Простите, сестра, – сказал Клауд. – Он ругается как сапожник, но Большой Джон лучший помощник по эту сторону древнего Ашкаха.

– Я слыхала и похуже, капитан.

Он наклонил голову.

– Неужели?

Монахиня молча взглянула на него в ответ, а здоровенная гора мяса за ее спиной слегка выпрямилась. Так что, без дальнейших церемоний, Клауд проводил их по лестнице вниз, в недра «Девы». Пройдя по узкому коридору к каюте по левому борту, он театрально распахнул дверь и отошел в сторону.

– Боюсь, у нас только гамаки, но зато места полно. Можете отужинать со мной или наедине, как пожелаете. В моей каюте также есть ванна, если потребуется. Архимическая плита. Горячая вода. Ваше уединение никто не нарушит, но если все же кто-то из моих соленых будет вам докучать, хоть это и маловероятно, сообщите об этом мне или Большому Джону, и мы обо всем позаботимся.

– Ваших «соленых»?

– Моей команды, – мужчина улыбнулся. – Простите, сестра, у меня лексикон моряка. Как бы там ни было, «Кровавая Дева» – мой дом, а вы – мои гости.

– Благодарю, капитан, – сказала монахиня, опускаясь в один из гамаков.

Клауд Корлеоне внимательно присмотрелся к девушке. Ее бесформенная белая мантия была достаточно широкой, чтобы под ней могла спрятаться еще одна монахиня – увы, оставляя тем самым слишком много места для фантазий. Но она была симпатичной – с веснушками на щеках и ясными глазами цвета безоблачного неба. Монахиня сняла чепец, и ее длинные, слегка завивающиеся рыжие волосы упали на плечи. Выглядела она так, будто не спала три

перемены и остро нуждалась в сытном ужине, но все же барышню с такими данными не стали бы выгонять из постели за пердеж, святая она девственница или нет.

Однако что-то в ней казалось неправильным.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, капитан? – спросила она, вскинув бровь.

Капитан почесал щетинистый подбородок.

– Еще в моей каюте есть кровать, если вам надоест гамак.

– Все еще пытаетесь сразить своим обаянием, как я вижу...

– Что ж, – он застенчиво, по-ребячески улыбнулся. – У меня слабость к женщинам в форме.

– Скорее без нее, чем в ней, могу поспорить.

Капитан ухмыльнулся.

– Мы отчалим с минуты на минуту. Сначала на север в Стормвотч, а затем быстро помчим к Уайткипу. Если повезет с ветрами, мы будем там к концу недели.

– Тогда помолимся, чтобы так и было.

– Сестра, если хотите увидеть меня на коленях – только скажите.

Здоровяк в углу зашевелился, поправив один из бугорков, подозрительно напоминавших рукояти мечей, и капитан решил, что на сегодня он узнал достаточно. Подмигнув и улыбнувшись так, что даже стены очарованно сбросили бы с себя краску, Клауд Корлеоне приподнял треуголку.

– Доброй вам неночи, сестра.

И закрыл дверь каюты.

Направившись по коридору на палубу, капитан тихо пробормотал себе под нос:

– Ага, монахиня, как бы не так.

– Ну и ну, у этого скользкого ублюдка стальные яйца, – возмущенно прошептала Эшлин. Над дверью в каюту материализовался Мистер Добряк.

– ...*Любопытно, где он прячет тачку для них?*..

– Я одета как *монахиня*, – Эшлин с негодованием окинула взглядом помещение. – Он же понимает, что я одета как *ебаная монахиня*?

В дальнем углу каюты появилась Мия, откинув плащ из теней. Йоннен стоял со связанными запястьями; одной рукой сестра обнимала его, другой закрывала ему рот. Когда Мия отошла, мальчишка окинул ваанианку презрительным взглядом.

– Тебе стоит вымыть свой *поганый* рот, профурсетка.

– Тихо, – шикнула Мия. – Или тебя снова ждет кляп.

Йоннен надулся, но замолчал, глядя в спину сестре, пока та пересекала каюту. Заперев дверь на замок, Мия повернулась к Эшлин.

– Я ему не доверяю.

Трик, стоявший в другом углу, снял капюшон. Когда он заговорил, с его губ сорвалось белое облачко пара.

– *Я ТОЖЕ.*

– Значит, нас таких трое, – подытожила Эшлин. – С тем же успехом он мог написать слово «пират» на заднице своих нелепых штанов. Хорошо, что вторую часть денег он получит только *после* прибытия в Ашках.

– Не знала, что средства, которые выделил нам Меркурио, были настолько обширными.

– Они... и не были. Но будем решать проблемы по мере их поступления. «Песнь Сирены» уже покинула порт. Этот корабль плывет в нужном направлении, и нам больше нечего предложить другим. Либо мы попытаем удачу здесь, либо придется идти по акведуку пешком и надеяться на чудо. А учитывая, что мы стащили мой наряд с монастырской бельевой веревки, вряд ли боги будут к нам благосклонны.

Мистер Добряк начал вылизывать свою полупрозрачную лапку.

– ...*Вся эта затея далась бы нам куда легче, если бы мы могли... о, даже не знаю, превратиться в невидимок до конца плавания...*

Мия хмуро посмотрела на своего спутника.

– Сейчас истинно свет, Мистер Добряк. Я едва могу спрятать себя и Йоннена при свете этих проклятых солнц. Но спасибо, что заставил меня почувствовать себя еще дерьмовей в нашем и без того затруднительном положении.

– ...*Не за что, обращайся...* – промурлыкал он.

Мия посмотрела на дверь, за которую вышел пират, и пробормотала:

– Наш капитан кажется смышленным малым.

– **ПОЖАЛУЙ, ДАЖЕ СЛИШКОМ**, – поддакнул Трик.

– Таких не бывает, как подсказывает мой опыт.

Мия со стоном опустилась в один из гамаков и скривилась. Некоторое время она задумчиво покусывала губу, тщетно борясь со смыкающимися веками.

– Но Эш права, – наконец заявила она. – Нам не из чего выбирать. Я предлагаю рискнуть и остаться на «Деве». Пока мы с Йонненом будем держаться вне поля зрения, а ты – терпеть его оболыщания, пара недель, думаю, у нас есть.

– ...*Уверен, донна Ярнхайм возненавидит каждую минуту его внимания...*

Эшлин проигнорировала кота из теней и обеспокоенно взглянула на Мию. Девушка осела в гамаке, повесив голову и слегка покачиваясь в такт тихому плеску воды о корпус. Казалось, она вот-вот потеряет сознание от изнеможения. Наверху слышались крики экипажа, красочная ругань Большого Джона и песнь разворачиваемых парусов; в воздухе витал соленый запах моря.

Йоннен по-прежнему стоял в углу, в его тени лежала Эклипс.

– Ты что-нибудь с ним сделала, Царетворец? – тихо спросил он.

Мия поймала взгляд его темных глаз; в пространстве между ними повисла тень Юлия Скаевы. Прошли долгие секунды, прежде чем она ответила:

– Нет.

– Я хочу домой, – захныкал мальчик.

– А я хочу пачку сигарилл и бутылку золотого вина такого размера, чтобы утонуть в ней. – Мия вздохнула. – Мы не всегда получаем желаемое.

– Я – всегда! – насупился он.

– Уже нет, – Мия потерла глаза и подавила зевоту. – Добро пожаловать в настоящий мир, братец.

Йоннен злобно уставился на нее. Эклипс поднялась из тьмы у его ног и перекочевала ксилуэту мальчика на стене, из-за чего тень стала вдвое темнее. Если бы не демон, мальчик, вероятно, уже бился бы в истерике, но учитывая все, через что ему пришлось пройти, ребенок неплохо справлялся.

Тем не менее Эшлин все равно не нравился взгляд, каким он смотрел на свою сестру. Злобным.

Голодным.

– ...**Что теперь?**.. – прорычала Эклипс.

– ...*Сыграем быструю партейку в «душек и шлюшек»?* – предложил Мистер Добряк.

– ...**Вот тебе обязательно это делать, киса?**..

– ...*Всегда, моя милая дворяшка...*

Теневая волчица посмотрела своими не-глазами на остальных в каюте.

– ...**И я должна поверить, что эта невоспитанная кошара с предпубертатными шутками – фрагмент разбитого божества?**..

– Да заткнитесь вы! – рявкнула Эшлин.

– Ответ довольно прост, – сказала Мия, подавляя очередной зевок. – Меркурио в руках Духовенства. Пока не вернем его, мы со Скаевой в тупике. – Она пожала плечами. – Следовательно, нам нужно его вернуть.

– Мия, его держат в Тихой горе, – ласково возразила Эшлин. – В эпицентре власти Красной Церкви на этой земле. Охраняемой Клинками Матери, самим Духовенством и бездна знает, чем еще.

– Ага.

– Более того, уверена, мне не нужно напоминать, что Меркурио схватили, чтобы добраться до *тебя*, – продолжила ваанианка, повышая голос. – Тебе рассказали, что он у них, потому что *хотят*, чтобы ты пошла за ним. Чтобы сделать эту гребаную ловушку еще более очевидной, Духовенству пришлось бы нанять кучу дорогуших куртизанок, танцующих в лии-зианском нижнем белье и задорно поющих хором: «Это очевидная *гребаная ловушка*».

Мия слабо улыбнулась.

– Люблю эту песню.

– Ми-и-ия... – раздраженно простонала Эш.

– Он приютил меня, Эшлин, – ее улыбка испарилась. – Когда меня лишили всего. Дал мне пристанище и оберегал меня без единой на то причины. – Она взглянула на девушку блестящими глазами. – Он – моя семья. Больше, чем почти кто-либо на этом свете. *Не диис лус'а, лус диис'а*.

– Когда всё – кровь...

– Кровь – это всё, – закончила Мия.

Эшлин лишь покачала головой.

– *МИЯ*...

– Тихая гора находится в Ашкахе, Трик, – перебила она. – Нам все равно по пути. Так что избавь меня хоть ненадолго от своей болтовни про судьбу, ладно?

– *ЗНАЧИТ, ТЫ СМИРИЛАСЬ С НЕЙ?*

– Вовсе нет. – Мия с тихим стоном закинула ноги на гамак. – Пока достаточно и того, что мы плывем в правильном направлении.

– Духовенство узнает, что мы направляемся к ним, – заметила Эш, вставая, чтобы помочь ей снять заляпанную кровью обувь. – Тихая гора – это крепость.

– Ага. – Мия с кряхтением пошевелила пальцами на ногах.

– И как, ради Матери, ты надеешься проникнуть внутрь и спасти Меркурио? – настойчиво спросила ваанианка, снимая с ноги Мии вторую сандалию. – Не говоря уж о том, чтобы выйти оттуда живой?

– Через парадную дверь.

Мия тяжело вздохнула, наконец устроившись в гамаке и сдавшись сонливости.

– Через гребаную парадную дверь?! – прошипела Эш. – Тихой горы? Для этого тебе потребуется армия, Мия!

Та закрыла глаза.

– У меня есть одна на примете. Маленькая, но все же...

– Что, ради всего святого, ты несешь? – разъярилась Эшлин.

Гамак легонько укачивал утомленную девушку. Хаос и кровопролитие последних перемен, прозрения и пророчества, нарушенные и еще не исполненные обещания – все это, похоже, наконец догнало ее. Обеспокоенные морщинки на ее лице разгладились, шрам на щеке слегка приподнял уголок губ, так что казалось, будто она улыбается. Ее грудь поднималась и опускалась в ритме волн.

– Мия? – позвала Эш.

Но та уже спала.

В наступившей тишине Йоннен тихо спросил:

– ...Что значит «предпубертатный»?

Глава 9. Грезы

Ей снился сон.

Она была ребенком и шагала под небом – серым, как краска прощания. По воде гладкой, как полированный камень, как стекло, как лед под ее босыми ногами. Он простирался так далеко, насколько хватало глаз, безупречный и бесконечный. Мениск в океане вечности.

Слева шла ее мать. Одной рукой она придерживала перекошенные весы. Другой – ладонь Мии. На матери были перчатки до локтя из черного шелка, длинные и мерцающие тайным сиянием. Но когда Мия присмотрелась, то увидела, что это вовсе не перчатки, что они капают кап-кап

кап-кап

на камень/стекло/лед под их ногами, как кровь из перерезанного запястья.

Платье матери было черным, как грех, как ночь, как смерть, и усеяно миллиардом крошечных точек света. Они светились изнутри сквозь ткань ее юбки, словно булавки в шторах, задернутых от солнца. Она была прекрасна. Ужасна. Глаза черные, как ее платье, и глубокие, как океан. Кожа бледная и сияющая, как звезды.

Она выглядела как Алинне Корвере. Но Мия знала, как возможно знать только во сне, что это не ее настоящее лицо. У Ночи вообще нет лица.

А в другой части этой бесконечной серости их ждал он.

Отец.

Он был облачен во все белое, такое яркое и ослепительное, что у Мии заболели глаза. Но она все равно смотрела на него. А он смотрел на нее, пока они с матерью подходили ближе, своими тремя глазами – красным, желтым и голубым. Стоило признать, он был красив – даже мучительно красив. Черные кудри на висках припорошил легчайший намек на седину. У него были широкие плечи, а бронзовая кожа резко контрастировала с белоснежной тогой.

Он выглядел как Юлий Скаева. Но Мия знала, как возможно знать только во сне, что это не его настоящее лицо.

Его окружали четыре молодые женщины. Первая – объятая пламенем, вторая – омываемая волнами, третья – облаченная в один лишь ветер. Четвертая спала на полу, укрытая осенними листьями. Неспящее трио смотрело на Мию с терпкой, неприкрытой злобой.

– Муж, – поздоровалась ее мать.

– Жена, – ответил отец.

Все шестеро замерли в молчании, и будь у Мии сердце, она бы точно услышала, как оно колотится в груди.

– Я скучала, – наконец выдохнула ее мать.

Тишина стала такой всепоглощающей, что едва не оглушала.

– Это он? – спросил отец.

– Ты сам знаешь.

Тогда Мия захотела вмешаться, сказать, что это она – а никак не «он». Но, опустив взгляд, дитя уловило странное видение в зеркальном отражении на камне/стекле/льду под своими ногами.

Она видела себя – бледная кожа, длинные темные волосы, струившиеся по худым плечам, и раскаленные белые глаза. Но за ее спиной маячило очертание, вырезанное из тьмы; черное, как платье матери.

Оно смотрело на Мию своими не-глазами, его контуры подрагивали и искажались, подобно трепещущему пламени без огня. Из плеч и макушки вырастали языки тьмы, напоминающая дым от горящей свечи. На лбу был нарисован серебряный круг. И, словно зеркало, этот круг ловил свет от тоги ее отца и отражал его бледным и ярким, как глаза Мии, блеском.

Посмотрев на этот идеальный круг, она поняла, что такое лунное сияние.

– Я никогда тебя не прощу, – сказал ее отец.

– Я никогда и не попрошу об этом, – ответила мать.

– Я не потерплю соперников.

– А я – угроз.

– Я – могущественнее.

– Но я была первой. Полагаю, эта ничтожная победа греет тебя по ночам.

Тогда отец посмотрел на нее, и его улыбка стала темной, как синяк.

– Хочешь знать, что греет меня по ночам, малыша?

Мия снова взглянула на свое отражение. Наблюдала, как бледный круг на ее челе разбивается на тысячу мерцающих осколков. Тень у ног Мии раскололась, потянулась во всех направлениях и, клубясь, приняла форму ночных созданий: кошек и волков, змей и ворон, и форму чего-то бесформенного. Из ее спины, подобно крыльям, выросли чернильно-черные струйки, из каждого пальца – лезвия из мрака. Она услышала крики, становившиеся все громче и громче.

И в конце концов поняла, что кричит она сама.

– Многие были одним, – сказала мать. – И станут снова.

Но отец покачал головой.

– Ты – моя дочь, во всех смыслах этого слова.

Он поднял на горячей ладони черную пешку.

– И ты умрешь.

Книга 2. Умирающий свет

Глава 10. Неверующие

Мия проснулась, подскочив как пружина, и чуть не свалилась с гамака.

Как и в предыдущие две перемены, бортовые иллюминаторы были закрыты ставнями. Каюту окутывал тот же полумрак, что царил здесь с тех пор, как они отплыли от Низов, легонько покачиваясь в открытом море. С «Магни» прошло почти три перемены, но тело Мии по-прежнему болело в таких местах, о существовании которых она даже не подозревала, и нуждалось как минимум в семи неночах здорового сна.

Нормального сна, если точнее.

Сны. Сны о крови и пламени. Сны о безграничной серости. Сны о ее родителях, или же о существах в их обличье. Сны о Фуриане, погибающем от ее руки. Сны о ее тени, становящейся темнее и темнее, пока Мия не тонет в ней, пока тень не поднимается вверх и через губы не проникает в ее легкие. Сны о том, как она лежит на спине и смотрит на ослепительные небеса, но кожа с ее ребер содрана, а по внутренностям, словно личинки по труп, ползают крошечные людишки.

– *СНОВА КОШМАР?*

Услышав его голос, Мия затрепетала и тут же устыдилась. Незаметно покосилась на Эшлин, спящую в соседнем гамаке. Затем снова на мертвого юношу, сидевшего в углу с тех самых пор, как они отправились в путь по Морю Безмолвия. Его капюшон был откинут, ноги скрещены, на коленях – мечи из могильной кости, на них лежали черные руки.

Но, Богиня, как же он был красив. Это была уже не та мужественная, земная красота, что раньше, нет. Теперь это мрачная красота. Высеченная из алебастра и эбонита. Черные глаза, бледная кожа и голос столь низкий, что он отдавался у нее между ног. Королевская красота, облаченная в мантию из ночи и змей, с короной из сумрачных звезд на челе.

– Прости, я тебя разбудила?

– *Я НЕ СПЛЮ, МИЯ.*

Она часто заморгала.

– Вообще?

– *ВООБЩЕ.*

Мия убрала волосы с лица и, стараясь не шуметь, свесила ноги с гамака. Когда она выпрямилась, ее раны натянулись, перевязки зацепились за струпья, и девушка невольно сморщилась от боли. Она чувствовала на себе взгляд этих крошечно-черных глаз, наблюдавших за каждым ее движением. Мие до смерти хотелось покурить. Подышать свежим воздухом. Принять гробаную ванну. Они торчали тут уже две перемены, и обстановка понемногу начинала утомлять.

Йоннен превратился в сплошной клубок из ярости и негодования, и сдерживать его могло только неизменное присутствие Эклипс. Надутый и угрюмый, он часами сидел в углу, отрывал завитки от собственной тени и швырял их в дальнюю стену: трюк, который он проделывал в некрополе, когда закрыл глаза Мие. Эклипс бегала за тенистым шариком, словно щенок, и Йоннен улыбался, но стоило ему поймать взгляд Мии, как улыбка испарялась.

Она чувствовала его злость. Его ненависть и недоумение.

Но не могла винить его.

Еще одним источником беспокойства были Эшлин с Триком – напряжение между ними казалось таким плотным, что его можно было нарезать и подать с так называемым «рагу», которое они ели каждый вечер на ужин. Между ними сгущались штормовые тучи, обещая

грозу, которая затмит все солнца. И, по правде говоря, Мия понятия не имела, что с этим делать. Да, раньше она обсудила бы ситуацию с Триком. Но он изменился.

Увидев его впервые, она не знала толком, что чувствует. Радость и вину, блаженство и печаль? Но после нескольких перемен в его компании она поняла, что контуры его натуры не изменились, просто заполнились немного другими красками. Теперь вокруг него ощущалась тьма – та же, которую Мия ощущала внутри себя. Манящая. И возможно, несмотря на Мистера Добряка в ее тени, пугающая.

Мия опустила голову, и реки ее длинных черных волос заструились, падая на лицо. На каюту туманной завесой опустилась тишина.

– Прости, – наконец пробормотала она.

Мертвый юноша наклонил голову, его дреды извивались, как сонные змеи.

– *ЗА ЧТО?*

Мия закусила губу, подбирая блеклые и жалкие слова, которые каким-то чудом должны были все исправить. Но люди – это загадка, которую она никогда не могла постичь. Ей всегда лучше удавалось резать вещи на кусочки, чем соединять их воедино.

– Я думала, что ты мертв.

– *Я ЖЕ СКАЗАЛ*, – ответил он. – *ТАК И ЕСТЬ*.

– Но... я думала, что уже никогда тебя не увижу. Что ты исчез навсегда.

– *НЕ САМОЕ ГЛУПОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ. В КОНЦЕ КОНЦОВ, ОНА ТРИЖДЫ ПРОН-
ЗИЛА МЕНЯ В СЕРДЦЕ И СТОЛКНУЛА С ГОРЫ.*

Мия посмотрела через плечо на Эшлин. Та свернулась клубком, положив веснушчатую щеку на ладонь, ее длинные ресницы трепетали во сне.

Любовница.

Лгунья.

Убийца.

– Я сдержала свое обещание. Твой дед погиб с криками на устах.

Трик склонил голову.

– *БЛАГОДАРИЮ, БЛЕДНАЯ ДОЧЬ.*

– Не надо... – Мия осеклась от комка в горле и покачала головой. – ...Пожалуйста, не называй меня так.

Он повернулся к Эшлин. Затем прижал черную, залитую ночью руку к груди и поскреб ее, словно вспоминая ощущения от укола клинка.

– *КСТАТИ, ЧТО ПРОИЗОШЛО С ОСРИКОМ?*

– Его убил Адонай. Утопил в бассейне крови.

– *ОН ТОЖЕ КРИЧАЛ?*

Мия вспомнила брата Эшлин, исчезнувшего под алым потоком в ту перемену, когда люминаты захватили гору. Глаза, круглые от страха. Рот наполнен багровой жидкостью.

– Пытался, – наконец ответила она.

Трик кивнул.

– Наверное, ты считаешь меня бессердечной мандой, – вздохнула девушка.

– *ТЫ ВСЕ РАВНО СОЧТЕШЬ ЭТО ЗА КОМПЛИМЕНТ.*

Мия резко подняла голову, думая, что он разозлился. Но увидела, что его губы изгибаются в тонкой, сдержанной улыбке, и на щеке вырисовывается тень ямочки. На секунду это напомнило ей, каким он был раньше. И о том, что у них было прежде. Она всмотрелась в его бескровное лицо и чернильно-черные глаза, увидела прекрасного, сломленного юношу, и ее сердце налилось свинцом.

– *ТЫ ЛЮБИШЬ ЕЕ?* – спросил он.

Мия вновь взглянула на Эшлин. Вспомнила ее прикосновения, ее запах, ее вкус. Лицо, которое Эшлин показывала миру, – свирепое и суровое, – и нежность, которую проявляла

только к Мие, лежа в ее объятиях. Она таяла, словно снежинка, у нее на губах. Была поэзией на ее языке. Мия и Эшлин были мрачным отражением друг друга; обе, ведомые возмездием, делали и желали то, о чем другие не осмелились бы мечтать.

О чем-то восхитительном.

О чем-то ужасном.

– Всё...

– ...*СЛОЖНО?*

Мия медленно кивнула.

– Но такова жизнь, верно?

С губ Трика сорвался невеселый смешок.

– *ПОГОВОРИМ, КОГДА ПОПРОБУЕШЬ УМЕРЕТЬ.*

– Пожалуй, воздержусь, если это будет зависеть от меня.

– *СМЕРТЬ – ЕДИНСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ, КОТОРОЕ МЫ ВСЕ СДЕРЖИВАЕМ. РАНО ИЛИ ПОЗДНО.*

– Я предпочту «поздно», если ты не возражаешь.

Они встретились глазами. Черными с черными.

– *ОТНЮДЬ.*

Их беседу внезапно прервал звон тяжелого колокола, и они дружно посмотрела вверх, где находилась палуба «Девы». Мия услышала приглушенные крики, топот сапог по дощатому полу, нотки смутной тревоги. Эшлин подскочила в гамаке, проснувшись от шума, и потеряла лицо запястьем.

– Что такое? – сонно пробубнила она.

Мия встала и, прищурившись, посмотрела на балки над их головами.

– Не знаю, что, но вряд ли что-то хорошее.

Снова звон колокола. Затем череда приглушенных и поражающих воображение ругательств. Мия медленно подошла к иллюминатору и открыла деревянные ставни, впуская нестерпимое пламя истинного света. Йоннен поднял голову с гамака и, прищурившись, сонно окинул каюту взглядом. Мистер Добряк выругался со своего местечка над дверью.

Мия часто заморгала от ослепительного света. Как только глаза Эшлин привыкли, она присоединилась к ней у иллюминатора. Над холмиками волн за стеклом Мия увидела на горизонте очертания парусов, прошитых золотой нитью.

– Это итрейский военный корабль... – пробормотала Эшлин.

Мия подняла взгляд.

– Похоже, наш экипаж не в восторге от этой встречи.

– ...*Напротив, как по мне, голоса они очень восторженно...*

– ...*О, браво, ты репетировала свои искрометные комментарии?..*

– ...*Мне не нужно репетировать, киса. Некоторым из нас остроумие дано от природы...*

Эшлин опустила голову в бочку с чистой водой, чтобы окончательно проснуться, и наскоро заплела волосы в неровную косичку.

– Я поднимусь вверх и пообщаюсь с капитаном.

– Иди с ней, брат Трик, – сказала Мия. – Я останусь с Йонненом.

Мертвый юноша медленно поднялся. Глядя на Эшлин бездонными глазами, он спрятал клинки из могильной кости под мантией и накинул капюшон.

– *ПОСЛЕ ВАС, СЕСТРА.*

Эш натянула ботинки, в которых ходила со времен арены Годсгрейва, и прикрепила короткий меч к ноге. Надев сестринскую мантию и чепец, направилась к двери.

– Будь осторожна, ладно? – сказала вдогонку Мия.

Эш усмехнулась, наклонилась и поцеловала ее в губы.

– Ты же знаешь поговорку. Что меня не убивает, тому лучше убивать со всех ног. И, взмахнув белой мантией, ваанианка скользнула за дверь. Мия старалась не смотреть на Трика, когда он выходил из каюты вслед за Эшлин.

– Что ж, – вздохнул Клауд Корлеоне. – Как сказала моя дражайшая учительница донна Элиза в год, когда мне исполнилось шестнадцать: «Отымейте меня нежно, а затем оттрахайте как следует».

Трехглазый Каэль свесился с вороньего гнезда.

– Они подают нам сигнал, капитан!

– Да, я вижу! – крикнул тот, взмахнув подзорной трубой. – Большое спасибо!

– Эти сраные императорские говноеды нас догоняют, – проворчал Большой Джон, становясь у перил рядом с ним.

Клауд помахал подзорной трубой у него перед носом.

– Эта штука работает, знаешь ли.

– Капитан? – раздался голос.

Клауд оглянулся и увидел на палубе Ее Не-Такое-Уж-И-Святейшество с двухметровым сторожевым псом, маячившим у монашки за спиной. Несмотря на истиносвет, вокруг внезапно похолодало и по коже пробежала дрожь.

– Вам лучше спуститься в каюту, сестра. Там безопаснее.

– Значит, наверху *не* безопасно?

– Я бы не...

Сестрахватила из руки Клауда подзорную трубу и, прижав ее к глазу, посмотрела на горизонт.

– Это не обычный итрейский флот, – заметила она. – Корабль люминатов.

– Вы очень наблюдательны, сестра.

– И, похоже, они вооружены архимическими пушками.

– И снова да, моя труба хорошо работает, спасибо.

Монахиня опустила ее и взглянула на капитана.

– Что им нужно?

Клауд показал на красную дымку, которую корабль выпустил в небо.

– Чтобы мы остановились.

– **ЗАЧЕМ?** – спросил ее телохранитель.

Капитан уставился на него.

– ...Слушай, как тебе удастся так менять голос?

Монахиня вернула Клауду подзорную трубу.

– И часто люминаты останавливают корабли посреди океана без какой-либо видимой причины?

– Ну-у, – Клауд начал шаркать ногой по палубе. – Обычно нет.

Монахиня и ее охранник встревоженно переглянулись.

Большой Джон пробубнил уголком рта:

– Может, это Антолини дал им наводку?

– Он бы так со мной не поступил, правда?

– Ты отымел его жену, капитан.

– Только потому, что она вежливо об этом попросила.

– Этот педофил Флавий поклялся убить тебя при следующей встрече, – размышлял маленький человек, потягивая трубку из кости драка. – Может, он проявил изобретательность?

– Я всего-то должен ему немного денег. Это не повод стучать на меня люминатам.

– Ты должен ему целое *состояние*. И тоже отымел его жену.

Клауд Корлеоне вскинул бровь.

– Тебе что, больше нечем заняться?

Большой Джон посмотрел на суматоху, царившую на центральной и носовой частях палубы, и на мачтах наверху. А затем пожал плечами и показал все свои серебряные зубы.

– Да не особо.

– По-прежнему нагоняют, капитан! – крикнул Каэль.

Клауд поднял подзорную трубу.

– Четыре гребаные Дочери, эта хрень работает!

– Капитан, – начала монахиня. – Боюсь, я вынуждена настаивать...

– Простите, сестра, – перебил пират. – Но мы не будем останавливаться.

– ...Нет?

– Это военный корабль люминатов, капитан, – возразил Большой Джон. – Не уверен, что «Дева» сможет от него оторваться.

– О, в тебе так мало веры. Отдай приказ.

– Да, да, – вздохнул маленький человек.

Большой Джон отвернулся от перил и проревел матросам:

– Эй, вы, спермохлебы разьебанные! Мы сматываемся! Поднимайте паруса до предела! Если у вас есть тряпка для подтирания или обконченный платок, я хочу, чтобы они были привязаны к мачте, вперед, *вперед!*

– Капитан... – начала монахиня.

– Не волнуйтесь, сестра, – заявил Клауд. – Я знаю океан и свой корабль. Мы плывем по быстрому потоку, а неночные ветра вот-вот начнут целовать наши паруса, прямо как я жену дона Антолини.

Капитан поднял позорную трубу и слегка улыбнулся.

– Эти богопоклонники и пальцем к нам не притронутся.

Первый пушечный снаряд упал в тридцати метрах от носа корабля. Второй – в шести метрах от кормы, обуглив краску. А третий пролетел так близко, что Клауд мог бы им побриться.

Военный корабль люминатов плыл параллельно «Деве», сверкая золотыми нитями на парусах. Капитан увидел его название, написанное жирным курсивом на носу судна.

«Верующий».

Пушки готовились выпустить очередной залп архимического огня – три предыдущих были предупреждением, и Клауду не нравились его шансы с четвертым. Кроме того, учитывая, что «Дева» прятала в своих трюмах, одного смачного поцелуя от «Верующего» будет более чем достаточно.

– Все прекратили работу! – сплюнул капитан. – Поднимите белый флаг.

– Стойте, никчемные долбоящеры! – заревел Большой Джон со шканцев. – Все замерли!

– О да, – пробормотала сестра Эшлин, стоя у перил. – Хорошо вы знаете океан и свой корабль, капитан...

– Забавно, – Клауд повернулся к ней, – мое первое впечатление о вас было весьма благосклонным, но, должен сказать, чем больше я вас узнаю, тем меньше вы мне нравитесь.

Ее телохранитель скрестил руки на груди и фыркнул.

– **НАМ С ТОБОЙ НАДО БУДЕТ КАК-НИБУДЬ ВЫПИТЬ...**

«Дева» заплыла слишком далеко в океан, чтобы бросать якорь, и потому, когда паруса собрали и корабль развернули, пиратам оставалось только ждать, пока «Верующий» пришьвартуется к ним. Чем ближе подплывал огромный военный корабль, тем ниже падало сердце Клауда, стремясь к самым пяткам. По бокам судно было оснащено архимическими пушками из мастерских Железной Коллегии, а на палубе толпились итрейские пехотинцы в кольчуге и кожаной броне с тремя солнцами на груди. При них были короткие мечи и легкие деревянные

щиты, идеально подходящие для ближнего боя на палубе вражеского корабля. А еще они как минимум вдвое превосходили числом экипаж «Девы».

На корме Клауд заметил полудюжину люминатов в броне из могильной кости, с кроваво-алыми плащами и плюмажами, развевающимися на морском бризе. Ими командовал высокий центурион с заостренной бородкой и пронзительными серыми глазами. У него был вид парня, который остро нуждался в профессиональной дробке.¹²

– Проклятые богопоклонники, – проворчал капитан.

– Ага, – поддакнул Большой Джон, становясь рядом. – Чтоб их утопила Леди Трелен.

– Все будет нормально, – пробубнил Клауд больше себе, чем своему старшему помощнику. – Она хорошо спрятана. Им придется разобрать корпус на части, чтобы найти ее.

– Если только они не знают, где искать.

Клауд посмотрел на своего помощника расширившимися от изумления глазами.

– Они бы не стали?..

Маленький человек подкурил свою трубку кремневым коробком и задумчиво выдохнул дым.

– Я же *говорил*, не надо было пехаться с женой Антолини, капитан.

– А я говорил, что она вежливо попросила. – Клауд понизил голос. – *Очень* вежливо, чтоб ты знал.

– Думаешь, эти люминаты будут такими же обходительными? – Большой Джон фыркнул, наблюдая, как они готовятся взойти на борт. – Поскольку они явно намерены отыметь нас, даже не сомневайся.

Клауд скривился, когда в перила «Девы» впились дреки и на пол посыпались щепки. Экипаж «Верующего» сбросил вдоль корпуса тяжелые мешки, набитые сеном, чтобы смягчить удар при столкновении. «Деву» подтащили ближе механическими лебедками, и два корабля наконец встали бок о бок. Тросы натянули, от захватчиков выставили трап.

Центурион Дрочер злобно посмотрел на пиратов с юта «Верующего».

– Я – центурион Овидий Вариний Фалько, вторая центурия, третья когорта легиона люминатов, – крикнул он. – По приказу императора Скаевы я уполномочен взойти на ваше судно и осмотреть его на предмет контрабанды. Ваше сотрудничество...

– Да-да, перелазьте уже, ребята. – Клауд сверкнул фирменной улыбкой, обеспечившей его четырьмя бастардами, и, сняв треуголку, низко поклонился. – Нам нечего скрывать! Только сперва вытрите ноги, лады?

А затем пробормотал, слегка обернувшись:

– Вам лучше укрыться у себя в каюте, сестра. Ситуация может...

Клауд посмотрел на Большого Джона и перевел взгляд на пустое место, где еще несколько секунд назад стояли монахиня с ее телохранителем.

– ...Куда, ради бездны, они подевались?

¹² Всего два медных бедняка в обычном прибрежном борделе, включая эль, если трактирщик расщедрит. Заботьтесь о себе, дорогие друзья. Заботьтесь.

Глава 11. Поджог

Люминаты рассредоточились по «Деве», как блохи по волосатой груди лиизианской бабули.

Корабль оцепили для тщательного обыска; центурион Фалько определенно не впервые имел дело с контрабандистами и с легкостью нашел все три фальшивых тайника Клауда. К счастью, несмотря на теории заговора Большого Джона, незваные гости и близко не подошли к тому, чтобы найти настоящий, и тайный груз капитана остался в целости и сохранности. Но, сопровождая Фалько при обыске и максимально вежливо отвечая на все вопросы, Клауд пришел к поистине тревожному выводу.

На самом деле богопоклонников интересовала совсем не контрабанда – они искали людей. А зная, что из девушки, которая пряталась в трюме, вероятно, такая же монахиня, как из него священник, пират опасался, что скоро его потревоженное сердце начнет вытекать из обуви.

– И это единственные пассажиры? – спросил Фалько.

– Да, – ответил Клауд, занеся кулак, чтобы постучать в дверь каюты. – Обычно мы не перевозим людей.

– Где и когда они сели на борт?

– В Годсгрейве. Пару перемен назад. Купили проезд до самого Ашкаха.

Центурион быстро кивнул, и Клауд постучал.

– Сестра? – пропел он. – Вы одеты? Тут слуги Священного Света хотят задать вам пару вопросов.

– Войдите, – раздалось в ответ.

Клауд открыл дверь и обнаружил, что ваанианка уже вежливо стоит сбоку от косяка, чинно сложив перед собой руки, словно кающаяся грешница.

– Простите, сестра... – начал Клауд.

– Отойди в сторону, плебей, – перебил его Фалько, проталкиваясь в каюту.

Центурион снял свой шлем с плюмажем, пригладил влажную копну волос и почтительно поклонился монахине. Его серые, как сталь, глаза покосились на телохранителя в углу, и челюсти Фалько напряглись. Тот не произнес ни слова.

– Простите, милостивая сестра. Я – центурион Овидий Вариний Фалько, командующий военным кораблем «Верующий». По приказу императора Юлия Скаевы я обязан обыскать это судно и, следовательно, вашу каюту.

Девушка, опустила глаза в пол, убедительно демонстрируя свою скромность, и коротко кивнула.

– Извинения излишни, центурион. Прошу, продолжайте свой обыск.

Тот кивнул своим людям. Четыре пехотинца прошли внутрь, уважительно потупив взгляды. Очевидно, в каюте монахини им было так же уютно, как настоящей монахине было бы уютно в прибрежной бойцовой яме. Стараясь не слишком грубо вторгаться в ее личное пространство, они принялись осматривать сундуки, бочки, стучать по полу и стенам в надежде найти тайник. Фалько, со своей стороны, присматривал за громилой в углу, но тот оставался неподвижным.

Клауд молча наблюдал за происходящим, в животе у него трепетали бабочки. Он слышал, как пехотинцы обыскивали другие каюты – судя по звуку, уже не так осторожно. Капитан обхватил себя руками и крепко сжал челюсти.

«Тут холоднее, чем в трусиках у монахини...»

– Извините, сестра, – внезапно подал голос Фалько. – Признаться, мне очень странно обнаружить вас в такой... разношерстной компании.

– Не могу вас винить, бравый центурион, – ответила та, по-прежнему глядя в пол.

– Можно поинтересоваться, что вы делаете на борту этого судна?

– Можно, достопочтенный центурион. – Девушка пригладила свою широкую мантию, которая раздувалась на ветру из открытого иллюминатора. – Но, как я уже сообщила нашему славному капитану, моя задача требует предельной секретности. Мать-настоятельница велела мне ни с кем ее не обсуждать, даже с нашими братьями Света. Честью клянусь и смиренно молю о вашем прощении, но я должна хранить молчание.

Фалько кивнул, его серые глаза заблестели.

– Разумеется, сестра.

Пехотинцы закончили обыск и повернулись к центуриону.

– Мальчишки здесь нет, – доложил один, хоть и без надобности.

Центурион снова окинул пронзительным взглядом каюту. Но, пусть и не без доли любопытства, довольно кивнул и поклонился монахине.

– Простите за наше вторжение, достопочтенная сестра. Да направит Цана вашу руку.

Монахиня с терпеливой улыбкой показала три пальца.

– Да благословит и сохранит вас Аа, центурион.

– Видите? – Клауд улыбнулся от уха до уха, оседая от облегчения. – Все пристойно и законно, да, ребята? Любезные джентльмены, позвольте проводит вас на выход.

Фалько развернулся на каблуках, его люди уже направились к двери. Но тут мужчина резко остановился, и желудок Клауда сделал маленький кувырок. На лбу центуриона появилась небольшая морщинка, когда он взглянул на ноги девушки.

Серые глаза сверкнули в тусклом свете каюты.

– Моя сестра вышла замуж за сапожника, – внезапно заявил он.

Ваанианка наклонила голову.

– Что, простите?

– Да, – кивнул мужчина. – За сапожника. Четыре года назад.

– Я... – монахиня ошеломленно заморгала. – Я... очень за нее рада.

– А я нет, – Фалько нахмурился. – Мой зять тупее свинячьего дерьма. Но он хороший сапожник. С ним даже подписали договор эдиторы Годсгрейва. Каждый страж, который работает на арене, носит его обувь.

Центурион показал на заляпанные кровью носки кожаных ботинок, выглядывающих из-под священного облачения девушки.

– Вот такую.

В эту секунду произошло сразу несколько вещей, одна немного удивительнее другой. Во-первых, ваанианка заорала что есть мочи: «МИЯ!» в открытый иллюминатор. Что, учитывая обстоятельства, Клауд счел несколько странным.

Во-вторых, она достала нож из рукава и короткий меч, который прятала хрен знает где. Нож полетел в горло ближайшего пехотинца, и мужчина упал на спину в фонтане алых брызг, а девушка, ослабившись в свирепой гримасе, замахнулась на центуриона.

В-третьих, здоровяк в углу откинул капюшон, являя бледное, как у трупа, лицо, глаза демона, и дреды... хрен его знает, что там с этими дредами, но Клауд мог поклясться, что они *шевелились по собственной воле*. Парень потянулся в складки мантии к двух бугоркам, подозрительно напоминавшим рукоятки мечей, которые действительно оказались мечами.

Из могильной кости.

И последнее – и, вероятно, самое странное, – когда девушка прицелилась для удара, метя в наглую шею центуриона Овидия Вариния Фалько из второй центурии, третьей когорты, из-под ее широкой мантии, неистово вопя, выскочила тень в форме кота, за которой последовал весьма встревоженный девятилетний мальчишка с кляпом во рту и связанными запястьями.

К удару, по крайней мере, Фалько был готов: он вытащил солнцестальный меч из ножен, произнося молитву Аа. Лезвие загорелось ярким пламенем и блокировало удар девушки, опалив ее клинок. Та снова закричала «МИЯ!», а три оставшихся в живых пехотинца с ревом обнажили короткие мечи. Клауд от души выругался и, не успев моргнуть глазом, как каюта погрузилась в хаос.

Пехотинцы были хорошо обучены и определенно умели сражаться в ограниченном пространстве. Но как только они вознамерились атаковать ваанианку, здоровяк нанес удар. Его клинок из могильной кости разрезал кольчугу, как бритва шелк. Он отсек одному из пехотинцев руку от плеча. Через всю каюту брызнула кровь, и мужчина с воплем упал.

Увы, но громила не отличался ловкостью – он казался сверхсильным, но медленным. Второй пехотинец атаковал в ответ и глубоко ранил громилу в руку. Прошептав молитву Аа, третий шагнул вперед и пронзил здоровяка прямо в живот.

Но тот не упал. Даже не вздрогнул. Он схватил черной рукой запястье пехотинца и притянул его к себе, нанизываясь на клинок. Второй рукой он сдавил ему горло. А затем со звуком, похожим на треск отсыревших веток, свернул мужчине шею.

Сестра Эшлин и Фалько скрестили мечи, центурион теснил девушку своей пламенной солнцесталью. Но когда он занес меч, где-то снаружи прогремел взрыв, разбив иллюминаторы. Осколки полетели во все стороны, и в каюту просочился горький смрад архимического огня. Фалько и Клауд одновременно пришли к выводу, что взрыв, судя по звуку, произошел на борту «Верующего», и на секунду повернули головы в сторону корабля. Для монахини этой секунды было более чем достаточно.

Кончик ее меча коснулся горла мужчины и перерезал ему трахею. Центурион упал на спину, истекая кровью. Мальчишка на полу пялился круглыми от ужаса глазами на умирающее тело. Создание из теней, напоминавшее кота, металось по каюте, шипя и вопя, а ходячий мертвец прижал последнего пехотинца к стене и душил его голыми руками. И тут Клауд Корлеоне учуял самый кошмарный запах, какой только может представить себе капитан на борту собственного корабля.

Пожар.

И посему поступил так, как любой другой разумный человек на его месте.

– В жопу это все, – сказал он.

И помчался по коридору.

Выбежав на палубу, он на мгновение растерялся от яркого света и вонючего дыма. По палубе «Девы», под зычные крики Большого Джона, бегали туда-сюда члены экипажа.

– Перережьте гребанные тросы! Скидывайте дреки, гниломудые кретины! Поливайте гребанные паруса! Оттолкните нас от их корабля, вы, раззявы недотраханые! Толкайте!

«Верующий» был объят пламенем – как паруса корабля, так и корпус его горели. От взорванной кормы валил черный дым. Сильно накренившееся судно быстро заливала вода. Горящие матросы и пехотинцы прыгали в море, обычный и архимический огонь пожирал дерево, на палубе царила паника. Наблюдая за сим и пытаясь понять, что же произошло на пострадавшем военном корабле, Клауд Корлеоне чуть не уронил челюсть на пол от удивления.

– Четыре Дочери...

Сперва он решил, что это просто игра света и дыма. Но, прищурившись, он осознал, что посреди пламени и пепла он видит...

«Девушку?»

Она двигалась как песня, кружа и увливая. Бледная кожа, сощуренные глаза и длинные волосы – черные, как вороново крыло. В одной ее руке был зажат меч из могильной кости, в другой – украденный щит. Кожу окрашивали алые брызги. Под внимательным взглядом Корлеоне девушка перебежала на корму к одному из люминатов. Мужчина выругался и поднял

солнцестальный клинок. По лестнице взлетела волчица, созданная из теней, и, раззявив пасть, зарычала. Клауд отпрянул, когда осознал, что понимает ее речь.

– ...*Бегите!*.. – ревела она холодным, как зима, голосом. – ...*Бегите, глупцы!*..

Девушка подняла руку, и люминат со вскриком попятился, прижав ладони к глазам и будто ослепнув. Она отрезала ему кисть и, когда люминат упал, откинула щит и подхватила его пылающий меч с досок палубы. И пока тенистая волчица выла от жажды кровопролития, пока девица вилась среди испуганной толпы, сверкая клинками, что-то в ней показалось Клауду знакомым. Что-то напомнило ему запах крови и песка, вкус губ миловидной дамы, крики букмекера, назвавшего его самоуверенным идиотом, когда он поставил весь свой выигрыш на...

– Бездна и кровь, – выдохнул капитан.

«Верующий» покачнулся от очередного взрыва, дерево треснуло, мачты рухнули. Клауд догадался, что кто-то поджег их хранилище архимических боеприпасов, и теперь судно разрушалось изнутри. Солдаты и матросы прыгали в море или отчаянно пытались перелезть на «Деву», лишь для того, чтобы упасть в волны при активном содействии его соленых, исполняющих приказы Большого Джона. Клауд осоловело наблюдал, как девчонка перерезает бакштаги, крепившие бизань-мачту; как меч из могильной кости рассекает толстые, пропитанные смолой веревки, словно они сделаны из паутины. Она низко пригнулась, и мачта, подталкиваемая ветром, с оглушительным треском упала в сторону «Девы». Девушка забралась на нее и легко побежала по дереву, словно кошка, а затем, скривившись, с разбегу прыгнула над развещающейся между «Верующим» и «Девой» пропастью.

Прыжок не вполне удался. Ее клинок из могильной кости вылетел из руки и упал на палубу под ноги Клауду, а девушка врезалась в кормовые перила, и ее солнцестальный меч свалился в горящее море. Она чуть было не последовала за ним, но каким-то чудом удержалась, впившись ногтями в древесину и побелевшими костяшками пальцев схватившись за тяжелый шкив. Скользкими от крови ладонями ей удалось подтянуться, перекинуть ногу через перила и плюхнуться на палубу, кашляя и давясь слюной.

– Отымейте меня нежно, – пробормотал Клауд, – а затем оттрахайте как следует.

Убрав мокрую от крови прядь с губ, девушка подняла взгляд на Корлеоне. Капитан держал в руках ее меч из могильной кости, его рукоять была липкой и алой. Тень девушки искажилась, и на палубе между ними возникла волчица, внушившая такой страх люминатам и их людям, – загрохот вздыблен, рычание доносится будто из-под пола.

– ...*Не подходи...*

От ее голоса и взгляда девчонки в животе Клауда похолодело. Казалось, что страх – это живое существо, сочащееся из тьмы у ее ног и переходящее к нему. Капитан услышал шаги на лестнице позади. Почувствовал уже знакомый озноб. Внизу собиралась его команда с дубинками и клинками наготове – слегка опьяненная резней и, возможно, жаждавшая продолжения. Большой Джон держал их в узде, но хватит одного слова, чтобы все началось сначала.

– Мия? – услышал Клауд за своей спиной.

– Все нормально, Эш, – ответила девушка, не сводя с него глаз.

– Ты Ворона, – сказал он дрожащим голосом. – Сокол Коллегии Рема. Кровавая красавица. Спасительница Стормвотча.

Клауд облизнул губы. Заставил себя успокоиться.

– Ты та девчонка, что убила великого кардинала Франческо Дуомо.

Она все так же смотрела на него. Ее лицо омрачали шрам и рабское клеймо, а также кровь и копоть. Под глазами – черными, как истинотьма – темнели круги.

– Да, – просто ответила она.

Осторожно, чтобы никого не спугнуть, Клауд Корлеоне опустил меч на палубу – ласково, словно новорожденного младенца. А затем, наклонившись к девушке, одарил ее улыбкой, наградившей его четырьмя бастардами, и протянул дрожащую руку.

– Добро пожаловать на борт «Кровавой Девы»!

Глава 12. Истина

Более неловкой обстановки, в которой прошел этот ужин, Мия припомнить не могла.

Они расположились в капитанской каюте. Клауд Корлеоне восседал во главе стола, одетый в роскошную, но чересчур открытую черную рубашку из бархата. Рядом с ним сидел Большой Джон, подложив под себя горку подушек. Мистер Добряк обвился вокруг плеч хозяйки, занявшей место на другом конце стола, а Эклипс свернулась на полу у ее ног. Эшлин сидела слева, Трик справа, последним в компании компанию был Йоннен, которого усадили напротив Большого Джона.

Эш избавилась от священного облачения и переоделась в черные кожаные штаны и красную бархатную рубашку. Трик по-прежнему был в темной мантии, но капюшон предпочел не накидывать, открыв для всеобщего обозрения свое прекрасное бледное лицо, черные глаза и дреды, покачивающиеся на ветру, который дул только на него. Мия все еще была в кожаной гладиатской юбке и сандалиях, но капитан со всей любезностью одолжил ей одну из своих черных шелковых рубашек взамен запятнанной кровью туники. Она быстро поняла, что мерзавец любил одежду с глубоким вырезом, и старалась сильно не наклоняться, чтобы ее незваные гости не устроили неожиданный визит.

Море шуршало за бортом, от качки «Девы» на волнах звенела посуда. Сквозь витражные окна лился солнечный свет, за ними простиралось во всей своей лазурной красе Море Безмолвия.

А вот безмолвие, царившее за столом, не радовало.

Капитан закатил целый пир, явно желая произвести впечатление на Мию, хотя она пока не понимала зачем. После первого испуга он довольно быстро свыкся с мыслью, что она даркин, и легко вошел в роль обаятельного хозяина. Пока им подавали закуски, Клауд болтал без умолку, в основном о своем корабле и путешествиях, и выпаливал остроты с такой быстротой, будто пил саму ртуть. Но вскоре стало очевидно, что большая часть публики не в настроении выслушивать истории Очаровательного Ублюдка. Светская беседа Корлеоне пошла на спад и затихла вовсе. Когда у них собирали тарелки перед подачей второго блюда, за столом воцарилась неловкая тишина.

Клауд Корлеоне прочистил горло.

– Кто-нибудь хочет еще вина?

– Нет, – ответила Эшлин, глядя на Трика.

– Нет, – ответил Трик, испепеляя взглядом Эшлин.

– Вашу мать, конечно да! – воскликнула Мия, размахивая бокалом.

Это был уже третий. Вино дорогое, винтажное, темное и дымное на языке. И хоть она предпочитала золотое вино – Албари, если оно было, хотя, по правде, стоился бы почти любой виски, – Мие хватало воспитания не спрашивать капитана, припасено ли оно в закромах. Красным вином тоже вполне можно упиться, а после долгих перемен в тесной компании в той каюте все были на взводе. Посему именно упиться она и планировала.

– Итак, – попытался Корлеоне закинуть очередную удочку. – Откуда вы все знаете друг друга?

Тишина.

Долгая, как годы.

– Мы учились вместе, – наконец ответила Мия.

– Правда? – капитан заинтригованно улыбнулся. – В общественном учреждении, Железной Коллегии или...

– ...*Это была школа для начинающих ассасинов, управляемая культом убийц...*

– А-а-а, – Клауд посмотрел на кота из теней и кивнул. – Значит, частные преподаватели.

– *НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАС СТАЛИ ПРОФЕССИОНАЛАМИ В ЭТОМ ДЕЛЕ*, – подал голос Трик, глядя на Эш. – *В СМЫСЛЕ, В УБИЙСТВЕ.*

– Ничего удивительного, – парировала она. – Ведь ради этого мы и учились.

– *НОЖ В РУКЕ ДРУГА ИМЕЕТ СВОЙСТВО УДИВЛЯТЬ.*

– И зря, если этот друг считает себя важнее семьи.

– Э-э-э... – протянул Корлеоне.

Мия осушила бокал.

– Еще вина, пожалуйста.

Капитан исполнил просьбу, а мальчишка с кухни принес основное блюдо и начал накладывать еду на тарелки. Ужин был что надо, особенно, если учесть, что они находились на корабле – подали жареного ягненка с розмарином и относительно свежие овощи. Несмотря на напряженную обстановку, у Мии потекли слюнки. Когда Корлеоне начал разрезать ягненка, мясо почти отваливалось от кости.

– Я видел, как ты одолела ту шелкопрядицу на играх в Уайткипе, – произнес Большой Джон с набитым ртом. – И выиграл херову кучу денег. Просто охренительное выступление, барышня.

– Четыре Дочери, Большой Джон! – Клауд нахмурился. – Следи за языком за столом, ладно?

– Блядь, – он закусил губу. – Прошу прощения.

– Что, снова?!

– Блядь! Простите. Вот дерьмо... *БЛЯДЬ...*

– Да все нормально, – сказала Мия, откидываясь на спинку стула и наслаждаясь головокружением. – Я действительно была охренительна. Надеюсь, ты потратил свою херову кучу на что-то стоящее.

Маленький человек улыбнулся всеми своими серебряными зубами и поднял бокал.

– А ты мне нравишься.

Мия тоже подняла свой и осушила его одним глотком.

– Что насчет вас, юный дон? – спросил Клауд, поворачиваясь к Йоннену, чтобы сменить тему. – Ты, случайно, не увлекаешься кораблями?

– Не разговаривай со мной, кретин, – буркнул мальчик, размазывая еду по тарелке.

– Йоннен! – строго окликнула мальчика Мия. – Не груби.

– Я не буду поддерживать бессмысленную болтовню с этим нарушающим законы разбойником, Царетворец, – огрызнулся он. – Более того, когда я вернусь к отцу, то позабочусь, чтобы этого негодяя повесили.

– Что ж... – губы Корлеоне поджались ниточкой. – Я...

– Не обращай на него внимания, – отмахнулась Мия. – Он просто маленький испорченный засранец.

– Я – сын императора! – визгливо прокричал мальчик.

– Это не спасет тебя от порки. Так что следи за своими гребаными манерами!

Брат с сестрой схлестнулись взглядами в молчаливом споре о том, чья воля сильнее.

– Э-э... Еще вина? – предложил Большой Джон.

– Да, пожалуйста, – Мия протянула бокал.

Когда все приступили к еде, а Мия – еще и к выпивке, за столом наступила уже менее неловкая тишина. Последние восемь месяцев Мия кормилась разными сомнительными помощными бульонами, которые готовили в Коллегии Рема, – это был первый нормальный ужин на ее памяти за долгое время. Мия уплетала за обе щеки, запивая большую порцию вином. Ягненок вышел вкусным, острым, идеально приправленным, овощи были хрустящими и сладкими. Даже Йоннен, казалось, наслаждался едой.

– Вам не нравится, дон Трик? – спросил Корлеоне. – Я могу приказать коку подать что-нибудь другое.

– *МЕРТВЫЕ НЕ НУЖДАЮТСЯ В ЕДЕ, КАПИТАН.*

– Но все равно усаживаются за стол, – пробубнила Эшлин с полным ртом.

– ...*ЧТО, ПРОСТИ?*

– Передай соль, карлик, – потребовал Йоннен.

– Так! – Мия стукнула кулаком по столу. – Он не карлик, а маленький человек!

– Нет, это я маленький человек, – парировал мальчишка с самодовольной ухмылкой, тыча в Большого Джона вилкой. – А *он* – карлик. И завтра я стану выше.

– Так, блядь, с меня хватит. – Мия встала. – Отправляйся в каюту!

– Что ты сказала? Я – сын...

– Да мне насрать, чей ты сын! Ты гость за этим столом и должен вести себя подобающе. Хочешь, чтобы к тебе относились с уважением, братец? Для начала прояви его к другим. Поскольку уважение нужно *заслужить*, а не требовать как гребаную данность. – Мия подалась вперед и сердито на него посмотрела. – Иди. К себе. В каюту!

Мальчик уставился на сестру. Прищурился. Тени вокруг него задрожали и заплесали, как кнуты, отражая ярость в его глазах. Посуда на столе начала позвякивать.

– ...Мия? – окликнула Эш.

– ...*Мия?*..

В мгновение ока тени вытянулись и заострились, словно ножи, целясь ей в горло. Мия нахмурилась и, сцепив челюсти, выдернула тьму из хватки брата одной силой мысли. Он был в ярости, да. Но она была старше. Сильнее. И гораздо, гораздо злее. Взять тени под контроль было все равно что вырвать игрушку из рук ребенка. И, качнув головой и подавив брата своей волей, она вернула теням обычную форму.

– Я буду улыбаться, когда тебя повесят, Царетворец, – прошипел он.

– Возьми номерок и встань в очередь, братец. А тем временем тащи свой зад обратно в каюту, пока я не выперла тебя.

Губы мальчика задрожали от осознания поражения. Щеки покраснелись от злости. И, не промолвив больше ни слова, он вылетел из каюты, хлопнув за собой дверь.

– Эклипс, можешь присмотреть за ним? – пробормотала Мия.

– ...*Как только может незрячий*...

Тенистая волчица выползла из-под стула Мии и исчезла из виду. Девушка села на место, положила локти на стол, и спрятала лицо в ладонях.

– Маленький человек? – сказал Большой Джон в последовавшей тишине.

– Извини, – Мия помахала рукой. – Если тебя это оскорбило.

Тот наклонился и захлопал ресничками.

– Донна, вы выйдете за меня?

– В очередь, маленький человек, – улыбнулась Эшлин, сжимая руку Мии.

– *ТОЛЬКО НЕ ПОВОРАЧИВАЙСЯ К НЕЙ СПИНОЙ*, – сказал Трик. – *ЭШЛИН НЕ ЛЮБИТ КОНКУРЕНЦИИ.*

– Черная гребаная Мать! – Эш вонзила вилку в стол, три перемены в напряжении наконец взяли свое. – Тебе обязательно подкалывать меня при каждой возможности?

– *ЛЮБОПЫТНЫЙ ВЫБОР СЛОВ, УЧИТЫВАЯ, ЧТО ТЫ СО МНОЙ СДЕЛАЛА.*

– Это называется ирония, Трикки, – процедила она. – Старый сатирический прием. Я-то считала тебя экспертом по драме, с учетом того, как ты переигрываешь.

– *ПЕРЕИГРЫВАЮ?*

– Да, ты немного перегибаешь, тебе не кажется?

– *ТЫ УБИЛА МЕНЯ!* – проревел Трик, вставая со стула.

– Я сделала то, что было необходимо! – Эшлин тоже поднялась. – Ты сам сказал, что Красная Церковь сбилась с пути! Что ж, я пыталась ее свергнуть, и начала это делать раньше, чем *кто-либо* из вас! Мне жаль, что тебя пришлось убрать, но это правда! И я напала на тебя как друг, если ты забыл. Спереди, а не с гребаной спины. Я не могу этого исправить, так какого хрена ты от меня хочешь?!

– *НАМЕК НА СОЖАЛЕНИЕ? КРУПИЦУ РАСКАЯНИЯ? ЧТОБЫ ТЫ ХОТЬ НЕМНОГО ПОНЯЛА, ЧЕГО ЛИШИЛА МЕНЯ?*

– Раскаяние для слабаков, Трики. А сожаление – для трусов.

– *ТЫ ЖЕ ПУСТЫШКА, ВЕРНО? НИ КАПЛИ СОВЕСТИ ИЛИ...*

– Ой, в бездну все это.

Эш оттолкнула тарелку и направилась к двери.

– Эшлин... – начала Мия.

– Нет, пошло оно все на хрен, – сплюнула девушка. – И он в том числе. Я не собираюсь сидеть здесь и терпеть это дерьмо из-за того, что *каждый* из нас делал. Все мы лжецы. Все убийцы. Бездна и кровь, ты стал полноправным Клинком Красной Церкви, Трик! В отличие от Мии ты *прошел* испытания. Так что не строй из себя гребаную жертву, когда убитые тобой тоже в могиле!

Эшлин ушла, и дверь хлопнула во второй раз.

В каюте воцарилось молчание. Мия вертела бокал с вином в руках и водила пальцем по его краю. Слова Эшлин эхом отдавались в голове вместе с воспоминанием о последнем испытании Церкви. О том, как ее позвали к Достопочтенной Матери Друзилле. Всего одно простое задание отделяло ее от крещения.

Мия услышала шаркающие шаги в тенях. Увидела двух Десниц в черном, которые тащили упирающегося человека. Юношу. Едва-едва подростка. Распахнутые глаза. Зареванные щеки. Связанный и с кляпом во рту. Десницы приволокли его в центр круга света и поставили на колени перед Мией.

Девушка посмотрела на Достопочтенную Мать. На эту милую улыбку матроны. На эти мудрые добрые глаза с морищинками, разбегающимися из их уголков.

– *Убей этого мальчишку, – приказала женищина.*

Несмотря на всю свою бравату, Мия провалила испытание. Отказалась забирать жизнь невинного. Цепляясь за те ошметки нравственности, которые у нее оставались. Но Трик присутствовал на пиру в честь посвящения, когда Эшлин предательски вломила в Церковь.

И, само собой, это значит, что он *не* провалил задание.

Она посмотрела на безочажного двеймерца. В его бездонные глаза.

Увидела его жертв, парящих во тьме. И его руки – не черные, а алые.

– *ПОЙДУ ПОДЫШУ СВЕЖИМ ВОЗДУХОМ*, – сказал он.

– Ты же не нуждаешься в воздухе, – возразила Мия.

– *ТЕМ НЕ МЕНЕЕ.*

– Трик...

Дверь за ним тихо закрылась.

Большой Джон и Корлеоне переглянулись.

– ...Еще вина? – предложил капитан.

Мия глубоко вдохнула и выдохнула.

– Ай, в жопу все, почему бы и нет.

Подхватив бутылку, она откинулась на спинку стула и закинула ноги на край полированного стола, делая долгий, медленный глоток прямо из горла.

– У тебя... любопытные спутники, Ворона, – заметил капитан.

– Мия, – поправила его она, вытирая губы. – Меня зовут Мия.

– Я Клауд.

– Это твое настоящее имя? – с подозрением спросила она, щурясь.

– Нет, – он улыбнулся. – Его ты не узнаешь.

– А что ты мне дашь, если я его угадаю?

Он обвел рукой каюту.

– Все, что вы видите, донна Мия.

Девушка потерла глаза, лицо и вновь вздохнула. Голова казалась ей слишком тяжелой для шеи. Язык – слишком большим для рта.

– Можешь посадить нас в Уайткипе. Если вернешь хоть какую-то долю от тех двух сотен священников, я буду очень благодарна. Столько, сколько посчитаешь справедливым.

– В смысле, вытурить вас с «Девы»? – пират нахмурился. – С чего бы мне это делать?

– Ну, давай посмотрим, – Мия начала перечислять, загибая пальцы. – Я проникла на твой корабль с двумя демонами и мертвым юношей. Мы с братом даркины, а еще он похищенный сын императора, и его маленький зад, вероятно, ищет весь итрейский легион. Я вовлекла тебя и всю твою команду в убийство нескольких люминатов, экипажа их корабля, и в уничтожение самого корабля. – Она откинула голову, допила остатки на дне бутылки и уронила ее на пол. – А еще я выпила все твое гребаное вино.

Девушка икнула. Облизнула губы.

– Но вино хорошее...

– Моего брата звали Никколино, – вдруг сказал Корлеоне.

– Чудес-с-ное имя, – с трудом выговорила Мия.

По незаметному сигналу Большой Джон спрыгнул со стула и тихо вышел из каюты. Мия осталась одна с разбойником, не считая кота из теней, по-прежнему обвивающего ее плечи.

Корлеоне медленно встал, подошел к дубовому шкафчику и достал еще одну бутылку очень хорошего красного вина. Срезав восковую печать острым ножом, он наполнил бокал Мии и вернулся к своему месту, прижимая к груди выпивку.

– Никко был на два года старше меня, – продолжил он, делая глоток. – Мы жили в Годсгрейве. В Малом Лиизе. Он, я и мама. Отца отправили в Философский Камень, когда мы были совсем маленькими. Он умер во время «Снижения».

Тут Мия слегка прищурилась.

– Моя мать тоже умерла в Камне.

– Как тесен мир.

– Выпьем за это.

Мия хлебнула из бокала, стараясь не думать о ночи, когда погибла Алинне Корвере.

– Мама была очень набожной, – продолжил Корлеоне, выпив из бутылки. – Богобоязненной дочерью Аа. Мы ходили в церковь каждую перемену. «Мальчики, если вы в него не верите, почему он должен верить в вас?»

Корлеоне снова медленно отпил из горла.

– Мой брат хорошо пел. Его голос мог бы пристыдить даже лирохвоста. Потому епископ из нашего прихода взял его в хор. Заметь, это было двадцать лет назад. Мне было двенадцать. Никко – четырнадцать. Мой брат репетировал каждую перемену. – Клауд усмехнулся и покачал головой. – Его пение сводило меня с ума. Но мама так им гордилась, что проплакала всю его первую мессу. Рыдала как гребаное дитя. А затем Никко перестал петь. Будто его голос просто... украли. Он сказал маме, что больше не хочет петь в хоре. Не хочет ходить в церковь. Но она ответила, что с его стороны было бы стыдно тратить попусту такой дар от Аа. «Если ты не веришь в него, почему он должен верить в тебя, Никко?» И она заставила его вернуться.

Капитан сделал еще один глоток и закинул ноги на стол.

– Одной ночью он вернулся с репетиции в слезах. Бедняга весь дрожал. Я спросил, что случилось, но он отказывался говорить. А затем я увидел кровь. Кровь на его простыне. Я

побежал за мамой. Кричал: «У Никко идет кровь, у Никко идет кровь!» Она прибежала к нему и спросила, что не случилось. И он ответил, что епископ сделал ему больно. Заставил его...

Корлеоне покачал головой, его взгляд затуманился.

– Она ему не поверила. Обвинила его во вранье. А затем ударила.

– Черная Мать... – прошептала Мия.

– Она просто не могла в это поверить, понимаешь? Нечто подобное... просто не укладывалось у нее в голове. Но это ужасно, донна Мия, когда тот, кто должен любить тебя больше всех на свете, оставляет тебя на съедение волкам.

Мия повесила голову.

– Да уж.

– Спустя четыре перемены Никко прыгнул с Моста Нарушенных Обещаний. С кирпичами в рубашке. Его нашли в воде только через неделю. Епископ пришел на его похороны. Прочитал мессу над его могилой. Обнял мою мать и сказал, что все будет хорошо. Что Всевидящий любит ее. Что все это – часть его *замысла*. А затем повернулся ко мне, взял за плечо и спросил, люблю ли я петь.

Мия попыталась что-то сказать. Но потеряла дар речи.

Корлеоне взглянул Мие в глаза.

– Этого епископа звали Франческо Дуомо.

Сердце девушки ухнуло вниз. Рот наполнился желчью, ресницы увлажнились от слез. Мия знала, что Дуомо заслуживал смерти, которой она одарила его на арене, но, Богиня, она даже не догадывалась насколько.

Корлеоне медленно встал, обошел стол и, по-прежнему глядя ей в глаза, положил перед ней знакомый мешочек с монетами.

– Так что можешь оставаться на гребаном корабле, сколько душе угодно.

Глава 13. Заговор

Меркурио сидел в кабинете летописца Элиуса, уткнувшись носом в **«КНИГИ»**. Отныне он мысленно называл их именно так. **«КНИГИ»**. Прописными буквами. Жирным, нешуточным шрифтом. Кавычки, возможно, подчеркивание – он пока не решил. Но в чем он был уверен, так это в следующем: называть их «какими-то книгами» или «Какими-то книгами», или даже **«КАКИМИ-ТО КНИГАМИ»**, все равно что отрицать, во всех смыслах, то, чем они являлись на самом деле.

Потрясающими книгами.

Невероятными книгами.

Взрывающими мозг, охренительными книгами.

«КНИГАМИ».

За последние несколько перемен хмурые складки на лбу старика стали неотъемлемой чертой его лица – настолько, что ему было даже больно менять выражение. Светло-голубые глаза внимательно изучали страницу, каждый абзац, каждое предложение, каждое слово; крючковатый, испачканный в токсинах указательный палец следовал за движением взгляда по строкам.

Меркурио как раз подходил к концу второго тома, его сердце быстрее забилося в груди.

Издав последний вздох, он пал. Непобедимого победили.

Мию словно ударили молотком по позвоночнику. Кровь потекла быстрее по жилам, по коже поползли мурашки, каждый нерв воспламенился. Она упала на колени, волосы развевались вокруг нее на призрачном ветру, ее тень царапала безумные, неровные каракули на полу: Мистер Добряк, Эклипс и тысяча других силуэтов вырисовывались среди линий, которые та выводила на камне. Голод внутри Мии был утолен, тоска прошла, пустота внезапно и яростно заполнилась. Отсечение. Пробуждение. Причастие, выведенное алой и черной красками. И, подняв лицо к небу, на секунду, всего на один миг, она увидела ее. Не бесконечное поле ослепительного голубого, а бездонную черноту. Черную, целостную и прекрасную.

Усеянную крошечными звездами.

Мия увидела сияющий бледный шар, нависший над ней в небесах. Почти как солнце, но не красное, не голубое, не золотое и не опаляющее свирепым жаром. Шар был призрачно-белым и отбрасывал светлое сияние и длинные тени к ее ногам.

«Многие были одним»

– *Ворона! Ворона! Ворона! Ворона!*

«И станут снова».

Меркурио откинулся на спинку стула и затянулся сигариллой.

– От этой херни с ума сойти можно, – пророкотал он.

– Требуется некой мыслительной гибкости, да?

Летописец Элиус с головой ушел в работу, обтягивая ветхие и потрепанные библиотечные книги новыми обложками из кожи ручной выделки. Время от времени делая паузы, чтобы затянуться собственной сигариллой и выдохнуть облачко дыма с клубничным ароматом, он ловко орудовал иглой из блестящей могильной кости. Из-за того, что оба они нещадно дымили, воздух в кабинете можно было хоть ножом резать, а в пепельнице на резном столе из красного дерева набралась горка бездыханных окурков.

– Гибкости? – фыркнул Меркурио. – Гибкость нужна циркачам и дорогим куртизанкам, Элиус. А тут нужно что-то совсем иное.

– И многих дорогих куртизанок ты знал? – поинтересовался летописец.

Меркурио пожал плечами.

– Было дело, в молодые годы.

– Есть какие-нибудь хорошие истории? А то давненько у меня никого не было...

– Если хочешь дешевой похабщины, – Меркурио вздохнул и постучал пальцем по первой из **«КНИГ»**, – то непристойности начинаются в первой книге, страница триста пятьдесят пять.

– О, я знаю, – летописец хихикнул. – Глава двадцать вторая.

Меркурио хмуро покосился на Элиуса.

– Ты ее читал?

– А ты нет?

– Зубы гребаной Пасти, нет! – Меркурио чуть не поперхнулся дымом от ужаса. – Она же мне как... Я не хочу думать о том, как она приобщалась к... *этому*.

Старик развалился в кресле и яростно затянулся сигариллой. Последние несколько перемен он изо всех сил пытался смириться с существованием **«КНИГ»**, но это давалось ему с трудом. Чтобы не вызвать подозрения у Друзиллы и Десниц, которых она приставила тенью ходить за ним по Тихой горе, визиты в библиотеку Леди Священного Убийства были краткими – парочка сигарилл со старым летописцем, болтовня по душам, и пора на выход. Меркурио не осмеливался забрать **«КНИГИ»** из читальни – его комнату могли в любой момент обыскать, – поэтому он был вынужден читать их урывками. Ему только сейчас удалось добраться до конца второй части.

Было до ужаса странно читать о подвигах Мии и ее размышлениях, но страннее всего – о его собственной роли в ее истории. Изучать эти страницы было все равно что смотреть на свое отражение в черном зеркале, но не лицом к лицу, а так, словно он подпирает стекло плечом. Читая о себе, он почти чувствовал, как кто-то выглядывает из-за его спины.

– Слушай, как, ради бездны, это вообще возможно? – спросил Меркурио, поворачиваясь лицом к Элиусу. – Как эти книги могут существовать? Они рассказывают историю, которая еще не закончена. И на них мое имя, хотя я никогда не писал эту хрень.

– Именно. – Элиус кивнул на читальню за черными каменными стенами его кабинета. – Для этого и существует это место. Библиотека мертвых. Книг, которые сожгли. Или забыли с течением веков. Или книг, которым даже не дали шанса пожить. Они *не* существуют. И поэтому находятся здесь.

Летописец пожал худыми плечами и выдохнул дым.

– Забавное старое местечко.

На читальню Черной Матери опустилась тишина, нарушаемая лишь дальним ревом одного рассерженного книжного червя во мраке.

– Ты перечитывал вступление? – тихо поинтересовался Элиус. – Внимательно?

– Да, – буркнул Меркурио.

– Гм-м-м.

– Слушай, это ни хрена не значит.

Элиус наклонил голову, в его молочно-голубых глазах читалась жалость. Он перевернул страницы с алым обрезом к началу первой **«КНИГИ»** и зачитал вслух:

– *«Примите к сведению, что страницы в ваших руках повествуют о девушке, которая дирижирует убийством, как маэстро – оркестром. О девушке, которая разделалась с «долго и счастливо», как пила – с кожей. Сама она уже мертва – слова, ради которых грешники и праведники отдали бы последнее, лишь бы их услышать. Республика пошла прахом. От ее руки рухнул на дно...»*

– Да-да, я все это читал, – прорычал Меркурио. – Это ничего не значит.

– Это – ее история, – ласково ответил Элиус. – И так она заканчивается. «Республика пошла прахом». Это хороший конец, Меркурио. Лучше, чем многие.

– Ей восемнадцать! Она пока не заслуживает *никакого* конца!

– С каких пор «заслуга» имеет к этому какое-либо отношение?

Старик подкурил сигариллу крючковатыми пальцами, добавив еще одно облако серого дыма к мареву в кабинете.

– Ладно, тогда где гребаная третья часть?

– А?

– Я почти закончил вторую, – Меркурио постучал по черному волку на обложке. – И в обеих частях упоминается третья. Рождение. Жизнь. И смерть. Так где она?

Элиус пожал плечами.

– Откуда ж мне знать.

– Разве ты ее не искал?

Летописец часто заморгал.

– Зачем?

– Чтобы мы узнали, чем все закончится! Как она умрет!

– И какой от этого прок? – Элиус нахмурился.

Меркурио театрально вздохнул, встал и, опираясь на трость, зашагал по комнате.

– Если мы узнаем, к чему все идет, то, возможно, поможем ей избежать конца, о котором *в этой*, – его трость с глухим стуком ударила по первой **«КНИГЕ»**, – говорится.

– Кто сказал, что ты можешь что-либо изменить?

– Ну, а кто сказал, что нет? – огрызнулся старик.

– Ты действительно хочешь узнать будущее? По мне, так это настоящее проклятье. Лучше плакать по тому, что могло бы случиться, чем по тому, что, как ты знаешь, неминуемо произойдет.

– Мы ничего не *знаем*!

– Мы знаем, что все истории когда-нибудь заканчиваются, мелюзга. Включая ее.

– Еще рано, – Меркурио покачал головой. – Я не позволю.

Элиус прислонился к столу и выдохнул серый дым с клубничным ароматом в миазмы над своей головой. Меркурио запустил дрожащую руку в волосы.

– Читать обо всем этом... Это кажется неправильным. Кажется...

– Слишком грандиозным? – подсказал Элиус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.